

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

*100-ЛЕТИЮ ПГНИУ
ПОСВЯЩАЕТСЯ*



Н А Ш И В Е Т Е Р А Н Ы

Страницы истории
филологического факультета
Пермского университета

Пермь 2013

УДК 378 (470.53)

ББК 74.58

Н 37

Автор проекта и составитель – доцент кафедры русской литературы ПГНИУ **Н.Е. Васильева**

Н **Наши** ветераны. Страницы истории филологического факультета Пермского университета / сост. Н. Е. Васильева; отв. за вып. Б. В. Кондаков; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – 2-е изд., испр. и доп. – Пермь, 2015. – 164 с.

ISBN

Книга «Наши ветераны» является первой из серии изданий филологического факультета, задуманных к юбилейной дате университета – его столетию. К 2016 году факультет планирует отразить в этой серии многообразные аспекты и стороны его исторического существования и представить по возможности полный и всесторонний образ факультета в динамике и основных «узлах»: научных достижениях и учебном процессе, общественной работе и самодеятельности, кадровых изменениях и издательской деятельности, известных выпускниках в разных сферах жизни города от обширного учительского корпуса до широко представленного круга творческой интеллигенции.

Издание «Наши ветераны» логически вписывается в замысел как начало разговора о людях, отдавших факультету по 50 и более лет жизни и сейчас находящихся на заслуженном отдыхе. О ветеранах, как ушедших из жизни, так и ныне еще работающих, будет рассказано в соответствующих изданиях юбилейной серии.

УДК 378 (470.53)

ББК 74.58

Издается по решению ученого совета
филологического факультета

Ответственный за выпуск декан филологического факультета ПГНИУ
профессор **Б. В. Кондаков**

Редакционная коллегия: Е. А. Баженова, Н. Е. Васильева, Т. Б. Карпова,
Б. В. Кондаков

ISBN

© ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», текст, 2013.

© Н. Е. Васильева, составление, 2013.

© В. А. Леготкин, компьютерная верстка, 2013.

© Л. Г. Писорогло, оформление, 2013.

© А. В. Пустовалов, веб-дизайн, 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Н. Е. Васильева, Б. В. Кондаков</i>)	3
<i>Н. Б. Лапаева</i> . Маргарита Александровна Ганина: филолог, который сделал себя сам	5
<i>А. А. Сидякина</i> . «О, были б помыслы чисты...» (<i>Нина Васильевна Гашева</i>)	22
<i>А. Э. Якунина</i> . Р. Я. Гельфанд. штрихи к портрету	39
<i>Р. С. Стивак</i> . Римма Гельфанд	52
<i>А. Е. Заварыкина</i> . Не место красит человека (<i>Лидия Ивановна Губина</i>)	55
<i>С. Ф. Журавлев</i> . Преодоление	75
<i>Л. А. Грузберг</i> . Аделаида Фёдоровна, Алочка (<i>Аделаида Фёдоровна Любимова</i>)	94
<i>О. В. Гордеева</i> . Елена Николаевна Полякова	109
<i>Е. В. Шкляева</i> . Нонна (<i>Нонна Петровна Потапова</i>)	132
<i>М. В. Воловинская</i> . Зинаида Васильевна Станкеева	142
<i>Т. Г. Вилисова, Л. В. Братухина, З. М. Кашафутдинова</i> . Связующее слово профессора Яшенькиной	154

Предисловие

Эта книга начинает серию изданий, посвящённых 100-летию филологического факультета. Не раскрывая замысел этой серии в его полном объёме, скажем только, что конкретные рубрики юбилейного издания представляют основные аспекты бытия факультета, главные «узлы» его истории, наиболее значимые события и персоны, которые определяли развитие факультета, его имидж, авторитет, репутацию. В то же время это издание не летопись в её хронологической последовательности и полноте, тем более не исчерпывающий обзор всего столетнего пути факультета, а именно и только главные точки отсчёта, локальные, но значимые факты, пунктиры, судьбы. Задача юбилейного цикла двоякая: с одной стороны, прочертить логику становления фа-

культета, очевидные с сегодняшней точки зрения закономерности его истории, с другой – показать панораму человеческих портретов, судеб, биографий, тех частных жизненных историй, из которых и складывалось лицо факультета в его конкретных исторических срезам. При этом составитель и издатели всей серии исходили из того, что филфак не имманентная структура, а живой и всегда открытый «организм», сотнями нитей связанный с городом, краем, с многочисленными институтами социального, общественного и культурного значения. За 100 лет филфак выпустил в жизнь тысячи специалистов, из которых комплектовались кадры школ, газет, радио, телевидения, издательств, журналистских и писательских организаций, административных и общественных предприятий. Это наши выпускники, и о лучших из них будет рассказано в задуманной серии.

Началом её стала книга «Наши ветераны». В ней – рассказ о тех, кто, отдав факультету свою жизнь, знания и энергию, сегодня отдыхают. Много ветеранов не дошли до юбилейной даты, о них будет рассказано на соответствующих страницах факультетского эпоса. Многие из ветеранов ещё работают и находятся в активе факультетской жизни. О них разговор тоже будет представлен в соответствующих главах и разделах.

Авторами материалов о наших ветеранах являются в основном наши выпускники, что, конечно, символично: духовная нить между поколениями не должна прерываться, и альма матер жива и трепетна в каждом слове многоголосого повествования. Все материалы сохраняют сугубо авторский характер: стиль, жанр, манеру, отбор фактов и общий ракурс. Лирический монолог от первого лица, академически выверенный рассказ, «коллаж» из цитированных мемуаров, живое интервью, эмоционально-экспрессивный портрет и т.д. – эти и другие индивидуальные особенности каждого автора дополняют друг друга, раскрывая читателю образ каждого ветерана с какой-то новой, неизвестной ранее стороны. Оказывается, мы, проживая на факультете свои жизни и встречаясь друг с другом на протяжении многих лет совместной работы, далёко не всегда знаем друг друга по-настоящему. Эта книга заново познакомит нас с нашими ветеранами. Надо пожелать им спокойной и достойной жизни, здоровья на долгие годы и добрых дум о родном факультете.

Старт юбилейного издания взят. Пожелаем и ему успешного преодоления возможных трудностей, ровного «дыхания» на издательском пути и радостной встречи с читателями!

Н. Е. Васильева, Б. В. Кондаков

Н. Б. Лапаева,
доцент кафедры новейшей
русской литературы
Пермского государственного
педагогического университета

МАРГАРИТА АЛЕКСАНДРОВНА ГАНИНА: ФИЛОЛОГ, КОТОРЫЙ СДЕЛАЛ СЕБЯ САМ

Маргарита Александровна Ганина – мой учитель. Когда я была первокурсницей, она читала нам фольклор. Затем, когда я благополучно перешла на 2 курс, она знакомила нас с русской литературой XVIII века. А начиная с 3 курса, я писала под её руководством курсовые работы, посвящённые творчеству пермской писательницы Анны Кирпищиковой, ставшие главами диплома на заключительном 5 курсе. Знаменательно, что сегодня, работая на филологическом факультете Пермского педуниверситета, я читаю курсы, связанные с историей и сегодняшним днём пермской литературы, и Анна Кирпищикова в них занимает одно из важнейших мест. Таким образом, для меня лично встреча с Маргаритой Александровной Ганиной – это не «эпизод» в моей студенческой жизни, но самый настоящий «сюжет», вобравший в себя «мотивы» рождения, становления и обретения себя как филолога, как профессионального преподавателя, как личности. Маргарита Александровна – тот преподаватель, который участвовал в «прологе» моей филологической судьбы, обеспечив её дальнейшее развитие и формирование.

Когда ты юный студент, беспечный, весёлый и легкомысленный, ты не задумываешься глубоко (и это совсем не аномально) о том, о чем начинаешь думать позднее и взрослея: о судьбоносном характере человеческих встреч, о внутренней логике «скрещения судеб», о феномене «корней и ветвей», о том, что в сегодняшнем есть продолжение прошлого и начало будущего. И эти размышления всегда сопровождаются попытками понять, кто и каким образом закладывал в тебя основы мировоззрения и знаний, кто и как способствовал формированию твоей системы ценностей, кто и когда оказал на тебя определяющее интеллектуальное, культурное, духовное влияние.

О себе я без преувеличения могу сказать, что во всех важнейших процессах, связанных с воспитанием «филологизма» и приобретением глубоких знаний, с формированием научной этики, активное участие принимала Маргарита Александровна Ганина. Сейчас я знаю точно,

что она была одним из тех настоящих учителей, которые вооружили тебя, казалось бы, простыми, но бесконечно ценными и подлинными истинами, а именно: надо много и внимательно читать, надо научиться внятно и грамотно писать, надо быть честным в науке и чрезвычайно взыскательным к себе, надо серьёзно трудиться и ни в коем случае не позволять «лениться душе» и своему интеллекту. Я вспоминаю, как на одной из первых лекций по фольклору Маргарита Александровна дала определение настоящего филолога, короткое, с оттенком юмора, но чрезвычайно точное и внятно отражающее её систему ценностей учёного и человека. На обращённый к «зелёным» первокурсникам вопрос «Как вы думаете, мои дорогие, кто же такой филолог?» она сама ответила: «Филолог – это такой человек, который спит пять часов в сутки, а все остальное время читает и думает над прочитанным». И в этой полшутливой сентенции много смысла и серьёзного содержания.

Сегодня мне хочется пристальнее всмотреться в судьбу Маргариты Александровны Ганиной; я хочу глубже осмыслить её жизненные ориентиры, лучше и точнее понять характер её отношения к науке.

Когда я размышляю о том, что рассказывала мне Маргарита Александровна «о времени и о себе», я отчётливо вижу, что, созидая свою филологическую судьбу, она руководствовалась двумя фундаментальными и сверхважными принципами. Первый я сформулировала бы таким образом: «Выбирать в науке не “модное” или “выгодное сейчас” направление, но идти навстречу тому, что тебе неведомо, неизвестно, но интересно». Второй, возможно, мог бы выглядеть так: «“До самой сути” того или иного феномена в литературе, языке, культуре ты должен дойти *сам и только сам*».

Эти принципы «работали» абсолютно всегда, на всех переломах судьбы Маргариты Александровны Ганиной: все, что выбирала она для себя – и тогда, когда пришла в своё время учиться в Университет, и тогда, когда впоследствии, становясь профессиональным филологом, избирала направление своей научной деятельности, – определяли её пытливый ум, устремлённый к познанию ещё неизвестного, и желание самостоятельно, «добротню» и «до основания» освоить эту самую неизвестную для неё «территорию» в науке.

Очень «говорящим» и ярким в этом контексте является уже тот эпизод, который связан с выбором Маргаритой Александровной сферы образования. После 9 класса две девочки-одноклассницы, одной из которых была Маргарита Александровна, приняли решение учиться в Университете. Они отправились на встречу с абитуриентами, которую проводил проректор. Из беседы проректора с абитуриентами они узна-

ли, что в Университете есть два самых трудных и самых интересных факультета – геологический и физико-математический.

В 1942 году Маргарита Александровна стала студенткой физико-математического факультета.

Но вот что интересно. Вспоминая те курсы, которые пришлось слушать на физмате, Маргарита Александровна говорит не о семинарах по «способам решения уравнений с двумя неизвестными», но о лекциях по математическому анализу. Это свидетельствует о том, что её интересовала не математика в «чистом виде», но онтологические и гносеологические аспекты этой науки. Этот факт говорит также о том, что пришедшая на физмат будущий филолог Маргарита Александровна Ганина обладала таким складом ума, который тяготеет к универсальному освоению предмета и который можно охарактеризовать как склонный к философскому и гуманитарному. Именно поэтому Маргарите Александровне так нравились лекции Софьи Александровны Яновской, профессора из МГУ, оказавшейся в годы эвакуации в Перми. Ещё до войны в Москве она читала логику и историю математики. С уверенностью можно сказать, что лекции С. А. Яновской формировали способность ума к осмыслению того или иного явления в науке всесторонне, глубоко и «объёмно». На лекциях С. А. Яновской, по воспоминаниям Маргариты Александровны, можно было освоить и усвоить «хорошие и фундаментальные идеи».

Но каким образом случилось «волшебное превращение» Маргариты Александровны из студентки-математика в студентку-филолога? Это совершенно замечательная история. Однажды, придя в старый химический корпус, чтобы осваивать тайны математики, открываемые студентам С. А. Яновской, она узнала, что лекция не состоится. Тогда, чтобы время не пропадало даром, она отправилась в соседнюю аудиторию. Там читалась лекция каким-то неизвестным ей преподавателем, и, заслушавшись, она задержалась в этой аудитории до конца лекции, понимая, что уйти не может, не хочет, не в состоянии. На лекции, по словам Маргариты Александровны, звучали имена «каких-то» академика Шахматова, Бодуэна де Куртенэ, произносились непонятные термины. Как выяснилось позднее, она попала на лекцию по языкознанию к Марии Александровне Генкель. Языкознание – пока странный, непонятный, но увлекающий юную студентку «на ходу» и сразу предмет. Мария Александровна Генкель – уникальный преподаватель-филолог, харизматичный и образованнейший. И «чудо» случилось: материал и его истолкователь оказали мощное влияние на слушавшего. Без всякого сомнения, юную Маргариту Александровну заморозили не только незнакомые слова, термины и имена, но и тот, кто их

произносил. Новый материал потрясал и, вероятно, «взрывал» математическое сознание Маргариты Александровны. «Я поняла, что я ничего не знаю из этой области», – таков был первый вывод, сделанный ею. Он и стал мотивом для того, чтобы захотеть узнать что-то о незнакомой «области» – о филологии. Впоследствии совершенно логично «облачился» в формулировку и вывод второй: «Математику надо сменить филологией».

Как видим, решение принято. И решение необычное. Для этого нужно было выполнить программу 1 курса физмата, а затем сдать предметы за 1 курс филфака, чтобы оказаться сразу на 2 курсе. А дисциплины, которые необходимо было сдавать, – «тяжёлые», непростые, «трудоёмкие». Чего только стоят «Введение в языкознание», «Введение в литературоведение», «Античная литература», «Фольклор», «Современный русский язык»! Впрочем, интерес к этим «материям» уже проснулся, «магнит» филологии уже потянул к себе. И началось освоение филологического пространства как некоей «terra incognita». В этот путь пришлось отправиться совершенно самостоятельно. Знания никто не «отдавал», не «дарил», не «приносил на блюдечке с голубой каёмочкой». Их нужно было «добыть» и «приобрести» *самой*. (Вот они, истоки самостоятельности и удивительной работоспособности Маргариты Александровны.) На этом её пути «неофита», приобщающегося самостоятельно к «святыням» филологии, решающую роль сыграла Библиотека. По словам Маргариты Александровны, она стала по праву её вторым Университетом.

Летом и в начале осени 1943 года материал 1 курса филологического факультета был успешно освоен и сдан экстерном, и осенью того же года Маргарита Александровна становится студенткой 2 курса филологического факультета.

Вообще я думаю, что филология была все-таки закономерной в судьбе Маргариты Александровны. И её интерес к слову, к тексту, к книге подспудно формировался как в семье, так и в школе, предшествовавшей Университету. Школа и семья закладывали такие основы отношения к книге, когда её следовало не только читать, но и вдумываться в её содержание.

Как известно, ребёнок усваивает дух и атмосферу своей семьи, в которой он растёт и взрослеет. В памяти Маргариты Александровны, когда она вспоминает о своих родителях, особенно часто оживает одна характерная картина: папа наклонил голову над книгой и внимательно и вдумчиво читает её. Папа Александр Елизарович Лаптев относился к книге и чтению очень серьёзно, всегда читал много. Как человек горьковского поколения и судьбы, он был самоучкой, читать начал рано.

Работая делопроизводителем, счетоводом до революции и бухгалтером и старшим бухгалтером в Союзпечати уже в советское время, он всю жизнь проявлял интерес к художественной литературе, как к русской, так и к зарубежной. Это был чрезвычайно начитанный и постоянно читающий человек. Он мог определить по стилю Достоевского, Короленко, Горького, Шолохова, Пруста, Гамсуна. Уже тогда он был знаком с произведениями Гиппиус, Мережковского. В сущности, по знанию русской и зарубежной литературы, по словам Маргариты Александровны, «он тянул на профессора». Александр Елизарович всегда имел своё мнение о прочитанном и свою дочь приучил мнение иметь и уметь его формулировать. После того, как маленькая Рита прочитывала новую для себя книгу, он всегда спрашивал: «Дочь, а что ты узнала из этой книги?» С этого вопроса и с последующего ответа на него девочки и начинались беседы о прочитанном и его обсуждение.

Нравственную атмосферу во многом задавала мама Екатерина Михайловна. Она была труженицей и мудрым человеком. По словам Маргариты Александровны, она воспитывала дочь и сына «по самым высоким нравственным нормам». По её же утверждению, в семье «материальные интересы не присутствовали», но ценились порядочность, честность, любовь к книге и культуре. И зачатки самостоятельности Маргариты Александровны – тоже из семьи.

Впоследствии эти ориентиры были поддержаны школой. Маргарита Александровна с благодарностью вспоминает школу № 17, где ей пришлось учиться со 2 по 9 класс. Здесь она попала в совершенно подходящую для себя среду. Некоторые из детей учились в школе с нулевого класса (а значит – уже третий год), они были развитыми и любознательными. Ей было интересно учиться. В результате с 3 по 7 класс «за отличные успехи и примерное поведение» у Риты Лаптевой появились пять похвальных грамот.

Если говорить о таких предметах, как русский язык и литература, то 17 школа обучала им «добротню», крепко, качественно. Учителем-филологом в 5, 6, 7 классах была Александра Александровна Хлебникова. Её можно назвать безупречно грамотным человеком, имевшим великолепные знания по русскому языку, полученные, вероятно, ещё в гимназии. Её уроки запомнились как «интересные и поучительные». Выпускники Александры Александровны Хлебниковой приобретали крепкие основы грамотности, хорошо владели устной и письменной речью. Она давала, по нынешней оценке Маргариты Александровны, «большой запас прочности знаний». В 8 и 9 классах особенную ценность приобрели уроки литературы, проводимые Еленой Ивановной Зубарь. Учительница сумела сформировать у школьников привычку к

чению и внимательному отношению к тому, что они читали. Урок всегда строился на обращении к тексту, на основании характеристики конкретных произведений. Необходимо было не говорить «вообще», а приводить доказательства, почерпнутые только из текста. Таким образом Елена Ивановна Зубарь воспитывала у своих учеников привычку читать, а, читая, думать и рассуждать. Она бесконечно активизировала отношение к прочитанному.

Не забудем и то, что огромную роль в процессе накопления знаний в «детстве, отрочестве и юности» Маргариты Александровны играла библиотека. Маргарита Александровна стала читателем библиотеки, будучи второклассницей. Именно тогда она записалась в детскую библиотеку, располагавшуюся в бывшем здании библиотеки имени Горького. А с 8 класса она стала ходить в читальный зал Горьковской библиотеки. Заметим «в скобках», что приобретенная ещё в «нежном» возрасте потребность добывать знания в библиотеке закрепились навсегда. Поэтому в жизни Маргариты Александровны так значимы были и библиотека имени Ленина в Москве, и библиотека имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, и, конечно, любимая «горьковка» – в Перми.

Маргарита Александровна оказалась студенткой филфака в 1943 году, и это было время «военного лихолетья». Сложное военное время проявило себя, в частности, и в том, что был сокращён срок обучения в Университете с пяти лет до четырёх. А Маргарита Александровна, получается, училась на филфаке и того меньше – всего 3 года, с 1943 по 1946. Известно, что освоение филологической науки требует огромных затрат времени и связано с напряжённой интеллектуальной и душевной работой. Совершенно очевидно, что 3 года для изучения истории русской и зарубежной литературы, а также многочисленных лингвистических дисциплин – срок крайне небольшой. Однако выбора не было. Наверное, можно было к чему-то отнести «несерьёзно», некоторые предметы изучить поверхностно, по каким-то из них «пройтись по верхушкам», иное прочитать «по диагонали», а что-то и вовсе «оставить за кадром» или перенести на «потом». Но Маргарита Александровна не могла использовать подобные принципы. Она взялась осваивать «неизвестные земли» глубоко, основательно, упорно и настойчиво продвигаясь по ним «шаг за шагом». Это было сопряжено с кропотливым трудом, с вдумчивым ко всему отношением и вновь – с огромной долей самостоятельности. Очень многое приходилось изучать самой.

Вот тут-то и пригодился усвоенный с помощью семьи, школы, библиотеки опыт активного познания пространства науки и культуры.

Самостоятельное изучение филологических дисциплин не воспринималось Маргаритой Александровной работой «в тягость», этот процесс увлекал, поскольку развивал мысль, питая её все новыми и новыми знаниями. И даже сегодня, когда прошло немало лет после учёбы в Университете, Маргарита Александровна с особенным удовольствием вспоминает и описывает свои интеллектуальные ощущения, которые она испытала в процессе подготовки своих первых самостоятельных сообщений. Например, о «творчестве Монтескьё», которое поручили ей сделать на занятиях по зарубежной литературе, или о «Белинском и натуральной школе», когда на 3 курсе начали изучать русскую литературу XIX века. Приходилось быть и «первопроходцем», и «добытчиком», и «строителем», и «технологом»: ведь чтобы прийти на занятие с хорошо подготовленным сообщением, необходимо было чрезвычайно много прочитать о том, о чем ты раньше не знал и не ведал, буквально «добыть» необходимый материал, выбрать из моря прочитанного нужное, «построить» из этого текст сообщения, а затем долго «шлифовать» его, без конца корректируя и исправляя. Думается, такие штудии над незнакомым или знакомым только отчасти тебе материалом не проходят бесследно, они-то, собственно, и формируют настоящего филолога.

Впрочем, справедливости ради необходимо сказать, что Маргарита Александровна, характеризуя себя человеком, добывающим знания самостоятельно, ни на минуту не забывает о том, что университетские преподаватели были активными участниками процесса становления её как филолога. Маргарита Александровна бесконечно благодарна многим из них.

Она тепло говорит о Дине Климентьевне Мотольской, которая читала установочные лекции по русской литературе XVIII века. Дина Климентьевна обращала внимание студентов не только на программные произведения, но и говорила о существовании литературоведческих школ в Ленинграде и Москве, о возможности разных подходов к толкованию творчества писателей. Для экзамена можно было выбрать самому один вопрос, подготовка к которому давала возможность максимально проявить свои знания. Это был важный шаг в литературоведческой подготовке студентов-второкурсников.

Борис Павлович Городецкий вёл курс русской литературы первой половины XIX века. Маргарита Александровна вспоминает: «На первую лекцию я шла с большим интересом, так как слушала в библиотеке имени Горького публичную лекцию Бориса Павловича о Лермонтове. Также я слышала отзывы студентов 3 курса о Городецком. Мои ожидания полностью оправдались. Лекции Бориса Павловича

Городецкого были эмоциональными, композиционно завершёнными, разнообразными по методике изложения, отличались наглядностью анализа текста. Борис Павлович был сотрудником ИМЛИ и занимался творчеством Пушкина. Это определило “удельный вес” пушкинской темы в его курсе, читаемом студентам. Пушкинская тема была связана с новыми интересными фактами, которые он приводил, а также с новой точкой зрения на их интерпретацию. В будущем на протяжении всей своей педагогической работы я внимательно следила за трудами Городецкого и продолжала учиться у него».

Русскую литературу второй половины XIX века и XX века читал А. А. Ерёмин. Особенностью его лекций было то, что каждую новую тему он начинал с обзора литературы, выделяя достаточно мало исследованные и совсем не исследованные проблемы творчества писателей. Это было очень важно для будущих преподавателей и исследователей литературы. А. А. Ерёмину были свойственны чёткость постановки вопросов, конкретность, лаконизм. Все это было очень поучительно.

Интересными и содержательными Маргарита Александровна называет занятия Николая Петровича Обнорского. Он проводил консультации, связанные с подготовкой к сдаче экстерном латинского языка. Их своеобразие заключалось в том, что характеристика переводимых латинских текстов всегда сопровождалась культурологическими и страноведческими сведениями, которые очень обогащали начинающих обучаться филологии студентов.

Прекрасным преподавателем была и Екатерина Иосифовна Преображенская. На занятиях по французскому языку она давала студентам немало информации о культуре и литературе Франции и других стран. Свойственные ей благородство и внутренняя культура, которые проявились в манере ведения занятий, уважительное отношение к студентам – всё это воспитывало в них важные нравственные качества.

Безусловно, большую роль в филологической подготовке Маргариты Александровны сыграла Наталья Николаевна Давидович. Она знакомила студентов с историей зарубежной литературы. Попавшая в Пермь из Ленинграда во время эвакуации, Н. Н. Давидович была человеком начитанным, эрудированным, знавшим историю театра и любившим театральное искусство.

Как филолог, она мыслила широко и свободно и, как говорит Маргарита Александровна, на своих лекциях «любила параллели, треугольники» и «выдавала идеи». Обилие имён и произведений, называемых на лекциях, побуждало студентов к дальнейшей серьёзной работе в библиотеке, к поиску ответов на затронутые в лекциях вопросы.

Насыщенные богатой информацией лекции Н. Н. Давидович развивали мысль, расширяли кругозор.

«Установка» Н. Н. Давидович на восприятие творчества писателя в контексте культуры и литературного процесса повлияла и на выбор темы для диплома, предложенной ею Маргарите Александровне. Тема звучала как «Романтизм в творчестве Золя». Тема, как видно из её названия, предполагала освоение огромных историко-литературных и теоретико-литературных пластов: необходимо было разобраться в том, что есть романтизм как направление, изучить этапы развития романтизма в западноевропейских литературах вообще и во французской в частности, освоить обширное пространство творчества Эмиля Золя и вписать некоторые из его произведений в контекст романтизма.

Итак, «юный филолог» осваивал настоящее искусство интерпретации художественных текстов и превращался в более или менее настоящего исследователя.

Дипломная работа была защищена на «отлично», как, впрочем, на «отлично» был сдан и государственный экзамен.

После окончания университета Маргарита Александровна была оставлена на кафедре русской литературы. С этого периода начинается её «карьера» профессионального преподавателя русской литературы и её исследователя. Маргарита Александровна проделала традиционный путь «к вершинам» – лаборант, ассистент, старший преподаватель, доцент.

Кафедра находилась в состоянии становления. Заведующие кафедрой менялись – в разные отрезки времени ею руководили Б. П. Городецкий, А. А. Ерёмин, П. С. Богословский, В. Н. Фридман, Т. П. Санникова. Безусловно, важным периодом, несмотря на непродолжительность (с 1946 по 1947 гг.), оказался период руководства кафедрой Павлом Степановичем Богословским. П. С. Богословский уделял особое внимание проблемам истории фольклористики, проявлял огромный интерес к культуре, этнографии, литературе Перми. Его серьёзно интересовала научная проблема «Литература и фольклор», он читал лекции по истории фольклористики.

Известно, что с 1923 г. П. С. Богословский – бессменный председатель возрождённого им Кружка по изучению Северного края при Пермском университете, инициатор и редактор четырёх выпусков пермского «Краеведческого сборника». Руководя кафедрой русской литературы, П. С. Богословский стал инициатором научно-краеведческого направления в учебной работе студентов Пермского университета, вёл семинар по палеографии.

С конца 1940-х годов на кафедре начали появляться новые сотрудники. В 1949 году в Пермь из Киева приехала Сарра Яковлевна Фрадкина, которая была прекрасным исследователем литературы о Великой Отечественной войне. В начале 1950-х гг. на кафедре начала работать Антонина Кудряшова, выпускница аспирантуры МГУ. После её отъезда из Москвы приехали её сокурсницы Римма Васильевна Комина, а чуть позднее Зинаида Васильевна Станкеева. По словам Маргариты Александровны, «образовался “костяк” кафедры». Эти преподаватели внесли в жизнь кафедры научное оживление, сделали её динамичной и насыщенной. Они актуализировали проблемы изучения современной литературы. На кафедре начало складываться своё научное направление – историко-типологическое изучение литературы.

Важным для Маргариты Александровны было и общение с коллегами с языковых кафедр – Марией Александровной Генкель, Франциской Леонтьевной Скитовой, Ольгой Ивановной Богословской.

Жизнь, связанная с работой на кафедре русской литературы, была, с одной стороны, увлекательной и интересной, с другой, – трудной и «трудоёмкой». Впрочем, жизнь филолога никогда не бывает (и не может быть по определению) беззаботной и только приятной. Некоторым кажется, что жизнь филолога – сплошное удовольствие, приятнейшее времяпрепровождение. По мнению «некоторых», филологи живут «красиво»: они «почитают» книги, «полистают» журналы, «пишут» статьи, «похаживают» в библиотеку. Разве это труд? Развлечение, да и только. Не жизнь, а «сахар». Но если бы эти «некоторые» всмотрелись в то, что приходилось делать Маргарите Александровне, которая стала молодым сотрудником кафедры русской литературы, они, не сомневаясь, изменили бы к этому отношение. Молодого члена кафедры нагрузили учебными поручениями, как принято говорить в таких ситуациях, «по полной программе». Нужно было разрабатывать и читать лекционные курсы для студентов, писать планы семинарских и практических занятий по большому количеству учебных предметов и проводить их. Маргарита Александровна признается, что, среди прочих, «читала курсы, которые не слушала раньше», и поражается себе: «Сейчас я удивляюсь, как я все это выдержала!...» Но, как она замечает, «выручало то, что я работала с каталогами, много работала в библиотеке».

Маргарите Александровне всегда нужно было «поднимать целину», «штурмовать высоты», многое «начинать с нуля». Чего только стоил курс «Литература народов СССР», который, по замыслу заведующего кафедрой Риммы Васильевны Коминой, она должна была читать студентам-старшекурсникам. Трудностей, связанных с этим курсом

сом, было «хоть отбавляй». Наличие 16 литератур предполагало большое количество времени и сил на освоение и осмысление их истории. Необходимо было также постоянно читать то, что появлялось «на сегодняшний момент» в украинской, грузинской, казахской и многих других литературах.

Но замечательно, что ещё до этого были те курсы, которые можно было назвать по-настоящему «своими». Ими оказались «Древнерусская литература», «Фольклор», «Русская литература XVIII века», а также спецкурс по проблемам русской демократической прозы 1860-х годов. Для любого выпускника филологического факультета Пермского университета эти курсы неразрывно слились с образом Маргариты Александровны Ганиной.

Древнерусскую литературу Маргарита Александровна читала не без увлечения. Когда она только получила «в руки» этот курс, она почувствовала, что он одновременно интересный и трудный. Разбираться в литературе Древней Руси было интересно потому, что она, возникшая в IX веке и просуществовавшая до XVII века, содержала в себе истоки всех дальнейших этапов развития литературы отечественной. Трудности же были сопряжены с языком, на котором были писаны произведения древнерусской литературы и которым Маргарита Александровна Ганина практически не владела. «Язык был главным препятствием», – констатирует она. Но «отступить» было некуда, и приходилось много, упорно и кропотливо работать: читать «на языке оригинала» «Повесть временных лет», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Повесть о Петре и Февронии», «Повесть о Бове Королевиче» и etc, изучать научную литературу об этом далёком и по-своему «экзотическом» периоде русской литературы, находить методические способы и приёмы подачи студентам непростого для них материала. Студентам многих поколений при изучении курса древнерусской литературы Маргарита Александровна рекомендовала учебники и хрестоматии Николая Калининвича Гудзия, а также труды Дмитрия Сергеевича Лихачёва.

Каждый из выпускников филфака особенно помнит читаемый Маргаритой Александровной Ганиной курс фольклора и фольклористики. Фольклор она читала не одному и не двум поколениям студентов, оставаясь ведущим преподавателем этого курса очень долгое время. Для Маргариты Александровны фольклор – это «начало искусства слова», «первоисточник литературы». А литературоведческие проблемы «Фольклор и литература», «Фольклоризм литературы» она считает первостепенно важными и в научном плане чрезвычайно актуальными.

В разработке курса по русскому фольклору она руководствовалась работами ленинградских и московских учёных. Их подходы к предмету и интерпретации явлений в фольклоре убеждали, воспринимались объективными, научно выверенными. На лекциях Маргариты Александровны всегда звучали отсылки к трудам знаменитых учёных-фольклористов Владимира Яковлевича Проппа, Анны Михайловны Астаховой, Эрны Васильевны Померанцевой, Виктора Евгеньевича Гусева, автора монографии «Проблема фольклора в истории эстетики», Владимира Ивановича Чичерова, Юрия Михайловича Соколова и др. Кроме того, Маргарита Александровна рекомендовала обращаться к ежегоднику «Русский фольклор», который готовил ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) и который обеспечивал возможность следить за состоянием современной науки. Все это позволяло Маргарите Александровне как лектору уходить от субъективности истолкования материала, у студентов же формировало в сознании прочную методологическую базу.

Важно отметить, что изучение фольклора в научной судьбе Маргариты Александровны имело и практическое выражение. Ведь она была руководителем фольклорных экспедиций в Добрянском, Большесосновском, Еловском, Оханском, Кунгурском районах. В 1963 г. совместно с Пушкинским Домом она участвовала в экспедиции в Чайковский и Осинский районы. В 1980-х гг. Маргарита Александровна руководила фольклорным кружком на факультете, вела спецсеминар по литературному краеведению и фольклору Прикамья. По материалам фольклорной практики были выпущены два сборника «Народных песен Пермского края».

Русская литература XVIII века также была всегда с Маргаритой Александровной. Размышляя о ней и об особенностях её преподавания, она приходит к выводу о том, что «XVIII век – трудный курс». Студенты считали творчество писателей XVIII века архаичным. Но, закончив Университет и став взрослыми и зрелыми людьми, состоявшимися в профессии, вчерашние студенты часто благодарили Маргариту Александровну за то, что она буквально «открыла им глаза» на этот период нашей литературы. Они признавались, что она заставила их всмотреться в XVIII век в России и понять особенности его литературы, она актуализировала проблему рецепции русской литературы XVIII века художественным сознанием XIX и XX веков. Многим и многим поколениям студентов-филологов Пермского университета Маргарита Александровна дала системные представления о веке русского Просвещения, о роли и значении мировоззренческих идей и творчества его столпов для русской культуры, о специфике класси-

цизма и сентиментализма в России, и они бесконечно признательны ей за это. Но и у самой Маргариты Александровны, по её мнению, на этой стезе познания «трудного» XVIII века были учителя и предшественники. Ими она называет известных учёных: родоначальника историографии, знатока истории журналистики XVIII века Павла Наумовича Беркова; автора работ «Александр Радищев», «Творческий путь Пушкина» Дмитрия Дмитриевича Благого; Георгия Пантелеймоновича Макогоненко, создателя книг «Радищев и его время», «Денис Фонвизин: творческий путь», «Лермонтов и Пушкин: проблемы преемственного развития литературы» и др. Очень большое значение, по оценке Маргариты Александровны, в процессе её осмысления русской литературы XVIII века имели статьи и материалы сборника «XVIII век», выпускаемого Пушкинским Домом. Таким образом, в случае с преподаванием курса русской литературы XVIII века получилось так же, как это было всегда: поиски ответов на возникающие вопросы никогда не прекращались, процесс собственного образования продолжался.

И ещё очень важными в преподавательской и научной судьбе Маргариты Александровны были спецкурсы и спецсеминары по проблемам русской демократической прозы 60-х годов XIX века. На них студенты могли познакомиться с той ситуацией в русской литературе XIX века, когда в ней явно обозначилась «народознательная» тенденция. Именно в этом контексте на занятиях анализировалась деятельность журнала «Современник», а также рассматривалось творчество Н. Успенского, Г. Успенского, уральских писателей В. М. Решетникова, А. А. Кирпищиковой и др.

В начале февраля 1968 года Маргарита Александровна защитила кандидатскую диссертацию. Она называлась «Фольклор Урала в журналистике 50-60-х годов XIX века». В диссертации Маргариты Александровны, по сути, обнаруживают себя три самостоятельные научные проблемы: проблема фольклоризма в русской периодике 1850-60-х годов; жанровые, тематические, художественные особенности фольклора Пермской губернии; фольклорно-этнографические истоки прозы Фёдора Михайловича Решетникова и Анны Александровны Кирпищиковой. Диссертация оказалась выполненной на стыке трёх направлений – историографии, журналистики, фольклористики. Практически на каждой странице можно видеть библиографические ссылки. Сам список литературы располагался на 33 (!) страницах. В диссертации использовались и архивные материалы. Таким образом, по своему содержанию, по форме и даже по количеству страниц (а их было около 400) эта кандидатская диссертация, несомненно, соответствовала докторской. Она была трудом выношенным, концептуальным, зрелым.

Диссертация была с успехом защищена в Учёном Совете филологического факультета Ленинградского государственного университета. Первым оппонентом стал доктор исторических наук Виктор Евгеньевич Гусев, тогда заместитель директора Пушкинского Дома.

Научные идеи Маргариты Александровны нашли отражение в ряде её публикаций и статей. Их около двадцати. Вот некоторые из них: «Проблемы народного творчества в “Современнике” и “Отечественных записках” (1859 – 1866)», «К вопросу о фольклоризме Ф. М. Решетникова и А. А. Кирпищиковой», «К вопросу о фольклоризме жанра очерка (Ф. М. Решетников и А. А. Кирпищикова)», «Русская журналистика 40-60-х годов XIX века и пермская общественность», «А. Н. Зырянов: из истории уральской фольклористики и народознания», «“Севастопольские рассказы” Л. Н. Толстого и устные рассказы солдат». Как видим, проблемы, к которым обращается исследователь, – это «Фольклоризм русской литературы», «Фольклористика и русская журналистика XIX века», «Собиратели и исследователи русского фольклора».

Сегодняшние встречи и разговоры с Маргаритой Александровной убеждают, что она не утратила интереса к миру науки, к Университету, к социальным проблемам и событиям в культуре. Она интересно судит о людях профессии, о литературе, о социуме. Её высказывания заставляют задуматься. Анализируя состояние дел в научном мире, размышляя над проблемой «человеческого фактора» в науке, она ещё и ещё раз готова повторить, что главное в науке – это искренняя заинтересованность в предмете, энтузиазм, видение перспективы научной ситуации. Именно это и двигает и подталкивает к поиску научных истин, к самостоятельному их обретению. Свой принцип, которым Маргарита Александровна руководствовалась в своём собственном образовании и научном творчестве, она формулирует так: «Научиться учиться – главное! Как много значит самостоятельная работа!» И разве можно его оспорить?

Заинтересовывают и взгляды Маргариты Александровны на литературу. Я уважаю её за то, что сегодня, во времена «ревизий» и «пересмотров» в истории литературы, она не «открещивается» ни от Горького с его «Жизнью Клима Самгина», ни от Алексея Толстого с его «Хождением по мукам». Ей интересны в этих произведениях размышления писателей о судьбе России, их социальные характеристики интеллигенции и рабочего класса, их видение путей развития литературы. А разве эти проблемы лишены актуальности сегодня? С точки зрения Маргариты Александровны, сегодня очень остро звучит, к сожалению, и тема «дна» в известной горьковской драме.

Говоря об интересующей меня (по причине выбранного однажды предмета моего научного интереса) проблеме существования литературы метрополии и литературы русского зарубежья, она замечает: «Они (писатели) были разные. Они по-разному воспринимали Россию». И это очень верно и точно сказано. Тема России – одна из главных как в произведениях тех, кто после 1917 года продолжал жить в России (Шолохов, Пастернак, Федин и др.), так и тех, кто покинул её, чтобы обрестись на чужбине (Бунин, Осоргин, Шмелёв, Алданов, Берберова и др.).

Одной из значительных проблем «бытия» преподавателя является, на мой взгляд, проблема его диалектических отношений с учениками. Совершенно очевидно, что эти «двусторонние» отношения в случае с Маргаритой Александровной Ганиной проникнуты началами уважения и благодарности. Вспоминая своих бывших студентов, Маргарита Александровна размышляет о них тепло и всякий раз признавая достоинства каждого. Она внимательно подмечает в их судьбах то, что, будучи приобретенным когда-то на студенческой скамье, на филфаке, на её лекциях, «проросло» в их профессиях, деятельности или творчестве. Так, например, она помнит, что Лёня Юзефович, сегодня кандидат исторических наук, писатель «исторической темы», ещё в студенчестве проявлял интерес к древнерусской литературе и даже когда-то выбрал готовить спецвопрос по текстам XVI века. Дипломница Таня Пирожкова, занимавшаяся фольклором, впоследствии закончила целевую аспирантуру по фольклору, читала на факультете журналистики МГУ русскую литературу XVIII века. Ещё одна дипломница Лариса Дубровская защитила диссертацию о свадебной поэзии, в результате чего получила учёную степень кандидата исторических наук. Костя Шумов после окончания Университета и аспирантуры читал курс фольклора для студентов-филологов. Аня Арустамова, «метавшаяся» между зарубежной и русской литературой, после разговора с Маргаритой Александровной решила все-таки серьёзно заниматься литературой отечественной. Сегодня она сделала большие успехи в её изучении и уже защитила докторскую диссертацию. Но, может быть, самым прямым своим интеллектуальным «наследником» Маргарита Александровна считает Владимира Кустова, увы, слишком рано ушедшего из этого мира. Она называет его своим учеником. И он её ученик – по праву. Его кандидатская диссертация вобрала в себя то, что не могло войти, в силу и без того большого её объема, в кандидатскую самой Маргариты Александровны. Диссертация В. Кустова, посвящённая проблемам уральского фольклора на страницах русских журналов 1870 – 1890-х годов, выполнена в академической манере;

она содержит результаты тщательно проанализированных источников, имеет богатейшую библиографию. В. Кустова по-настоящему серьёзно интересовалась источниковедческой литературой, он занимался активным поиском новых фактических материалов, много работая с журнальной периодикой. В. Кустов, преподававший в разное время в Пермском государственном институте культуры и в Пермском государственном университете, привил многим студентам вкус работы с пермской периодикой начала XX века, научил их грамотному составлению библиографических списков.

Бывшие студенты отвечают Маргарите Александровне Ганиной взаимностью. Для многих филологов, закончивших Пермский университет, Маргарита Александровна Ганина является эталоном учёного, преданного своему делу, и образцом преподавателя, «учившего учиться» и овладевать знаниями по-настоящему серьёзно. Именно об этом мне говорили выпускники разных лет, сегодня сами работающие в сфере среднего и высшего образования. Людмила Алексеевна Шипицына, уже давно преподающая зарубежную литературу в Пермском государственном Институте искусства и культуры, признавалась, что для неё Маргарита Александровна Ганина – «превосходный профессионал, глубоко погруженный в ту дисциплину, за которую он “отвечает”», и она многому научилась у неё для своего собственного будущего. Благодарность и признательность к Маргарите Александровне испытывает и Марина Алексеевна Лебедева, блестящий преподаватель методики обучения литературы в Пермском государственном педагогическом университете. Это подтверждают её слова: «И в личности, и в профессиональной деятельности Маргариты Александровны чувствовалось следование традициям – в самом лучшем и высоком смысле этого слова. Как фольклорные тексты хранят систему нравственных ценностей и ориентиров, так и Маргарита Александровна в отражении своего предмета была для нас хранилищем лучших университетских традиций, профессиональной ответственности, внимания к студентам, искреннего интереса к своему делу». Нина Борисовна Черепанова, преподаватель русского языка и литературы в Березниковской школе № 2, недавно защитившая кандидатскую диссертацию, уверяет, что она навсегда запомнила фразу Маргариты Александровны Ганиной, бывшей куратором её группы: «А у вас есть устойчивая привычка каждый день заниматься в читальном зале?» Нина Борисовна признается, что вскоре эта привычка сформировалась у неё благодаря Маргарите Александровне: однажды, чтобы доказать себе, что может ответить хотя бы на «палочку с минусом» (что равнялось «4» в специальных знаках, которые были разработаны Маргаритой Александровной

«для себя»), она и выработала у себя ту самую «устойчивую привычку». Высоко звучат её слова признания: «Сегодня я искренне рада высказать слова благодарности своему Учителю – Маргарите Александровне Ганиной».

Для меня лично Маргарита Александровна ещё в Университете открыла то, что можно назвать литературным краеведением. Когда я писала диплом, я познакомилась с творчеством Анны Александровны Кирпишиковой, а также попыталась вписывать его в контекст русской демократической литературы 1860-х годов. Оказавшись на этом пути, я с интересом погружалась в мир пермской литературы, в литературные судьбы её представителей, соотнося их с общими процессами в «большой» русской литературе XIX века. Повторюсь, что тема для диплома, предложенная Маргаритой Александровной, оказалась «ружьём, которое выстрелило»: сегодня мне приходится читать студентам курсы по региональной литературе. Очевидно, что опыт, приобретённый в юности, помогает мне в сегодняшней работе со студентами. Моя ситуация совпадает с той, в которой часто оказывалась Маргарита Александровна. Специальных программ по прикамской литературе нет, учебников и методической литературы по курсу региональной литературы, а точнее – литературы Перми, – тоже, поэтому приходится быть предельно самостоятельной во многом: в «добыче» материала, в его истолковании, в поисках способов его подачи студентам. Таким образом, в моей ситуации срабатывает главная установка Маргариты Александровны: «Перед тобой – область “неведомого”, самая настоящая “terra incognita”, и её, идя нехоженными тропами, надо осваивать самостоятельно, штудировать основательно; необходимо понять её сущность и внимательно всмотреться в её потаённые уголки».

А. А. Сидякина,
доцент кафедры журналистики
Пермского государственного национального
исследовательского университета

«О, БЫЛИ Б ПОМЫСЛЫ ЧИСТЫ...»

Университетская история доцента кафедры русской литературы Нины Васильевны Гашевой – это 50 лет жизни филфака. Семь учебных пособий, множество научных публикаций, авторские спецкурсы о литературе в синтезе искусств, новаторские идеи и методики. А ещё это её семья, династия филологов – три поколения, включая дочерей и внуков. И сотни благодарных студентов.

Научная судьба Нины Васильевны складывалась в духе времени – непросто. Она пришла работать на факультет в начале 1960-х, стала первой аспиранткой Риммы Васильевны Коминой и вместе со своим учителем отстаивала позиции большой науки. Одним из драматичных эпизодов её биографии стали две статьи в знаменитом «коминском» сборнике 1966 года – «Современная советская литература (новые течения, направления, жанры, стили)», набор которого был рассыпан по распоряжению Обллита. Но, несмотря на не самый благоприятный идеологический климат, рядом были коллеги по кафедре, были продуктивные стажировки в МГУ, лекции московских профессоров, музеи искусств, были «Гаганка», Окуджава и Трифонов – мир огромен, и окна распахнуты в современность.

Хрущёвская оттепель, затяжные семидесятые, дарившая надежду перестройка... До конца 2000-х Нина Васильевна продолжала оставаться на факультете символом современной литературы. И ещё чего-то – сложного, влекущего, непостижимого. То ли «общекультурного контекста» с его постмодернистской парадигмой, то ли всегда ускользающего *инойбытия*. «Теневая метафора, – придумал когда-то один из её учеников, – это когда слово отбрасывает тень, превосходящую его по смыслу». Нина Васильевна учила мыслить проекциями и воспитывала в каждом из нас тень, которая, как в солнечных часах, позволяла найти собственные координаты в пространстве культуры. Она сдвигала привычный спектр восприятия, ошарашивала первокурсников Парщиковым и Ждановым: «лошадь, словно во льду обожжённая, / стройней человека, / апостол движения». Наделяла образами – кого-то срав-

нивала с Галой Дали, кого-то видела сквозь палитру фламандской живописи. Однажды выставила отметку и мне: «А вы Юдифь. Джорджоне». Студенты Нину Васильевну очень любили. За эти сравнения, которые для нас, двадцатилетних, были охранной грамотой и стимулом к познанию себя. За лирические отступления в пользу Таганки и Тициана на сложных лекциях по теории. За глубокий ум и доброе сердце.

Публикуемые воспоминания Нины Васильевны записаны на диктофон, поэтому текст сохраняет черты устной речи. Мы встретились 25 января, в день студента – я, она и её муж, журналист Николай Владимирович Гашев. Разговор, конечно, зашёл об университете. Но не только о нем. «Нина решила стать филологом, когда в шестом классе нашла сундук с книгами», – опередил мой вопрос Николай Владимирович. Так что – по порядку. Слово Нине Васильевне Гашевой.

Серебряные пруды

Мой папа – Василий Ильич Поляков, он из семьи питерского рабочего. Дед работал на оружейном заводе, но в 1902 году, спасаясь от голода, они с семьёй из Питера перебрались в Подмосковье. Там хлебные районы, начали крестьянствовать. Отец был седьмой ребёнок в семье. Но он отлично учился и даже сумел поступить на рабфак в Москву. Как и вся пролетарская молодёжь, увлекался политикой.

А вот моя мама... её отец тоже из крестьянской семьи. Маленьким мальчиком он убежал из дому. Там была такая история – он насобирал денег и купил себе азбуку, а отец книжку эту разорвал, его выпорол и запер в конюшне. И вот шестилетний мальчишка вылез из конюшни, через небольшое окно, и ушёл из дома. И никогда больше туда не возвращался. В людях жил. То у попа работал, то ещё где-то. Он какой-то очень умелый оказался в жизни – быстро научился всему, и печку класть, и печь что-то, в пекарне начал работать. Причём все, кто в пекарне работал, ходили выпивать, а он всё денежки копил, потом завёл своё дело, стал кондитером, построил деревянный дом, потом ещё один, двухэтажный, каменный, детям всем дал образование. Он с семьёй жил в Глазове, а училась мама в гимназии в Вятке.

Маму звали Антонина Григорьевна Веретенникова. Закончив гимназию, она поехала в Казань, в мединститут поступать. Но со второго курса её изгнали, потому что дедушку раскулачили, у него отобрали все и – в лагерь. Из Казани она уехала в Москву, там они познакомились с папой. Он играл на гитаре, она на рояле, у неё был белый рояль, когда-то. Через много лет, когда мы уже своим детям купили пианино, мама пришла к нам и все приглядывалась – красивое такое,

золотисто-коричневое. Потом под села к нему, пальцы поставила на клавиатуру, и вдруг заиграла. Лет тридцать не прикасалась к клавишам! Она сама себе поразилась. Пальцы у неё уже такие были, артритные... Но – стала играть.

И вот она закончила в Москве учительские курсы и уехала преподавать в Шадринский район. А дедушка в то время сбежал из лагеря, и у неё в подполе скрывался. Когда об этом узнали большевики, его обратно в лагерь, а маме отказали в продовольственном пайке. То есть: ты наших детей учи, а кормить не будем. Кормили её простые люди, тоже раскулаченные, под полой носили ей еду. Но после того как ей пришлось вести протокол суда над кулацкими детьми, которые что-то там поджигали (она же учительница, единственный грамотный человек была в районе) – эти раскулаченные от неё тоже отвернулись, перестали приносить ей хлеб. И вот тогда папа за ней приехал и увез её. Решительно. Он всю свою жизнь не любил несправедливость. Вернулись они к родителям. И – я родилась, в Серебряных прудах. Это была деревня, а сейчас город в Подмосковье. Потом снова Москва. Папа учился, мама работала учительницей в Коломенском. А потом они уехали в Челябинск.

Дедушка тем временем опять сбежал из лагеря. Без него бабушка с младшим сыном семилетним совсем бедствовали. Но он вернулся и как-то устроился, сначала под Челябинском нашёл работу, пчеловодом был замечательным, и даже ему там построили в деревне двухэтажный дом, лишь бы он не уезжал, но они с бабушкой и сыном переехали все же в город. В годы войны он организовал для армии добычу дёгтя из дерева. Не знаю, где он этому научился, но он и это умел. Дед у меня такой был... Как у Солженицына: человек приспособливается, и когда нужно выбирать – жизнь или смерть – он выбирает жизнь. А читать дедушка, кстати, тоже научился сам – в 30 лет, по газетам, по буквам, самостоятельно. Потом, когда я пошла на филологический, он с пониманием к этому отнёсся, подарил собрание Пушкина.

Я училась в Челябинске. Мы жили по съёмным квартирам – у деда с бабушкой было тесно. Жили на квартире у бывших учителей. Такие они были важные, он в котелке ходил, с тросточкой. И вот у них я увидела какой-то сарай – заглянула: там стоит сундук большой. И – лучи солнца били в двери... Я думаю: что там может быть? Он не закрыт был, просто болтались ручки. Я открыла – там книги! Там старинные хрестоматии лежали такие большие, дореволюционные, девятьсот первого, девятьсот второго, восьмисотых годов издания. Я начала их смотреть, и я просто влюбилась в эти книги! Мама, кстати, тоже хранила гимназическую книгу по литературе, учебник – там мел-

ким шрифтом было написано об искусстве, русском и западном. Т.е. в гимназии это им уже давали. А потом мы начали выписывать журнал «Творчество». Много позднее – все наиболее значимые литературно-художественные журналы. Потом «Континент», «Театр», «Искусство кино».

Как мы в Перми оказались? У меня был брат, он умер в Челябинске от лейкемии, в четыре годика. Это был 48-й год, весной он умер. Врачам не разрешено было называть причину болезни. А лечили – пенициллином. Бедного мальчика всего искололи. Не знали, как лечить, не умели. Братик умер, и мама моя не могла больше там жить. А в Перми жила мамина тётя, она звала нас, и мы переехали.

9-10 классы я заканчивала в 22-й школе Перми. Она ещё не была французской, но я, кстати, в Челябинске учила французский язык – у нас его там вела настоящая француженка. А сюда приехала – кругом немецкий. Нас 6 человек «французов» набралось по всем 9-м классам, и вот приходила к нам такая маленькая женщина (ну, может, к старости она стала такой маленькой) со значком Сорбонны. Она Сорбонну закончила! Она плохо видела уже, в чернильницу еле попадала, но французский великолепно вела. Как она сюда попала, я не знаю. Она была одинока, жила где-то на Карла Маркса.

Училась я отлично, но подвела математика. До сих пор не понимаю, почему пятью ноль равно нулю. Если, допустим, пять яблок умножить на ничто, так ведь и должно остаться пять! Ну, в общем, так я и решила задачу на экзамене, и в результате вообще никакой медали не получила, хотя во всем остальном училась отлично. Сочинения мои в Москву посылали. Это, наверное, от мамы передалось. Когда к ней, старенькой уже, приезжали бывшие гимназистки-одноклассницы, они вспоминали: Тоня за нас писала сочинения. Химию я тоже любила, особенно органическую, как-то у меня получалось с этими формулами справляться. Ну да, наверное: синтез и многомерность! И я очень любила литературу.

Железный век

Ещё Константин Леонтьев заметил, что если в человеке нет пристрастия прекрасного, если природа не дала ему творческих возможностей в любой сфере самореализации, его себялюбие делает его врагом самому себе... У Юрия Трифонова в одном из последних романов звучит схожая мысль – он говорил, что все конфликты, социальные, политические, научные, нравственные, происходят по причине жалкого, цыплячьего, неудовлетворённого себялюбия. И вот такие люди могут испортить в жизни лучшее, присоединив себя к лучшим деяниям. Они всегда все только разрушают.

Мы с Ритой Соломоновной Спивак появились на кафедре именно в такой период, в начале 1960-х годов, в период цейтнота, круговерти, конфликта, основанного именно на этом. Конфликта, которому потом придали роль политического, идеологического. Это ведь очень легко сделать, если вообразить себя причастным к высоким социальным целям общества современного.

Мы с Ритой обе были лаборантами. Я к тому времени уже 7 лет проработала в школе, сначала в Чердыни год мы с мужем жили, потом здесь – я работала в 112-й школе. Но всегда стремилась в университет. Я у Сары Яковлевны Фрадкиной была лучшей ученицей в группе, и она меня рекомендовала Римме Васильевне – так возникла аспирантура у Коминой. В студенчестве я не училась у неё – я уже после слушала её лекции. И очень важно было, что я как-то ей понравилась, я статья написала о Твардовском в научный сборник, и она пригласила меня принять участие в конкурсе. В 1963-м году я поступила. А Рита Спивак – она ученица Риммы Васильевны, была ею послана в аспирантуру МГУ. И ещё до отъезда её в Москву закрутило нас таким вихрем разлада, взаимного отчуждения, возникшего между преподавателями. На одной стороне были Римма Васильевна и её единомышленники, а на другой – Александр Андреевич Бельский, декан. Он тоже московский выпускник, но приехал в Пермь на пару лет позже Риммы Васильевны. И между ними вспыхнул конфликт.

Дело в том, что Комина привезла из Москвы, из московского университета, дыхание большой науки и всего, что с ней связано – критерии оценки, и значительно более серьёзные требования, и характер отношения к студентам – дружеский, коллегиальный. Она очаровала здесь всех, да не всех... Бельский сразу составил ей оппозицию, они с Риммой Васильевной были полные антиподы. И начались бесконечные выпады в сторону Риммы Васильевны, да и нам с Ритой пришлось несладко – нам уже было на минутку не отойти, сразу в деканат шли сообщения, что кафедра русской литературы не работает.

Ну а потом я училась в аспирантуре, потом, в 1966-м мы собирали этот сборник, в котором Женя Тмарченко написал про Солженицына. У меня в нем были статьи о прозе Э. Казакевича. Сборник уже был готов к печати, но вдруг о нем узнали на Западе. После этого набор был рассыпан, ну и началось... Нас всех ужасно ругали. И тогда Римма Васильевна по совету Льва Ефимовича Кертмана, который не верил, что это безобразие может восторжествовать, написала письмо в ЦК. А там взяли да и отдали читать этот сборник старым коммунистам. Старые коммунисты написали толстенный разгромный отзыв и отправили в пермский обком. Ну и обком начал разбираться с нами.

Тут уж и университетские партийные органы подключились, и «первый отдел». Всем досталось. Коминой объявили выговор с занесением в личное дело, Фрадкиной – она тоже была причастна к сборнику – просто выговор. Дошло и до нас: газету «Горьковец» разогнали, Рите Спивак как куратору тоже сделали выговор, ну и т.д.

Вызвали нас на факультетское партсобрание – Комину ругали, сборник ругали. Александр Андреевич Бельский, да и многие резко тогда высказывались против Коминой и её учеников. Там был такой Владимиров... Член факультетского партбюро, преподавал литературу XIX века. Вот он тоже высказывался против. Неожиданно тогда прозвучала реплика Натальи Самойловны Лейтес. Ну, она отважная – участница войны, и докторскую написала по зарубежной литературе, – она встала и сказала, что Бельский вообще непорядочный человек. И объяснила, почему. В общем, Лейтес вела себя отважно, но это картины не изменило, нас обругали.

А у меня в 67-м уже была готова диссертация... Тема диссертации была очень советская – по творчеству Эммануила Казакевича. Но помимо «Звезды» и «Двое в степи» я анализировала там его неопубликованный роман «Железный век», о Марине Цветаевой. В нем были такие примерно строчки: «Сталин стоял у зеркала и думал: до чего же опустились эти старые большевики, до чего же они потеряли лицо...», и далее в том же духе. Я эти строки цитировала, и в диссертации, и в сборнике, в статьях.

И вот, когда Римму Васильевну обсудили на парткоме ПГУ... Мы с Ритой её встретили на лестнице исторического корпуса. Я все-таки решила, спрашиваю у неё: «А со мной что будет?». Она говорит: «А я не знаю, что они с вами сделают», – и с тем ушла. Я добрела до кафедры, посидела там, помедлила, потом пошла тихонечко – мы раньше вдоль насыпи ходили к остановке трамвайной. Там за аркой телефонная будка стояла. И я позвонила Римме Гельфанд. Я знала, что Римма Гельфанд, которая с недавних пор работала на нашей кафедре, была дочкой Волина, а Волин – секретарь парторганизации университета. Они жили вместе, на Плеханова. Я позвонила ей и говорю: «Римма, пришёл отец?» – «Да». – «Можно мне с ним поговорить?» Я хотела знать точно, что они со мной сделают. Яков Рувимович долго не подходил к телефону, потом подошёл, сказал: «Приезжайте сейчас ко мне». Я приехала, поднялась, он провёл меня в кабинет, достал какую-то папку – там напечатанные на машинке листы. Вот он их листал, перелистал, потом красным карандашом подчеркнул несколько строк, сердито так, и сказал: «Это касается лично вас, читайте». Это оказалось письмо старых коммунистов, которые ругали наш сборник. Про

меня там было написано, что меня вообще надо исключить из аспирантуры. Правда, в скобках указывалось: на ваше усмотрение. Я это прочитала, и спрашиваю у Волина: «Мне уходить из аспирантуры?» Я хотела знать точно. Он говорит: «Да нет, нет, что вы». Он был хорошим человеком. Говорит: «Идите, готовьтесь к защите». И всё. Он возглавлял парторганизацию университета и читал нам историю КПСС на первом курсе – мы ему великолепно все сдавали на пятерки. Основной вопрос его был: оказался ли II съезд партии на высоте? Надо было ответить: не оказался. Всем пятёрки ставил. И я начала готовиться к защите.

Мудрая Римма Васильевна послала нас с Володией Зубковым защищаться в Алма-Ату, подальше. Она там уже побывала, всех очаровала, и я уже диссертацию к ним отправила, и человек из пединститута её уже прочитал, – и диссертацию прислали обратно... Потому что я в одном месте процитировала Ленина не по первоисточнику, а по какой-то работе монографической. Подумала: ну что я полезу в эти сочинения! Прислали обратно, но не только из-за этого. В общем, на два года мне защиту задержали. Да ещё статьи не были опубликованы – сборник-то наш рассыпали. Тогда мне помогла Татьяна Леонидовна Занадворова, сестра поэта Занадворова, погибшего на войне – она была доцентом в челябинском пединституте, взяла и напечатала мои статьи.

В Алма-Ате было вообще интересно. Володя Зубков защищался по Виктору Некрасову, причём на Некрасова как раз в это время начались гонения. А оппонент володин в Алма-Ате об этом не знал и очень хвалил, что работа посвящена Виктору Некрасову, автору «В окопах Сталинграда», талантливому журналисту. Я помню, мы пришли к моему оппоненту, Александру Лазаревичу Жовтису, и он нас встретил такими словами: «Товарищи, раздевайтесь потише, я слушаю радио». Он слушал западное радио, то ли «Голос Америки», то ли ещё что-то – в полный звук. Он был другом Юрия Домбровского. Кстати, Домбровский читал мою работу, и ему понравилось, как я «Звезду» Казакевича анализировала.

Таганка

А дальше были 70-е. Мы с Ритой боялись ходить на работу. Там все это продолжалось: Бельский, Франциска Леонтьевна Скитова, наш факультетский парторг – тоже участвовала в травле. Удивительно было другое: в этой обстановке как-то укреплялась смелость, даже дерзость! Помню, я пришла на кафедру после занятия, и тут кто-то из студентов вбегает со словами: «Бельский взбесился!» А произошло вот что. Игорь Кондаков защитился на «отлично». В комиссии все были за

пятёрку, один Бельский против. Защита закончилась, он стал искать среди работ дипломную Кондакова, сказал, что пойдёт с ней в обком, – но не нашёл. Студентка мне все это рассказала и убежала с кафедры. Я осталась одна, быстро поискала, нашла в шкафу работу Игоря, и только успела в сумочку к себе её убрать, как заходит Бельский: «Найдите мне работу Игоря Кондакова, срочно!» Я поискала тщательно, говорю: «Её здесь нет!» И он ушёл. Обкомом дело не кончилось – потом начали потихонечку вызывать в КГБ ребят, преподавателей. Прости меня, Игорь: мы с Колей уничтожили и эту работу, и некоторые из своих бумаг. Кстати, Коля был вынужден спрятать у родителей в подполе письма Солженицына, – он был в переписке с Солженицыным, – и они тоже потом пропали...

Все эти переживания и продолжающийся погром – это так отвращало! И Римма Васильевна, видя, что у меня никакого настроения нет, стала меня посылать в Москву. Она шесть раз посылала меня на ФПК, каждый раз по четыре месяца можно было жить в Москве. Общежитие давали, при МГУ или в Доме студента и аспиранта на улице Шверника. А в первый раз она меня отправила в Москву ещё в 1964-м году, и вот тогда я жила у Риты Спивак, которая училась в аспирантуре.

В тот первый раз я все время проводила в Лаврушинском переулке, у Казакевичей. Казакевич умер в 1962-м году, но я познакомилась с его семьёй. Я их нашла через Паустовского – написала ему, он дал мне адрес, и я поехала. У них была огромная квартира, великолепная, художниками расписанная. Галина Осиповна, вдова Казакевича, жила с тремя дочерьми. Сначала она меня не очень приняла. А потом прочитала мои статьи и сказала, что так о Казакевиче ещё никто не писал. И – совершенно отношения изменились! Я много была у них дома – изучала архив Казакевича. При мне им звонила Ариадна Цветаева. Ариадна отдала Казакевичу свой дневник, он по этому дневнику написал роман «Железный век». Его так и не напечатали. Точнее, его напечатал журнал «Урал», но частично, и, кстати, Галина Осиповна была против этой публикации. У неё были какие-то планы на московское издательство, а тут журнал «Урал» перехватил эту публикацию, без разрешения, без согласования. В общем, мы с Казакевичами, можно сказать, подружились. Вместе стали бегать на Таганку, это я их приучила к Таганке, они даже и не знали об этом театре. Наташа, дочка моя, потом ездила к ним. Галина Осиповна телеграфировала: пусть приезжает, я буду сидеть в метро, на такой-то станции, на такой-то скамеечке, так-то одета. Наташа не раз к ней ездила, и даже свой курс возила.

А на Таганку я вышла через Риту Спивак. В тот первый раз, когда я жила у неё в Москве, Рита вдруг говорит: «Пойдем, я тебе покажу

театр, ты из него не выйдешь». Так и было. И дети мои, и студенты – мы все стремились потом туда попасть. И Коля, муж, когда ко мне в Москву приезжал, мы с ним бегали на Таганку каждый день. Однажды получилось так, что за десять дней десять раз там побывали. Нас уже узнавали в очереди, про нас с Наташкой говорили: дама с дочкой. Даже администраторы стали нас узнавать. Когда Саша, старшая наша дочь, написала диссертацию про «Театр на Таганке», я принесла её в подарок Дупаку, директору театра. Он нас заметил, пообещал билеты на «Мастера и Маргариту». И вот мы с Наташей подходим к кассе, тут очередь, как всегда, и – кассу закрывают, говорят: билетов нет. Все начинают возмущаться: как нет?! Я подхожу: «Как нет? Вы же обещали!» – «А для вас – есть!», – и выписывают нам пропуск. А один раз прямо через сцену нас провели в зрительный зал, из закулисья. Володю видели... Высоцкого мы всегда любили. И на Таганке видели много раз. Его даже сразу и не узнаешь. Вот в «Десять дней, которые потрясли мир» – они же выходят там с ложками, пляшут, и я смотрю: какой-то невысокий, маленький, с веснушками, весь вихрастый. Думаю: откуда я его знаю? И вдруг он подал голос, и я поняла, что это же Володя Высоцкий.

Студентам я всё рассказывала, что можно и нельзя было – про Таганку. И про «Современник» ефремовский. «Декабристы», «Народовольцы», «Большевики» – про эти спектакли. Просто великолепный Ефремов режиссер был!

Так вот после Москвы – а это была сначала «оттепель», хрущевское время, вечера в Политехническом, Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина, потом Таганка... А тут у нас такая убогая обстановка. А потом в семье начались дети – то у одной дочери, то у другой, квартира одна на всех, совсем маленькая. Вы даже не представляете, в каких обстоятельствах мы жили! И Римма Васильева меня старалась по возможности отправлять в Москву. Вот только поэтому я семь учебных пособий написала. В Москве я целиком прослушала все курсы по теории литературы всех профессоров, которые менялись в эти годы: Геннадия Николаевича Поспелова, Ивана Фёдоровича Волкова – замечательный человек был, зарубежник, очень хорошо читал теорию. Но лучше всех был Валентин Евгеньевич Хализев – он лекции читал великолепно! Превосходная широта взглядов, западная теория – я очень много у него почерпнула. А из историко-литературных курсов запомнились лекции Турбина – он, конечно, поражал. Потом он выпустил книгу «Пушкин. Гоголь. Лермонтов» – он так анализировал, что все просто ахали. И ещё Георгий Константинович Косиков, очень инте-

ресные культурологические лекции читал. Все эти поездки организовывал наш университет.

Просто мне, может быть, больше других досталось... Прежде всего, благодаря Римме Васильевне. Я посчитала – два с половиной года я провела в Москве в общей сложности, именно благодаря Римме Васильевне. У нас пол книжного шкафа писем ко мне моего мужа в Москву. Я их завещаю своей внучке Сонечке.

Однажды я диапроектор привезла из Москвы. Там купила, уже в начале 1990-х. Показывать слайды на лекциях. В общежитии на улице Шверника у нас кто-то купил диапроектор и слайды цветные, и там, Боже мой, там и Сальвадор Дали, там все! Я пошла и на последние деньги, вместо подарков семье, купила диапроектор и все слайды, все что можно. Потом показывала – и биологам, и физикам, и химикам, всем, кому читала культурологию. Наверное, забавно это слышать: сейчас и компьютеры, и Интернет, и всевозможные другие связи с миром. Но мы жили в другом историческом времени. Однако не были смиренными и послушными рабами. Я сама часто была дерзка и резка. Не люблю никакой фальши и зависимости.

В синтезе искусств

Вот какую мысль мне хотелось высказать при исследовании «Красного колеса»: думаю, что там главный герой – читатель! Читатель осмысливает, переосмысливает, структурирует и переструктурирует книгу в своём сознании, поэтому она вечная. Читатель – любой! – главный герой в этой сложной кинематографической структуре романа.

Семь учебных пособий я подготовила. Три из них – «Литература и живопись», «Формы духовного и эстетического синтеза в культуре», «Язык искусства и язык культуры» – вместе со студентами, дипломниками и преподавателями. Другие четыре – только сама: «Взаимодействие национальных литератур XX века (Шолохов, Фолкнер, Айтматов)», «Русская проза 1990-х – 2000 гг.», «Индивидуальные структуры художественных текстов русской прозы рубежа веков» и «Литературоведение XXI века». Римма Васильевна мне говорила: у вас готово 80 процентов докторской. Но я подумала и решила, что жизнь богаче и разнообразнее, к тому же у меня прекрасная семья. Мне было достаточно быть доцентом и с удовольствием читать свои курсы, и общаться со студентами.

На тему синтеза искусств и структурного исследования художественных текстов я вышла через постмодернизм. Через философию М. Хайдеггера и книги О. Шпенглера, через «Исследование истории»

А. Тойнби, вышедшую у нас однотомником в 1996 году (хотя Тойнби написал с 1934 по 1966 годы на эту тему уже... 12 томов!) Мои студенты тоже покупали эти и многие другие книги, в 1990-е годы они были дешёвы. Тогда косяком издавали Н. Бердяева, С. Франка и др. Это были годы пиршества духовности для нас всех!

Потом познакомилась с западным литературоведением, с западно-германскими авторами. Их работы были у нас не переведены (как свидетельствуют авторы двухтомной «Теории литературы» под ред. Н. Д. Тамарченко уже в XXI веке!), но в МГУ и Косиков, и Хализев постоянно на них ссылались ещё в конце 80-х и 90-е гг. Ещё были французские постструктуралисты, Деррида, Бодрийяр, особенно Жиль Делёз и Юлия Кристева. И потом я прочитала Лотмана и его учеников. Но ещё Э. Кассирер определил динамизм и многомерность художественного знака в своих американских работах после отъезда из гитлеровской Германии. Ю. Лотман говорит о парадигматике – переходе смысла – когда символ один и тот же на разных ступенях текста играет совершенно иную роль, и вдруг обогащается в новом контексте, и совершенно иное возникает... Как в «Красном колесе» – то вперёд, то назад смысл движется, и потом возникает совершенно новый. Собственно говоря, ещё русские формалисты говорили о динамике смыслов, что нельзя структуру воспринимать застывшей. Тынянов, например, и с историей кино связывал литературу, и учитывал периферию, из которой происходило выдвижение в смысловой центр... И от читателя зависит очень много – каждый по-своему видит произведение: один это увидел, другой другое, а третий, изощрённый, что-то совсем особенное. Собственно, мы ведь так и анализировали с вами стихотворения, и использовали западных авторов, чтобы не было возможности подсмотреть дома, полистать какую-то монографию. И вы все по-разному интерпретировали тексты. Гильвика, например:

...В череду наших дней
Иногда ударили молнии.
В разрывах мелькало
То, что должно свершиться,
Мы прикасались к тому,
Что рвалось к нам из будущего,
Наша походка
Становилась чуточку твёрже,
И немного отодвигалось место,
Где предстоит нам упасть.
Жаль, что редко случались молнии.

Творческий взрыв

Мои студенты. Сначала были Володя Пирожников, Толя Королев, Игорь Кондаков, сделавший у меня в кружке доклад «Павка Корчагин как герой времени, и нужен ли он нам сегодня?» Он не так строил вопрос, но его резюме сводилось к этому, что вызвало много размышлений. Ребята писали у меня курсовые, но я была аспиранткой, и на диплом им посоветовала найти более опытного, зрелого преподавателя, потому что – такие умные мальчики, я не могла им сказать, что вот на первых страницах нужно обязательно цитировать «Материалы XXII съезда КПСС». Ну как я им это могла сказать?

Любу Маракову хорошо помню, Нину Черныш, Полунина. Иногда Юзефович появлялся. Но он немножко в отдалении был от всех. Володя Виниченко писал у меня диплом. Володя Пирожников превосходно руководил научным кружком, где у нас обсуждались барды (Окуджава, Новелла Матвеева, Визбор и др.), при этом к нам приходили физики, математики, юристы, историки – полный актовый зал (в нынешнем историческом корпусе), обсуждали 4 часа, в газете «Молодая гвардия» писали об этом. Очень острыми были обсуждения «Мастера и Маргариты» – только что напечатанного в двух номерах журнала «Москва» романа М. Булгакова. Возник серьёзный спор между физиками и лириками на обсуждении острого доклада Анатолия Королева об «Улитке на склоне» Стругацких. Помню, с благодарностью, как принял нашу сторону присутствовавший на этом диспуте профессор философии З. И. Файнбург.

Ну а потом Юрий Беликов, Слава Дрожащих, и, конечно, Юра Асланьян. Да, Сережа Финочко! Жаловался, что его мурыжили в милиции, а он им там стихи Цветаевой читал. А Олег Плюснин! С его роскошным голосом, стихами, как он нам пел: «Среди миров, в мерцании светил...» ещё был Андрей Гарсиа, музыкант, он пел, он прекрасно переводил стихи испанских поэтов. Какое было время, какие мальчики, талантливые!

Кальпиди помню, но он недолго учился. Сидит какой-то, в очках, вертится туда-сюда, заостряет на себе внимание, мне он тогда не понравился, на первом курсе. Я его пригласила в 88-м году к студентам-филологам, он читал свои стихи, отвечал на вопросы, произвёл на ребят впечатление. С Наташей они были знакомы, она потом писала о нем: «магическая и одинокая личность Кальпиди», как-то так. С Наташей они много спорили о личности Высоцкого – Кальпиди его не признавал, а Наташа очень любила.

Конечно, встречи с поэтами мы проводили часто. Однажды повесили афишу – «Все они поэты», строчка из Окуджавы. Хотели пригласить

силье их всех, университетских авторов – Беликова, Дрожащих, Кальпиди... И тут Римма Васильевна сказала: снимите это объявление. Попросила снять. Она была в непростой жизненной ситуации: у неё семья, дочка уже взрослая, мама больная, докторскую диссертацию после защиты уже два года не утверждали – ей так не хотелось привлекать к себе, к кафедре лишнее внимание. А потом меня вызывает, году, наверное, в 87-м – партия как раз справляла юбилей – и говорит: надо в честь этого праздника провести вечер. С каким трудом я собирала этот вечер! Выступали, читали стихи. Ещё я пригласила ансамбль Жени Матвеева, они приехали, издалёка. И вот тогда Слава Дрожащих всех покорила своими «Сосисками». В общем, вечер удался. И в конце – Юра Беликов, прошествовал, прямо с поезда, из Чусового – никто же лучше него не читает стихи!

Вот буквально на днях Володя Пирожников сказал, что если бы не я, то он никогда не написал бы свои романы... Это он преувеличил! Сейчас он пишет пятый роман «Красная мышь», и в нем какая-то сложная символика, шабаш ведьм, ещё что-то такое. Это я им когда-то на лекциях, вероятно, под впечатлением от книги Ивана Фёдоровича Волкова, который написал прекрасную типологию форм идеализма, приводила примеры из Фауста, – и Володя считает, что это на него повлияло!

Толя Королев недавно звонил – мы часто встречались, когда он приезжал на кафедру к Володе Абашеву, то приходил к нам в гости. Ну, он же великолепный рассказчик! Его одно удовольствие слушать, как он умеет все вовлечь. Однажды увидел Поппера на полке: «А-а-а, так вы и Поппера читаете?!» Я говорю: «Да...» Это любимый когда-то мною Орлов нам позднее его открыл, с неприязнью... А когда-то впервые от него мы услышали о философии экзистенциализма. И о Бергсоне как об экзистенциалисте я услышала от Орлова. Прежнего.

На лекции по культурологии как-то раз биологам говорю: ваша дарвиновская теория никуда не годится! Вот, почитайте «Творческую эволюцию» Анри Бергсона. И показала им, как одновременно в разные стороны происходит творческий взрыв, эволюция, развитие – они сидят, совершенно обескураженные. Не случайно он в 1927 году за эту книгу получил Нобелевскую премию!

Мне хочется сейчас выразить глубокую признательность моим коллегам, после Риммы Васильевны ставшим заведующими нашей кафедрой: Владимиру Васильевичу Абашеву и Борису Вадимовичу Кондакову за то, что они никогда никого не теснили, мне лично доверили, кроме курсов, которые я вела (теорию литературы и советскую литературу), читать культурологию, историю мировой художествен-

ной культуры, историю литературоведческих учений и спецкурсы по синтезу искусств. С Борисом Вадимовичем мы в содружестве написали уже три статьи в ВАКовский сборник научных трудов, уже после ухода моего с работы.

Закончить эти отрывочные мои воспоминания об университете хочется словами любимого Окуджавы:

Бездарен век. Ему не можетя.

Покуда дремлет бог войны – печёт пирожное пирожница...

О, были б помыслы чисты – а остальное все приложится.

Мерцающая амбивалентность

О Нине Васильевне Гашевой – студенты разных лет.

Анатолий Королев, писатель, выпускник 1970 г.:

Я её обожаю! Нина Васильевна Гашева, на мой взгляд, один из лучших педагогов, которых я встретил за свою жизнь. Это было, и продолжается, большое счастье. Человек глубокого ума, исключительной порядочности, нравственной, этической щепетильности. Человек негромкий, она как золотая швея алмазной иглой сшивает страницы русской литературы. Оказаться в пристальном окуляре её внимания всегда лестно. Мне льстило всегда, и продолжает волновать её интерес к моему творчеству, особенно к столь сложному и спорному роману, как «Эрон», о котором она написала много глубоких страниц. Я хотел бы сказать, что её присутствие в моей жизни и, надеюсь, в жизни других учеников – выпускников филфака, было и остаётся таким светлым, тёплым, лучом солнца. Та, с кем дружна Нина Васильевна Гашева, думаю, дружит с вечностью.

Юлия Баталина, журналист, выпускница 1985 г.:

Нина Васильевна меня сравнивала с Полиной Виардо. Я носила причёску похожую, волосы на прямой пробор, и из-за этой причёски Нина Васильевна меня всякий раз встречала словами: «О, Полина Виардо!»

Сергей Финочко, журналист, выпускник 1977 г.:

Нина Васильевна меня извлекала из отделения милиции, когда мы делали «Горьковец». Как я туда попал? Так мы же делали газету, наполовину разбавленную портвейном. Но это не в тот раз, когда милиционерам читали Цветаеву. Это вообще не со мной было! Это было с другим творцом «Горьковца». А потом народная молва мне приписала. А в тот раз, когда я там оказался, Нина Васильевна, замечательная жен-

щина, бестрепетно пошла меня высвободить. Если б не она, дело бы кончилось плохо, меня из университета могли бы вытурить. Вызволять студента из милиции, даже если ты куратор, далёко не всякая пошла бы. А эта – без колебаний! С дружинниками договорилась, которые хотели жаловаться в деканат.

Она вела у нас курс советской литературы, и вот я помню, мы обсуждали не только книги, но и кино приводили в пример. Так мы обсуждали «9 дней одного года» – и книгу, и фильм. Целые диспуты устраивали! С ней было интересно. Она нам давала многое, значительно больше, чем другие. А, вот ещё что! Конечно, она же нам рассказывала о «Театре на Таганке»! Рассказывала о приёмах театра, о том, как оригинально был поставлен спектакль «Десять дней, которые потрясли мир», когда зрителей встречали на улице. Вообще, о манере этого театра, когда, допустим, одну роль – Пушкина – играли по пять человек, в том числе Высоцкий. Вот так подробно о его манере, об этой брехтовской методике рассказывала нам именно Нина Васильевна.

Лариса Черепанова, доцент кафедры журналистики ПГНИУ, выпускница 1982 г.:

Первое прикосновение к «нестандартной» литературе связано было с Ниной Васильевной Гашевой. Она помогала нам понять произведения, которые выходили за рамки принятой в советское время программы.

Был у нас, филологов-первокурсников, очень правильный и важный, как прививка, вводный курс по современной литературе, где, я помню, делала доклад о «Другой жизни» Ю. Трифонова... Все в этой книге тогда поражало. До тех пор ничего подобного читать не приходилось, а Нина Васильевна давала нам очень интересные ориентиры в литературе. При этом открывалась действительно совершенно другая сторона жизни.

Нина Васильевна была рецензентом моей дипломной работы. Её мнение всегда было интересно, а в тот момент – особенно важно. И она серьёзно меня поддержала, воодушевила на защиту диплома.

А когда я пришла работать в университет, через много лет после его окончания, поддержала ещё раз. В своём новом статусе преподавателя я чувствовала себя в университете не очень уверенно. Было удивительно и приятно, что два уважаемых и любимых преподавателя отреагировали на моё появление, узнали – Аделаида Фёдоровна Любимова и Нина Васильевна. Причём Нина Васильевна зашла на кафедру, села напротив и сказала: «Я очень рада, что вы теперь здесь». И я поняла, что это не случайные слова. Хотя как это возможно – узнать

через столько лет, когда студентов сотни! Эти слова Нины Васильевны добавили мне уверенности – совершенно точно.

Ольга Соболева, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации ПНИПУ, выпускница 1996 г.:

Нина Васильевна очень доброжелательно относится к студентам. Однажды была такая ситуация. Студент безобразно затянул сдачу дипломной работы – окончательный вариант для оппонирования он принёс вечером накануне защиты, да ещё в рукописном виде. Оппонент отказался читать. Диплом, кажется, по Набокову, и мальчик был умный – просто сложилась такая ситуация. И вот утро защиты. На кафедре из преподавателей была только Нина Васильевна Гашева. И этот горе-дипломник упрямил её прочитать диплом! Она слабо представляла себе этого Лёшу, я не знаю, вела ли она у него что-нибудь – просто решила помочь. Возможно, потому что любит Набокова. Тут же прочитала эту работу, и поскольку диплом оказался приличный, написала отзыв, – и студент защитился, даже на какую-то хорошую оценку.

А однажды она и мне очень помогла. Мой научный руководитель перед защитами дипломов оказался в командировке и приехал уже непосредственно на защиты. И мой оппонент тоже была в командировке, поэтому вопросы я узнала в последний момент. Я не была уверена, правильно ли я отвечаю на них, но мне совершенно не с кем было посоветоваться. И, зайдя на кафедру, я встретила там Нину Васильевну. Она отложила все свои дела, она меня послушала, поправила теоретический подход в моем ответе. Она в этот момент очень меня поддержала. При том что она не была моим научным руководителем, не была моим оппонентом, прежде не вникала в мою тему, ничего не читала на моем курсе – просто у неё было понимание, что в этой ситуации надо помочь. Наверное, она замечательный преподаватель, к сожалению, я ничего у неё не слушала – но отношение к студентам у неё всегда на редкость человеческое.

Надежда Глухова, филолог, выпускница 1992 г.:

Студенткой я была не ахти какой. Для меня был один критерий – интересно или нет. Поэтому иногда я просто рисовала в тетрадке, писала записки или мечтала о слойке с курагой, прикидывая, хватит ли ещё на стакан гранатового сока в буфете пятого корпуса.

Современную советскую литературу читала нам, первокурсникам, Нина Васильевна Гашева. В стране шла перестройка. Печатались новые произведения, возвращалась запрещённая прежде литература. Я старалась всё записывать, чтобы потом взять в библиотеке и прочи-

тать. Нина Васильевна рассказывала увлекательно, с живыми примерами из только что вышедших толстых литературных журналов.

Она говорила с нами настоящим научным языком, зная, что перед ней студенты-филологи, а не какие-нибудь там школяры-троечники. На одной из лекций зашла речь о современной поэзии. «...И образуется мерцающе амбивалентный образ культуры», – сказала Нина Васильевна о стихах Ерёмченко. В аудитории было тихо – все строчили конспекты.

Я же была не сильна в терминах. Вроде, похоже на химическую валентность. Но так как не была уверена, постучала в спину впереди сидящей отличницы. «То да, то нет, то да, то нет», – ответила она, не отрываясь от тетрадки.

Потом я записалась к Нине Васильевне на спецкурс «Литература и живопись». Мне опять было интересно! Экспрессию можно выразить и краской и словом. И мы сами на занятиях находили созвучия в таком, казалось бы, разном. И снова делали открытия.

На занятиях Нины Васильевны всегда была живая пульсация мысли. Она не боялась перемен, открывая новое для себя – щедро делилась с нами. Именно от неё я узнала, например, о «Ночном портъе» Лилианы Кавани.

Не забуду записку, прикреплённую к дверям кафедры: Нина Васильевна лично меня приглашает на пересдачу. Не хотела ставить 4, предлагала пересдать на 5.

На пятёрку я так и не пересдала. Видимо, сказала моя собственная амбивалентность. В двадцать лет меня все время куда-то несло. Иногда в совершенно противоположные стороны, причём, сразу.

Но дело, конечно, не в баллах. А в том, что и через двадцать лет после окончания университета я помню эти занятия. Эти яркие лекции. Творческие семинары.

А. Э. Якунина,
доцент кафедры русской литературы
Пермского государственного национального
исследовательского университета

Р. Я. ГЕЛЬФАНД. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Эти заметки, возникшие на основе воспоминаний самой Риммы Яковлевны, её однокурсниц, бывших коллег, а также материалов из личного дела, можно назвать только штрихами. Слишком давно и далёко она уехала... Там, на «других берегах», Римма Яковлевна и написала небольшой рассказ о своём прошлом и новой родине – Израиле.

Автор данной статьи (а ему принадлежит в ней очень немногое) бережно отнёсся к источникам, на которые всецело опирался, прямо и косвенно их цитируя, сохраняя по возможности стилевые особенности. Вместе с тем в ряде случаев были сделаны необходимые сокращения текстов.

В жизни Риммы Яковлевны, в чем-то типичной для советского человека, были крутые повороты, счастье и боль утрат, внутренние терзания... И было немало драм. В 1990 г. пришлось проститься с профессией – из-за резко ухудшившегося зрения. Тяжело далось расставание с прошлым, родиной, где прошла большая и значительная часть её жизни и где остались родные могилы, которые вряд ли доведётся проведать... Теперь вот предстоит пережить ещё одну боль – навсегда уезжает в Америку любимая сестра Галя... И была глубокая внутренняя драма, о которой речь впереди.

Родилась Римма Яковлевна в семье ленинградских интеллигентов: отец – Я. Р. Волин, историк, позже профессор, зав. кафедрой истории КПСС в Пермском университете; мать – Клара Григорьевна, по образованию врач. В 1941 году, когда Римме только что исполнилось три года, семья эвакуировалась из Ленинграда в Пермь. Именно с этого возраста Римма и начала все помнить, хотя многое до конца и не осознавала. Помнит, как звучал трагически-скорбный голос из репродуктора в поезде, в котором они ехали на восток, выражение лиц окружающих её людей, ужас и панику, когда чуть было не попали под бомбёжку...

В Перми родились сестра и брат Риммы. Во время войны семья ютилась сначала в бараке, а потом в маленькой (10 кв.м.) комнате. Но вспоминается не столько теснота, бытовая неустроенность, сколько холод и голод. Маленькая Римма постоянно просила есть, а родители могли только «заговаривать зубы». В родительской семье было чёткое распределение обязанностей: отец зарабатывал на жизнь, мать занималась детьми и хозяйством (и только летом работала в Троицком заповеднике). Н. Е. Васильева, хорошо знавшая родителей Риммы Яко-

влевны, характеризует Клару Григорьевну как «безраздельно преданную дому и семье». Без сомнения, Римма унаследовала эту материнскую «безраздельную преданность». Родители своим примером воспитали в ней лучшие человеческие качества: трудолюбие, ответственность, честность, преданность (семье, дружбе, делу).

Римма ходила в детский садик, а летом ездила с университетскими детьми в Троицкий заповедник (Челябинская область), где было хорошо отдыхать на озере Кукай (1943–1945 гг.).

Школьная пора пришлась на послевоенные 1945–1955 годы. Римма одновременно училась в двух школах – обычной общеобразовательной и музыкальной (по классу фортепиано). У неё обнаружили большие способности к музыке. Как признается сама Римма Яковлевна, она больше жила интересами музыкальной школы, в которой проучилась 8 лет, и потом ещё два года занималась у того же преподавателя – Т. Ф. Рюминой, бывшей также концертмейстером в театре оперы и балета.

В обычной школе Римма Яковлевна училась достаточно ровно по всем предметам, однако особенно любила литературу, и её сочинения учительница зачитывала в классе. Любовь к литературе и определила выбор будущей специальности – русской филологии.

«Риммочка в семье и для семьи была образцовым ребёнком: отлично училась, прекрасно играла на пианино, не требовала никаких понуканий, была всегда собрана, трудолюбива и разумна. Такой она прошла и по жизни» (Н. Е. Васильева).

Учась на филологическом отделении историко-филологического факультета ПГУ (1955–1960 гг.), Римма от музыки не отказалась. Она гармонично сочетала музыкальные интересы и литературные. Постоянно участвовала в художественной самодеятельности, играя Ф. Шопена и других композиторов, аккомпанируя певцам. Играла и в трио (скрипка, виолончель, фортепиано), и в этом ансамбле особым успехом пользовалось «Сомнение» М. Глинки.

Равная любовь Риммы к литературе и музыке закономерно привела её к теме курсовой работы (за 2-й курс), очень успешной и отмеченной Грамотой министерства высшего образования, – «“Евгений Онегин” А. С. Пушкина и П. И. Чайковского».

В дальнейшем Римма писала курсовые работы и диплом у Р. В. Коминой (о Достоевском, Шолохове и др.). Кроме того, все студенческие годы она активно участвовала в работе кружка советской литературы. Римма была студенткой способной и трудолюбивой, о чем свидетельствует её диплом с отличием. А вот о человеческих каче-

ствах могут рассказать только люди, близко знавшие её и дружившие с нею многие годы.

Римма как личность глубокая, интересная, с «особинкой» сложилась ещё до университета. Её однокурсницы в своих воспоминаниях живо представили бытовые условия, эмоционально-нравственную атмосферу студенчества тех лет. Познакомились поближе, подружились на 1-м курсе осенью, во время двухмесячной работы в колхозе, на уборке урожая (убирали лён-долгунец в деревне Сухой Лог). «Выглядели все несколько экзотично: в брюках, сапогах, куртках, каких-то телогрейках, тужурках, платках, шапках. Впрочем, никто не обращал на одежду никакого внимания. Жили весело, работали старательно <...> Вечерами начиналось настоящее веселье – танцы. Мы умели веселиться от души, искренне, незамысловато, без спиртного», – пишут бывшие студентки. Они охарактеризовали Римму как человека доброго, сострадательного и скромного, не выпячивающего своих достоинств.

«Римма среди нас если и выделялась, то скромностью поведения. Она не умела шуметь, громко смеяться, выпячивать какие-то свои достоинства. А они у неё, несомненно, были. От многих из нас она отличалась начитанностью, серьёзностью, каким-то очень вдумчивым отношением к учёбе. Она не искала развлечений, но любила музыку <...>, играла в оркестре музыкальной школы <...>. Как и все мы, любила оперу, балет, театр. Римма была человеком разносторонних интересов, хотя предпочтение отдала филологии, и при всей серьёзности, не лишена чувства юмора. Однажды после ноябрьской демонстрации кто-то из нас спросил её о впечатлении, и все смеялись над её ответом: «Как будто выстояла длинную очередь – и ничего не купила». Это было очень смелое по тому времени высказывание, особенно для дочери заведующего кафедрой истории КПСС. Мы уже в ходе учёбы узнали, что отец Риммы, Яков Рувимович Волин, заведовал этой кафедрой, был известный и уважаемый человек в университете. Римма очень любила отца, поэтому важным дополнительным стимулом в её учёбе и поведении было желание не огорчить, не подвести отца».

Далее авторы этих воспоминаний рассказывают об одном поступке Риммы, в котором проявилась вся её нравственная суть. Дело в том, что многие студенты в их группе были приезжими – из разных городов СССР, из пермской сельской глубинки; жили в общежитии на Комсомольской площади. Финансовый источник у этих студентов один – стипендия в 22 рубля, что было полнейшей нищетой. Студенты, жившие в одной комнате, объединялись в «коммуны», в складчину питались, внося часть стипендии в общий котёл, оставшиеся деньги шли на

одежду, книги, театр, кино. Низкая оценка в экзаменационную сессию означала потерю стипендии и невозможность закончить университет. «Однажды случилась беда. Студентка В. получила плохую оценку на экзамене. Для неё это была катастрофа. У В. не было родственников, которые могли бы ей помочь материально. Мы не знали, что делать. Римма и ещё две студентки отправились к секретарю университетского комитета комсомола. Но тот только развёл руками: помочь ничем не может, правила для всех одинаковы. И Римма, успешно сдавшая сессию, отдала свою повышенную стипендию В. Это был Поступок».

То, что для окружающих явилось «поступком», для самой Риммы было нормой, естественной реакцией. Мало того, как сейчас выяснилось, она даже и не помнит об этом случае.

Римма была преданным другом. Однокурсницы вспоминают: «К сожалению, после университета наше общение не было таким тесным, как в годы учёбы. У всех уже были семьи, работа. Но Римма радовалась любому общению, даже короткому телефонному разговору. Приглашала к себе, оставалась преданна нашей студенческой дружбе, нашей молодости и помогала, если знала, что может помочь. Однажды сын нашей бывшей однокурсницы, демобилизовавшись позднее обычного срока из армии, не успел поступить на подготовительные курсы в университет. Это было нелегко – зачислиться на курсы с довольно большим опозданием. Многие отказывались помочь – невозможно. Римма горячо откликнулась, взялась за дело и действительно помогла».

Очень тепло, трогательно о Римме, о дружбе с нею написала А. Х. Боярченко (Прокурова). «За окном – мороз... От заснеженных кружевных деревьев глаз не отвести – настоящая зимняя сказка. И трудно представить, что сейчас где-то далёко на юге, в Израиле, как рассказывает мне по телефону моя близкая подруга Римма (Р. Я. Волина-Гельфанд), весь мир залит солнечным светом, цветут вечно зелёные кусты и деревья, из пустыни дует горячий ветер. Моя Римма! Как мы далёко друг от друга, как давно не виделись! Почти двадцать лет! И мне трудно представить подругу моей юности пожилой женщиной, окружённой большой семьёй, двумя внуками-близнецами.

Я вспоминаю Римму стройной, хрупкой, нежной девушкой с большими добрыми карими глазами... В университете мы учились на разных курсах, общались мало, но зато на любом городском музыкальном концерте я встречала её нарядную, восторженную, в ярком голубом платье, которое так украшало Римму.

Более близкие отношения у нас сложились уже после окончания университета, когда мы работали учителями (Римма – в строительном техникуме, я – в школе). В те годы подруга часто приходила к нам в дом, и её приход всегда был праздником для всей нашей семьи: она часами играла на пианино, а мы восхищались её игрой. Любимый композитор Риммы Шопен так соответствует её духовному миру, её музыкальным запросам.

В последующие годы нашей жизни мы стали реже встречаться: обзавелись семьями, детьми, работали в разных учебных заведениях. Зато почти каждое лето отдыхали вместе в Усть-Качке и навсегда запомнили камские просторы, солнечные закаты, чтение стихов, литературные споры. И теперь наша дружба продолжается. Почти каждую неделю я разговариваю по телефону с далёким Иерусалимом.

Римме все интересно, что происходит в России, в Перми; она читает наши новинки художественной литературы, смотрит российское телевидение, обучает внуков русскому языку, расспрашивает меня о друзьях, коллегах, об университете. Часть её души осталась, конечно, в Перми.

И опять звонит телефон. Я заранее улыбаюсь, беру трубку, знаю, что сейчас снова услышу родной голос: «Привет, Аля! Ну как ты?..»

После окончания университета Римма 6 лет преподавала русский язык и литературу в Пермском строительном техникуме. В 1966 г. она поступила в аспирантуру при кафедре русской литературы ПГУ. Тема диссертации «Проза Г. Николаевой (проблематика и стиль)» была определена научным руководителем – С. Я. Фрадкиной. Выбор темы Римма Яковлевна объясняет так: «Дело в том, что ещё в студенчестве, когда в 1957 году был опубликован роман Г. Николаевой “Битва в пути”, который стал событием в литературной и общественной жизни страны, я делала доклад об этом произведении на кружке советской литературы. Кроме того, проводила многочисленные дискуссии об этом романе в городе. К тому времени, когда я поступила в аспирантуру, Г. Николаева умерла (1963 г.) Возникла потребность создания монографической работы о её творчестве, что я и сделала в своей диссертации, которую успешно защитила в феврале 1970 года в Томском университете (Г. Николаева родилась в Томской области)».

В октябре 1969 г. Римма Яковлевна была зачислена в качестве ассистента на кафедру русской литературы ПГУ. В 1977 г. состоялось её избрание на должность старшего преподавателя, в 1982 г. – на должность доцента той же кафедры. Человек активный, ответственный, Римма Яковлевна за годы работы в университете вела большую общественную работу. Перечень таких «нагрузок» огромен; вот некоторые

из них (приводятся из характеристик в личном деле): член партбюро, политинформатор, член университетской группы народного контроля, руководитель семинара по морально-этической тематике при Дзержинском райкоме КПСС; чтение публичных лекций по советской литературе и морально-этической тематике (1973 г.). Из характеристики 1976 г.: куратор общежития, куратор группы, руководитель кружка советской литературы, чтение лекций перед населением и т.д.

Как преподаватель, Римма Яковлевна имела весьма большую нагрузку. Ещё ассистентом она фактически выполняла работу старшего преподавателя, поскольку читаемые лекции составляли значительный удельный вес её учебной нагрузки, что было отмечено на заседании кафедры русской литературы в ноябре 1976 г.

В разные годы Римма Яковлевна читала курсы лекций по русской советской литературе (для филологов, историков), литературе народов СССР (украинской и белорусской литературе), вела спецкурсы по русской советской прозе (например, «Рабочий класс в советской литературе», «Горький и советский роман», «Советская проза 50-60-х годов»). Помимо этого, она занималась со студентами в различных спецсеминарах («Шолохов и советский роман», «Конфликт в прозе 50-60-х годов» и др.), осуществляла руководство курсовыми и дипломными работами.

Римма Яковлевна была хорошим лектором, умеющим интересно преподнести материал. Так, преподаватели кафедры, посетившие её открытую лекцию о М. Коцюбинском, при обсуждении подчеркивали, что проблемы метода и стиля писателя рассматривались в сопоставлении с русской литературой и развитием метода в ней на рубеже XIX и XX веков, в контексте эволюции творчества самого Коцюбинского. Лекция в целом отличалась широким контекстом литературного процесса русской классической и украинской литературы. Несомненным достоинством лекции был назван глубокий исторический и художественный анализ эпохи, а также стройность, выверенность композиции, лёгкость и изящество стиля. Сказанное относится ко всем лекциям Риммы Яковлевны, которые читались так же профессионально – на высоком научном и методическом уровне.

Римма Яковлевна опубликовала около тридцати научных работ, посвящённых творчеству Г. Николаевой, М. Рощина, Ч. Айтматова, Д. Гранина и др. В своих воспоминаниях она пояснила выбор проблем, которыми занималась на протяжении ряда лет. «В дальнейшем (после защиты диссертации. – А. Я.) меня заинтересовал принцип Г. Николаевой: постановка масштабных социальных и нравственных, психологических проблем через изображение профессиональной дея-

тельности человека (Бахирев в “Битве в пути”, Настя Ковшова в “Повести о директоре МТС и главном агрономе”). Я, в сущности, и стала этим заниматься, тем более что некоторые писатели (Ч. Айтматов, Д. Гранин) ставили на этом материале не только социальные, нравственные, психологические, но и философские проблемы. Я написала статьи о романе Ч. Айтматова “И дольше века длится день”, о романе Д. Гранина “Зубр”, книгу “Человек труда в советской драматургии 70-80-х гг.”, в которой особенно детально проанализированы пьесы И. Дворецкого “Человек со стороны” и А. Гельмана (“Протокол одного заседания”, “Мы, нижеподписавшиеся”, “Обратная связь”, “Наедине со всеми”). Исследовала сатирическое направление этой темы – “Старый Новый год” М. Рощина. Думаю, что Р. В. Комина условно (подчёркнуто Р. Я. – А. Я.) назвала направление моей научной работы как “Тема рабочего класса в современной советской литературе”. На самом деле меня интересовал более всего именно аспект постановки актуальных проблем жизни через профессиональную деятельность человека).

В данном отрывке Римма Яковлевна говорит, по сути, о несовпадении предписанной ей темы и её подлинных научных интересов, что и стало источником внутренних терзаний. Случилось так, что глубокие знания, исследовательские потенциалы Риммы Яковлевны не были по-настоящему востребованы и не могли до конца реализоваться.

Профессор Б. В. Кондаков, отмечая трудолюбие Риммы Яковлевны, называет её «образцом ответственного отношения к любому порученному ей делу». Он анализирует причины профессиональной, ставшей и личной, драмы Риммы Яковлевны, видя их в особенностях советской эпохи. «Я глубоко убеждён, что Римма Яковлевна Гельфанд – преподаватель, не полностью реализовавший себя в Пермском университете, – пишет Б. В. Кондаков. – Римма Яковлевна много читала, хорошо разбиралась в музыке, знала и любила театр, но все эти знания – в силу определённых обстоятельств – не удавалось в полной мере воплотить в своих научных исследованиях и в преподавательской деятельности. И причина этого заключалась вовсе не в ней самой, а в особенностях времени, на протяжении которого она работала на кафедре, – “советской эпохи”, в специфике ситуации, сложившейся тогда на кафедре русской литературы». «Трагедией» именует Б. В. Кондаков то, что многие люди той эпохи, в их числе и Римма Яковлевна, нередко «должны были заниматься не тем, чем бы хотели, что им нравилось, а тем, что *“надо”* (курсив Б.К.) было делать. По сути Римма Яковлевна с научной темой, которая была ей “назначена” тогдашними “лидерами кафедр” – С. Я. Фрадкиной и Р. В. Коминой (“Тема рабочего класса в

современной советской литературе” или что-то вроде этого), – как я сейчас понимаю, играла уникальную роль основного “защитника” кафедры русской литературы, подвергавшейся в 1960–1970-е годы постоянным идеологическим проверкам. Когда готовился очередной отчёт о научной или учебной работе кафедры, на первом месте всегда назывались работы Риммы Яковлевны, которые оказывались наиболее “актуальными”, поскольку непосредственно откликались на решения очередных съездов и пленумов партии о “доминирующей роли рабочего класса”, о “необходимости изображать в литературе образ человека труда – нашего современника” и т.п. Такая явно конъюнктурная тема позволяла “прикрывать” многие иные темы и санкционировала возможность другим преподавателям кафедры спокойно заниматься, например, исследованием творчества Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Бунина и ряда других писателей». Говоря об «уникальной роли» этой научной темы в жизни кафедры, Б. В. Кондаков вместе с тем отмечает: сама Римма Яковлевна «прекрасно понимала, что большинство произведений, о которых ей приходилось писать, отличаются весьма невысоким художественным уровнем, и это вносило диссонанс в её жизнь и мешало ей, например, написать докторскую диссертацию (в чем её неоднократно пыталась убедить Р. В. Комина) или начать работу над какой-нибудь книгой».

Доцент кафедры русской литературы Н. Е. Васильева, независимо от Б. В. Кондакова, также пишет о «повышенной актуальности и политизированности» подобной научной темы, акцент, однако, делает на нравственно-психологических особенностях и переживаниях Риммы Яковлевны. Она, «как работник кафедры, отличалась повышенной ответственностью, дисциплиной и чувством долга. К тому же ей были присущи обострённая щепетильность и совестьливость, занимавшие в структуре её личности огромное место. Римма была тем редким случаем, когда эти качества пронизывали её профессионализм, доставляя, на мой взгляд, нередкие переживания и даже страдания». Н. Е. Васильева отмечает сложность, неоднозначность ситуации, в которой оказалась Римма Яковлевна со своей научной темой. «Там, где другой отмахнулся бы или цинично “наплевал”, Римма принимала близко к сердцу и начинала всерьёз терзать себя. Приведу лишь один пример, связанный с её работой на кафедре и, в частности, с её научной работой. Дело в том, что её научная тема (не область глубоких интересов, а именно тема), была связана с производственными проблемами в литературе (образ рабочего класса, труд и т.д.), которые в те годы были повышено актуальны и политизированы. Все понимали, что произведения по этим темам – от романов Г. Николаевой до пьес А. Гельмана – не от-

личались высоким уровнем художественности, но они были своеобразным зеркалом тех процессов, которые происходили в обществе; изучение этого пласта литературы было гарантией проходимости исследований через все цензурные препятствия. Конъюнктура была надёжным шансом, надо было только закрыть в себе клапаны, реагирующие на низкое или, в лучшем случае, среднее качество этой литературы. Римма Яковлевна, как человек умный и глубокий, понимала объективную сложность и двойственность ситуации и, как человек честный и щепетильный, рефлексировала по этому поводу.

Между тем она была в этом отношении не одинока на кафедре. Все знают, как многие годы работы на кафедре «тащила» на себе советскую Лениниану С. Я. Фрадкина, разумеется, понимающая художественную фальшь и вымученность многих произведений о вожде. Да и Римма Васильевна, исследующая стилевые течения советской литературы в их исторических срезах, не могла избежать разговора о партийности и идеологических принципах партийного руководства литературой. А кто из нас миновал обязательное цитирование к месту и не к месту (чаще не к месту) речи вождей и решения партийных съездов?! Снобизм хорош и уместен, когда человек свободен. Мы такими не были, но мы привыкли к «обязаловке» как к чему-то неизбежному, что не следует переводить с языка формального на язык истинный и принимать это всерьёз. Вот этого Риммочка не умела – она комплексовала, страдала, мучилась, отчаивалась».

И далее Н. Е. Васильева продолжает: «...Самое интересное и удивительное заключалось в том, что Римма “выжимала” из этой темы и этой литературы все, что было в ней достойного и человеческого». Она, сумев подняться выше обозначенных рамок темы, на этом материале ставила важные этико-нравственные, философские вопросы. «И делала это с профессиональной точки зрения вполне качественно. Вот тут и “работали” ответственность, совесть, личная честность и чувство долга».

Другая причина неполной профессиональной реализации Риммы Яковлевны состояла в специфике одного из учебных курсов, который ей пришлось читать довольно долго. «Литература народов СССР» был, пожалуй, самым сложным курсом для лектора (и преподавателя стремились при первой возможности отказаться от его чтения), – вспоминает Б. В. Кондаков. – Во-первых, в саму концепцию этого предмета была изначально заложена идеологическая и методологическая ошибка, заключающаяся в том, что он утверждал существование “единой многонациональной советской литературы”, которой на самом деле как целостного единства не было. Во-вторых, украинская литература

(а Римме Яковлевне приходилось читать именно эту литературу) советского периода была, пожалуй, самой “невывразительной” литературой. В-третьих, курс читался пятикурсникам, которые к тому времени уже хорошо знали литературу “золотого” и “серебряного” веков, были знакомы с работами М. Бахтина, А. Лосева, Д. Лихачева и других крупнейших литературоведов и на этом фоне совершенно не могли воспринять как художественные, например, произведения О. Гончара. Понимая причины такого отношения к своему предмету, тем не менее, Римма Яковлевна отказаться от чтения этого курса не могла: и потому, что всегда была исполнительным человеком, и потому, что она долгое время оставалась “самым младшим” преподавателем кафедры».

Пермский университет, с которым была связана Римма Яковлевна в течение почти 30 лет (5 лет учёбы, 3 года аспирантуры, 21 год работы на кафедре), был для неё «родным домом». Она написала из Израиля: «Университет с детства (из-за папы) оставался для меня родным домом. При нем был также ботанический сад, в который я, живя на территории университета, ходила каждый день, и какое-то время думала, что буду биологом. Тесно общалась с университетскими детьми в пионерском и комсомольском лагерях (Кунгурский заповедник). Когда была в старших классах, посещала отдельные мероприятия историко-филологического факультета и иностранной кафедры (запомнился юбилейный вечер, посвящённый Г. Гейне). Так что не случайно я пошла учиться в университет, а не в пединститут, где меня привлекал иностранный факультет, когда в университете ещё не было романо-германского отделения. <...> В Израиле университет мне часто снится».

В 1991 г. семья Риммы Яковлевны уехала в Израиль. Как сообщают однокурсницы, «она не хотела уезжать, так сложились обстоятельства. Университет, работа составляли значительную часть её жизни, нелегко было оторвать эту часть от себя. Римма была бесконечно рада, счастлива, взволнованна, когда одна из бывших однокурсниц навестила её в Иерусалиме. Римма Яковлевна живёт в прекрасном городе, в красивом доме, у неё небольшая двухкомнатная уютная квартира. С нею муж, дети, горячо любимые внуки. Но в сердце её живёт преданная любовь к Перми, университету, студенческим друзьям».

На просьбу автора статьи рассказать об Израиле, о своём восприятии этой страны Римма Яковлевна охотно откликнулась и прислала зарисовку, местами даже лирическую и немного грустную. Её небольшой рассказ стоит опубликовать целиком хотя бы потому, что Израиль увиден «изнутри», глазами живущего там человека. Кроме того, он передаёт какие-то важные моменты «вживания» в иную национальную

культуру, быт, традиции. И главное – в нем раскрываются человеческие качества Риммы Яковлевны: глубина, серьёзность, обстоятельность. Она основательно готовится к новой для неё жизни. Например, в течение четырёх лет изучала иврит, посещала музеи, раскрывающие историю страны, трагедию евреев (музей катастрофы европейского еврейства «Яд Вашем»), осматривала другие достопримечательности (Старый город). Кроме того, Римма Яковлевна ездила на тематические экскурсии в Иерусалиме и Израиле в целом. Одним словом, она не замкнулась на личных проблемах, не ограничила свои интересы только Иерусалимом, а побывала в разных местах; в результате сложилось более полное представление об Израиле.

Римма Яковлевна много читает, живо интересуется литературной и культурной жизнью страны, впрочем, как и общественно-политической (отметила конфликт между светским и религиозным населением, всеобщую политизированность).

«Израиль с самого начала воспринимался как очень красивая страна (кипарисы, пальмы, сосны, оливковые деревья, миндаль, иудино дерево, цветущее ярким сиреневым цветом, обилие цветов (роз, олеандров) и др. цветущих кустарников, деревьев с ярко-красными, белыми и малиновыми цветами, гигантских кактусов и т.д.). Синее небо над головой. Мы поселились в столице – Иерусалиме, который порастил нас своим прозрачным лёгким воздухом. Он расположен на холмах, в 800-х метрах над уровнем моря, поэтому климат здесь, как и на Голанских высотах, лучше – прохладнее, чем в приморских местах. Хотя в июле, августе и начале сентября достаточно жарко. Климат Иерусалима нередко сравнивают с климатом Кисловодска, хотя, я думаю, здесь летом жарче. В Иерусалиме потряс нас музей Катастрофы европейского еврейства – “Яд Вашем” (дословно “Память и Имя”), особенно детский зал, в котором, если можно так сказать, у нас шевелились волосы. “Музеон Исраэль” даёт представление об истории Израиля. Интересен музей свитков Торы, Русское подворье. Особенное место в Иерусалиме занимает Старый город (именно там – Стена Плача, Храм Гроба Господня, многочисленные храмы, особенно много церквей). Есть в Иерусалиме православный женский монастырь, церковь при нем и т.д. и т.п. С самого начала проживания в Израиле я посещала ульпан в течение 4-х лет (1991–1995 гг.), где изучала иврит. Это мне очень пригодилось в последующей жизни. От ульпана мы ездили на многочисленные экскурсии в Иерусалиме и Израиле в целом: “Город 3-х религий”, “Христианские места в Иерусалиме и на озере Кинерет”, “Булгаковский Иерусалим”, “Музей диаспоры” в Тель-Авиве”, “Хайфа – Кейсария – Акко”, “Метула – Цфат”, и др.). Послед-

нее время много туристов приезжает на Мёртвое море, в Эйлат (где всегда лето на Красном море). Посещали мы занятия по изучению Ветхого Завета Библии (“Танах”: Тора, Невим – “Пророки”, Ктувим – “Писания”). Репатрианты в самом начале организовали работу радио на русском языке, а 10 лет назад – работу израильского телевидения на русском языке. Это очень помогает жить, познавать Израиль, особенности национальных традиций и вообще адаптации репатриантов к жизни в Израиле. Такую же роль играют израильские газеты на русском языке. Особенно надо выделить недельную газету “Вести”, в которой авторы статей ставят острые проблемы нашей жизни.

В Иерусалиме несколько русских библиотек. Я перечитала множество книг. Среди них “Я, Майя Плисецкая”, “Не убоюсь зла” Н. Щаранского, произведения В. Войновича и многие др. В Израиле очень много писателей, пишущих на иврите. Классиками ивритской литературы стали Шай Агнон, Амос Оз, Меир Шалев. Приехавшие из СНГ пишут в основном на русском языке: Д. Рубина, И. Губерман, А. Алексин, Г. Канович, Н. Воронель, Э. Баух, Б. Камянов, А. Каневский, Р. Муха и др. Они известны в России и часто там публикуются.

С самого начала нашей жизни в Израиле раздражает неотделение религии от государства, стремление ультраортодоксальных кругов к диктату. Отсюда – конфликт между светским и религиозным населением.

Трудно решался вопрос с жильём: 7 лет жили на съёмных квартирах вместе с сыном и невесткой. Потом нам, как пожилым людям, дали социальное жильё, а сын купил квартиру. Молодые претерпели огромные трудности с устройством на работу. Более или менее вопрос решился через 5 лет пребывания в стране. Очень лично воспринимаем арабо-израильский конфликт, который до сих пор находится в тупике. Израильское население сплошь политизировано. Мы пережили здесь 2 интифады, унёсшие множество жизней, ливанскую войну 2006 года, пожар в Кармеле 2010 года, множество терактов. Это трагические страницы нашего государства, которые мы воспринимаем близко к сердцу».

В Израиле родились внуки Риммы Яковлевны. Неслучайно её рассказ заканчивается упоминанием о них: «В Израиле родились наши внуки – близнецы Лили и Михаэль, которым сейчас по 11 лет. Они стали ивритоговорящими. И мы, как бабушка и дедушка, желаем им счастливой жизни». Это доброе напутствие внукам в их будущую жизнь. Большая доля счастья самой Риммы Яковлевны, всегда предан-

ной семье, детям, внукам, дому, – счастье матери, воспитавшей достойного сына, и счастье бабушки, горячо любящей своих внуков.

В заключение публикуем воспоминания профессора Р. С. Спивак, знакомой с Р. Я. Гельфанд ещё с отрочества. Они прошли по жизни рядом не один десяток лет. Наверное, Римма Яковлевна прочтёт их с радостью, умилением и грустью...

Р. С. Спивак,
профессор кафедры русской литературы
Пермского государственного национального
исследовательского университета

РИММА ГЕЛЬФАНД

В XXI веке расстояние не помеха дружбе, духовной и душевной близости, общению и возможности помочь друг другу, если в этом есть необходимость.

Римма Яковлевна уехала в Израиль, потому что в России её болезнь не умеют лечить. Но она до сих пор живёт нашими интересами, радостями и тревогами – часто звонит нам, её друзьям, находится в курсе наших политических и культурных событий, все знает о нашей университетской жизни. Но жизнь нашу мы, моё поколение, мои давние коллеги по работе, в её основной части уже прожили. Поэтому «время собирать камни» – вспоминать прошлое, писать портреты...

Я встретилась с Риммой впервые в музыкальной школе. Мы учились у одного педагога, Раисы Григорьевны Гершуни, и разучивали в четыре руки «Танец Анитры» Грига. И я помню её тогдашнюю – скромную и в то же время уверенную в себе девочку из интеллигентной семьи, прирождённую отличницу, доверчиво открытую миру: детски округлое светлое лицо, освещённое двумя широко раскрытыми дружелюбными глазами, две аккуратные черные косички по плечам и трогательные веснушки, которые она передала потом сыну и, хочется думать, внукам.

Она играла хорошо, вкладывая смысл в каждое движение своих пальцев, с душой. Стать пианисткой ей помешала миниатюрность её рук. И она выбрала другую дорогу, но никогда не расставалась с музыкой, не только её любила, но и понимала. Её любимым композитором всю жизнь, как она призналась мне недавно, был Шопен, приятели прозвали её «шопенисткой». И понятно, почему она пошла на филфак, – романтик! В своей студенческой группе она устраивала музыкальные вечера, играла сама, проигрывала пластинки, рассказывала о судьбах музыкантов. Ребята в университете учились разные, многие из дальних сел, о музыке знающие мало. Её сокурсники вспоминают, как однажды один из студентов группы заявил, что где-то читал о существовании

какого-то глухого музыканта Бетховена, и Римма прочла запомнившуюся всем лекцию о Бетховене, принесла проигрыватель и записи его произведений.

Помнят сокурсники и ещё одну историю, в некотором смысле просто героическую. Когда один из студентов группы, живущий в общежитии, получил на экзамене тройку и таким образом лишился средств к существованию и возможности продолжать учебу, Римма отдала ему свою стипендию. И мало кто об этом знал и знает. Во всяком случае, я услышала об этом случайно и лишь сейчас.

Поступок Риммы не был для неё случайным. Её доброта и отзывчивость позднее, когда она стала работать в университете, стали великим благом для нашей кафедры. Я бы сказала, в истории кафедры Римма взяла на себя роль спасателя, которая, в силу её скромности, осталась не замеченной многими её коллегами. Дело в том, что наша кафедра была на самом плохом счету у партийного руководства университета и города. Кафедра пользовалась большой любовью студентов. Но студенты, работающие в тесном контакте с преподавателями кафедры, классику ценили больше, чем социалистический реализм, читали на вечерах подозрительных и опасных для политического здоровья молодёжи Мандельштама и Гумилева, начинающие поэты упрямо экспериментировали со словом и явно из-под палки цитировали в курсовых и дипломных Маркса и Ленина. Во имя сохранения кафедры требовалось увеличить в её коллективе количество членов партии. Но молодое поколение кафедры вступать в члены КПСС не желало. Шли 1970-е годы, и идея большевизма уже потеряла свой романтический ореол. Насколько я знаю, у Риммы такие планы также отсутствовали. Однако недовольство кафедрой усиливалось, кто-то должен был это сделать, чтобы хотя бы на время отодвинуть опасность расформирования кафедрального состава. И Римма дала согласие принести себя в жертву общим интересам. Понятно, что самой Римме этот акт жертвоприношения не сулил никаких выгод, наоборот, обременял никому не нужными многочисленными поручениями, урезал личную свободу.

Вариантов подобных ситуаций в жизни Риммы немало. Однажды проведение студенческой весны потребовало участия в ней, наряду со студентами, преподавателей. Языковые кафедры факультета легко такое участие обеспечили. Дело стало за нашей кафедрой, не имеющей своих Соломонов, Сахарных, Мурзиных. Выручила кафедру Римма, предложив исполнить своего любимого Шопена. Но ведь Римма давным-давно не играла на публику, может быть, вообще давно не садилась за инструмент! Скольких волнений, я уже не говорю о времени, затраченном на репетиции номера, это ей стоило...

Всегда помню также неожиданное выступление Риммы на заседании парткома университета в защиту Риммы Васильевны Коминой, обвиняемой в совершенных ею преступных идеологических ошибках. Перед такими обвинениями университетские коллеги немели, вступать в спор с партийными зубрами было опасно, за ними стояли Обком и КГБ. При этом Римма не была борцом по натуре, «забиякой», общественным лидером, не помню, чтобы до этой ситуации она выступала на больших собраниях. А оказаться лицом к лицу с такой могучей, выдрессированной и обученной армией идеологического фронта просто страшно, знаю по своему опыту. Кроме того, Римма была дочерью заведующего кафедрой истории партии, и ему такое поведение дочери могло повредить в глазах начальства университета. А Римма выступила!

Ещё об одном негласном, тихом, без шума, но по-своему героическом поступке Риммы я узнала совсем недавно, хотя он связан был лично со мной. Но в этом-то и была вся Римма – приносимая ею жертва оставалась неизвестной общественности (Д. Мережковский: «Прекрасна только жертва неизвестная...»). И только сейчас, в недавнем разговоре по телефону с ней, находящейся уже в Израиле, она призналась, что долго была на ставке ассистента, т.к. не считала возможным подавать на повышение до того, как повысят меня, её старшую коллегу. А меня не повышали, выжидая, чтобы я не выдержала и сама подала на увольнение: я считалась внутренним диссидентом, нежелательным элементом, от которого надо избавиться. К самой Римме у ректора до её выступления не было по идеологической части претензий, и я думаю, что, подай она на повышение, ей бы ставку старшего преподавателя или доцента дали без возражений.

И ещё об одной ситуации подобного жертвенного плана в её жизни не могу не вспомнить – не часто они встречаются вокруг нас. Тематический план научной работы кафедры в 70-е годы требовал включения в него темы рабочего человека в современной жизни страны. Оспорить это требование было невозможно, но никто такую тему на себя не брал. Она предполагала пропаганду коммунистической идеи и не обещала заинтересованности в ней студентов. Но Римма Васильевна попросила Римму разработать именно эту тему, и Римма взялась за неё с тем органически присущим ей чувством ответственности, с которым она делала абсолютно все. Я не уверена, что это правильно: по моему, есть поручения, от которых нельзя уклониться, но которые не стоят серьёзного к ним отношения. Но Римма не умела халтурить ни в чем и нашла в теме новые, не обнаруженные до неё исследователями аспекты и возможность обогатить представление о литературном про-

цессе тех лет тонкими и точными наблюдениями над стилем и авторской позицией Ч. Айтматова, Г. Николаевой, А. Гельмана, И. Дворецкого, Д. Гранина.

Когда у меня, уже во время пребывания Риммы в Израиле, тяжело заболел муж, я обратилась к ней за помощью. И она сделала для него все, что смогла, – как всегда, без шума, без проволочек, от всей души. Как хорошо, что люди, перемещаясь на громадные расстояния, меняя страны, быт, образ жизни, сохраняют себя прежними, такими, какими мы их знали и любили всегда.

А. Е. Заварькина,
заведующая отделом исследования документов
Пермской лаборатории судебной экспертизы

НЕ МЕСТО КРАСИТ ЧЕЛОВЕКА

В летописи любого университетского сообщества всегда найдутся страницы, посвящённые людям, без которых трудно представить само существование факультета – настолько органично, легко и навсегда они вошли в память тех, кто с ними учился, работал, общался и, к счастью, общается до сих пор.

Представляется бесспорным, что любой филолог наряду с именами многих любимых преподавателей обязательно одной из первых назовёт Лидию Ивановну Губину – методиста деканата по должности и талантливого организатора учебного процесса – по призванию. Этот человек долгие годы был ангелом-хранителем и второй мамой нескольких поколений студентов-филологов, выросших и отправившихся во взрослую жизнь на её глазах.

Думали сначала, что писать о Лидии Ивановне легко, ведь она и сейчас рядом с нами, с её замечательными воспоминаниями о прошедших в университете десятилетиях, с её доброжелательностью и неизменной благодарностью к тем, кто изредка звонит, поздравляя с праздниками, или забегает на чашку чая, случайно оказавшись недалеко от её дома. Однако, взявшись вспоминать, обнаружили вдруг, что

рассказать о Лидии Ивановне так, чтобы воспоминания эти получились интересными, разноплановыми и затронули душевные струны не только самой героини наших воспоминаний, но и людей, знающих её (да и не знакомых с ней – тоже), очень непросто. Причина эта – большая ответственность за результат: настолько значительную и яркую роль сыграл этот человек в жизни факультета.

Наша недавняя встреча с Лидией Ивановной, пожалуй, впервые оказавшейся в роли «интервьюируемой», продлилась довольно долго, однако время пролетело совсем незаметно. Казалось, мы знаем о ней самой немало, а уж о жизни филфака в его разные периоды – тем более. Однако в этот день мы узнали много неизвестных раньше имён, услышали новые интереснейшие истории и комментарии к ним. Попытаемся поделиться услышанным...

Лидия Ивановна родилась 14 мая 1930 г. в семье Кобелевых. Её отец, Иван Архипович, был инженером железнодорожных войск, мама, Мария Андреевна, сначала занималась домашним хозяйством и воспитанием дочерей (в семье их было двое), затем работала вместе с мужем на заводе в отделе технического контроля на Перми II.

Место рождения Лидии Ивановны – деревня Притыки Кунгурского района Пермской области. История семьи Кобелевых типична для многих и многих советских семей: в начале тридцатых годов прошлого века её дед, крепкого хозяйственника и настоящего труженика, вынудили покинуть родные места, и лишь спустя несколько лет семье разрешили жить в Перми.

Одним из самых близких людей для маленькой Лиды была её бабушка Ирина Евлампиевна, тёплые воспоминания о которой до сих пор живут в сердце её давно выросшей внучки. Когда семью в срочном порядке выселяли из деревни, та спасла девочку, укутав её в свою юбку – на сборы времени не дали, а на дворе стоял страшный мороз. Так, под крылом доброй бабушки, и прошло детство Лиды.

Вернувшись в Пермь, главе семейства удалось построить небольшой домик на огороде родственника – так началась для Лидии Ивановны городская жизнь. Училась она в железнодорожной женской школе, которую успешно закончила в 1948-м году.

Скорее всего, большинство «подопечных» Лидии Ивановны – бывших студентов-филологов, да и преподаватели факультета вряд ли знают о том, что она появилась в деканате филологического факультета университета с дипломом психолога, полученным ею в Пермском педагогическом институте в 1952 году.

К завершению учёбы в вузе Лидия Ивановна уже была молодой мамой двухмесячной дочки Танечки, что не повлияло на качество её диплома. В результате – всего две четвёрки и рекомендация в очную аспирантуру в один из вузов тогда ещё Ленинграда. Уже были успешно сданы два кандидатских экзамена, отправлены документы и получен положительный ответ, однако после долгих раздумий и взвешивания всех «за» и «против» на семейном совете было принято нелёгкое решение – от перспективного предложения отказаться, поскольку маленький ребёнок требовал много времени, постоянного внимания и заботы, а обучение в аспирантуре – частых и долгих поездок за пределы Перми.

В результате с 1952 г. по 1958 г. Лидия Ивановна работала преподавателем психологии и логики в пермской школе № 35, потом – в районе (параллельно с преподаванием в той же школе), чуть позже – лаборантом, а потом ассистентом на кафедре педагогики и психологии педагогического института.

В деканат филологического факультета университета Лидия Ивановна пришла 3 января 1964 года и... осталась там на тридцать семь лет.

Факультет наш в начале шестидесятых годов возглавлял Михаил Фёдорович Власов, который, принимая новую сотрудницу на должность методиста дневного отделения, в очень общих чертах объяснил ей её должностные обязанности, сформулировав их приблизительно так: «Для начала навести порядок в документах». Из «оборудования» новой сотруднице предоставили два шкафа, сейф и печатную машинку, по которой она сначала стучала одним пальцем, а вскоре уже виртуозно стала печатать бесконечное количество самых разных документов. Так и стала наша Лидия Ивановна хозяйкой и душой деканата, и долгие годы её стараниями создавался и поддерживался этот безупречный порядок. Кто не помнит длинные и широкие листы с каллиграфическим почерком, с выведенными в них расписанием занятий, фамилиями преподавателей, временем начала и окончания лекций и номерами аудиторий – изобретение Лидии Ивановны, в тот докомпьютерный век создавшей эту на первый взгляд нехитрую, а на самом деле очень сложную «программу»! Не отвлекаясь от своей основной «деканатской» работы, она и второе высшее, филологическое, образование получила. Работала и на вступительных экзаменах, и на подготовительном отделении филфака преподавала.

В деканат к Лидии Ивановне постоянно шли то за советом, то за помощью и неискушённые во взрослой жизни первокурсники, и «умудрённые жизнью» студенты старших курсов, да и коллеги по ра-

боте нередко забегали в деканат «на огонёк». Лидия Ивановна не отказывала в помощи никому! И не только советом: наверное, не многие знают, что в её доме (небольшой двухкомнатной хрущёвке в Балатово) постоянно (разумеется, временно!) кто-то жил: оставшиеся без места в общежитии или не имеющие возможности снять квартиру студентки, приехавшие издалёка чьи-то родители, которым в Перми негде было остановиться, дети бывших студентов, окончившие школу и сдававшие вступительные экзамены в вуз. Да и перехватить немного денег в долг, когда уже идти было некуда, студенты иногда тоже себе позволяли. Вспоминая об этом, Лидия Ивановна рассказала, что один из студентов вернул ей пять рублей, отправив их по почте в конверте спустя несколько лет после окончания университета, когда она и думать забыла об этом «долге».

Лидия Ивановна не раз навещала молодых мам в роддоме, иногда особо «забывчивых» заставляла писать письма родителям, а уж в Дзержинском райотделе милиции, находившемся через дорогу от пятого корпуса и рядом с разудалым «восьмым» общежитием, она вообще была «своим» человеком, не раз выручавшим горячие филологические мужские головы, периодически оказывавшиеся там «за нарушение общественного порядка».

* * *

Лидия Ивановна всегда безоговорочно доверяла студентам, то и дело проявлявшим творческий подход к любому делу!

Как-то наша дружная группа, учась ещё на первом курсе, решила небуднично отметить День смеха – 1 апреля. Разыгрывать друг друга наскучило, и мы решили порадовать любимого куратора, в то время бывшего ещё и деканом факультета (речь идёт о Тамаре Ивановне Ерофеевой). Мы сотворили очень милую, яркую и смешную стенгазету, водрузив её в коридоре недалеко от кафедры русского языка и общего языкознания (тогда языковая кафедра была одна). Сфотографировавшись на фоне собственного творения (фотография та жива и по сей день), мы отправились к Лидии Ивановне за ключами от деканата (!), ни минуты не сомневаясь в том, что мы их получим. Сказали только: «Ну, пожалуйста! Поздравим, пошутим, ничего плохого не сделаем!»

Ключи нам выдали, и мы, не ленись, в прямом смысле слова полезли на стены. И на потолок. Прикрепили к ним дорожку немелких человеческих следов, вырезанных из бумаги. Всю глубину замысла за давностью лет точно не помню – может, предполагалось вызвать подо-

зрение, что в деканате побывал Снежный человек?.. Следы шли от «резиденции» Лидии Ивановны напрямик в кабинет Тамары Ивановны. Кто помнит высоту потолков на втором этаже пятого корпуса, оценит дерзость нашей мысли и смелость её воплощения! По-моему, что-то ещё и стихотворное там было. Тамара Ивановна, открыв своим ключом дверь деканата и обнаружив такую красоту, «взяла след», рассмеялась и безошибочно определила: «Это могли сделать только мои!» Претензий к Лидии Ивановне у декана не появилось, поскольку Тамара Ивановна знала, что «кому попало» Лидия Ивановна ключи не доверит, а безобидность наших намерений была очевидна.

* * *

За долгие годы работы Лидия Ивановна сотрудничала с разными деканами: Михаила Фёдоровича Власова на этом посту сменил Александр Андреевич Бельский, затем – Леонид Николаевич Мурзин, потом деканами филфака были Соломон Юрьевич Адливанкин, Римма Васильевна Комина, Тамара Ивановна Ерофеева, Борис Вадимович Кондаков. Абсолютно разные, неординарные, уникальные каждый в своём «амплуа» люди – руководители и учёные, с которыми довелось работать Лидии Ивановне. Разными были и времена (да и сама страна наша постоянно бурлила и менялась), но всегда надёжной и доброй хозяйкой была на факультете наша Лидия Ивановна, а слаженная и чёткая работа деканата, во многом ею организованная, шла неизменно и постоянно.

Кроме работы, бывали пусть и не частые, но запоминавшиеся надолго праздники, а знаменитые посиделки в деканате или у Лидии Ивановны дома, за чашкой чая с её фирменными блинами и капустными пирогами, ностальгически вспоминаются их участниками до сих пор.

На вопрос, какой период её деятельности Лидия Ивановна считает самым интересным, она, не задумываясь, отвечает: «*“Золотым веком” филфака были конец 60-х – начало 80-х гг.*»

* * *

Из воспоминаний Лидии Ивановны Губиной:

«Всякое было за долгие годы – и интересного, и сложного, и грустного, и смешного. Без курьёзов ведь тоже не обходилось! Помню, отправили меня как-то в обком партии, во вновь построенное

здание на Ленина, где теперь находится Законодательное Собрание края. Партийные апартаменты заметно отличались от университетских интерьеров, и я, завершив все дела, не торопясь пошла по этажам обкома: рассмотрела комнатные растения на окнах на одном этаже, задержалась у книжного киоска на другом. На время не смотрела, поскольку мой рабочий день был уже закончен. На выходе из здания мой паспорт, оставленный у дежурного, мне не вернули: милиционер с пристрастием стал расспрашивать, где я столько времени ходила – ему было до минуты известно, когда я вышла из начального кабинета!

На следующий день я обменяла написанное дома объяснение на свой «молоткастый, серпастый» в парткоме университета. При этом мне открытым текстом сказали, что я ещё легко отделалась, поскольку я не член партии: «Иначе с Вами разговаривали бы по-другому!»

Были ко мне претензии как к методисту и по поводу явки по распределению – ну не получалась она стопроцентной, как о том мечталось высокому руководству! Как я ни пыталась объяснять, что на факультете девяносто процентов девочек – они выходят замуж, детишек рожают, в ответ слышала одно: «Всё равно надо стараться!»...

* * *

До переезда факультета в нынешний пятый корпус филологи размещались в знаменитой «восьмёрке», и очень часто занятия проводились там же. В этом же общежитии, на пятом этаже, жили и иногородние студенты, поэтому путь «от дома до университета» для них составлял несколько лестничных пролётов. Однако не все и не всегда осиливали эту дорогу, нередко к началу занятий в аудитории не было и половины группы, что не могло не беспокоить нашу заботливую патронессу, которая знала: студентов надо срочно будить! А поскольку «студентами» филфака всегда в основном были студентки, Лидия Ивановна знала и где их надо будить: на третьем этаже все той же «восьмёрки» обитали физики, с которыми филологини активно дружили. И Лидия Ивановна безошибочно отправлялась к нужным дверям, стучала в них и тактично, но очень настойчиво предлагала Тане (Мане, Ане) проследовать на занятия. И ведь сразу вставали, и бежали на лекцию, и «спасибо!» говорили.

Теперь все это вспоминается с юмором, а тогда все было всерьёз: методист по мере сил обеспечивал явку студентов на занятия (в те

времена с этим было строго!), оберегая их от ненужных проблем (тогда за большое количество пропусков и стипендии могли лишиться).

Кстати, наличием формально не полагающейся, но тем не менее в итоге получаемой стипендии усилиям Лидии Ивановны обязаны многие.

Иногда случайно полученная способным, старательным и крайне стеснённым в средствах студентом «тройка» становилась причиной лишения стипендии, на которую (и только!) в те времена жили многие иногородние ребята. Лидия Ивановна сразу включалась в ситуацию: договаривалась с преподавателями (обычно за счёт их личного времени) о пересдаче экзамена в кратчайшие сроки (не раз выслушивая праведно-гневные преподавательские монологи о нерадивости студентов), поторапливала «неудачника» с повторной сдачей экзамена, чтобы тот успел исправить тройку до заседания стипендиальной комиссии. При этом она всегда знала, кому именно без этой небольшой суммы (сорок рублей!) просто не придётся учиться дальше...

Будучи в эпицентре студенческой жизни, Лидия Ивановна знала, с кем имеет дело: среди филологов во все времена много было людей необычных, творческих, не всегда укладывающихся в обыденные рамки «надо» и «должно». Однако, учитывая и уважая талантливость и неординарность таких студентов, она тем не менее никогда не позволяла им пользоваться своей исключительностью, пуская все «на самотёк»: нерадивости и лени не терпела ни в ком!

* * *

Времена героиня наших воспоминаний застала самые разные: не всегда определённые ценности с точки зрения многих, стоящих у «руля», соответствовали общечеловеческим. Лидия Ивановна никогда не была «удобным» человеком. Не пыталась ни под кого подстроиться, тем более – угодить в ущерб собственным принципам, не молчала, если видела, что с кем-то поступают несправедливо. Субординацию всегда соблюдала, но одинаково ровно и с достоинством общалась как со студентами, так и с чинами, высшими по рангу. Никому не пыталась угодить, живя в согласии с собственной совестью. Она не боролась с системой, и голос её не был громким, однако это был её голос, который всегда был слышен и узнаваем.

Характерен в этом отношении эпизод, произошедший в 1970-е годы с тремя студентками факультета, для которых первое путешествие за границу – в единственную, пожалуй, доступную тогда Болгарию – закончилось весьма плачевно. Не углубляясь в детали, скажем

лишь о том, что две подружки (может, и легкомысленно, однако легкомыслие это происходило от их исключительной наивности и молодости), согласились сесть в машину к местному жителю, пообещавшему показать им окрестности. Подробности поездки теперь не столь важны, однако в результате «о потере бдительности советскими студентами и их знакомстве с иностранцем» стало известно руководителю туристической группы, который, действуя по отработанной схеме, сообщил о «вопиющем факте» в университет. И бюрократическая машина завертелась: уже в первых числах сентября на факультете было организовано комсомольское собрание, где всех троих стыдили, клеймили и обличали (впрочем, не все – сочувствующие тоже были). Троих – потому что третья туристка с болгариним незнакомилась и на экскурсию с ними не ездила, зато она была старостой! В результате ей и комсоргу группы (которая вообще ни сном ни духом не ведала, что её сорсницы летом куда-то уехали) досталось по выговору (а не надо было терять бдительность!), а незадачливых путешественниц одним росчерком пера исключили из университета.

Очевидная глупость происходящего понималась многими, однако именно Лидия Ивановна пришла на помощь гонимым первой. Она не только не осуждала и ни в чем их не упрекала – напротив, пока шумиха вокруг этих девчонок не утихла, открыто сочувствовала им и все повторяла: «Девочки, ну как же вас так угораздило?..».

А отчисленные «диссидентки» впоследствии закончили одна – Московский государственный университет, другая – Вильнюсский, обе защитили кандидатские диссертации и сейчас успешно занимаются наукой и преподают в этих вузах.

* * *

Когда мы поинтересовались, кого из коллег или бывших студентов Лидия Ивановна выделяла особо, она сказала: «Да разве на этот вопрос так сразу ответишь? Кого-то вспомнишь не сразу, кого-то вдруг нечаянно обидишь... Мне очень повезло с окружающими меня людьми. Каждый был личностью, каждый был интересен и дорог своему».

Тем не менее отметила, что, пожалуй, самым важным и значимым в её жизни человеком была Римма Васильевна Комина, появление в университете которой, по мнению Лидии Ивановны, кардинально изменило весь ход факультетской жизни тех далёких лет.

Легко и интересно, говорит Лидия Ивановна, ей было работать с Соломоном Юрьевичем Адливанкиным, Тамарой Ивановной Ерофее-

вой. Яркой личностью на посту администратора называет Елену Николаевну Полякову, немало лет проработавшую заместителем декана факультета. Прекрасным преподавателем и замечательным человеком считает Аделаиду Фёдоровну Любимову.

Запомнилась ей и «пишущая братия» ребят-филологов: В. Богомолов, В. Дрожачих, А. Королев, Ю. Беликов, Ю. Асланьян (со многими из них она общается и сейчас). Впрочем, Лидия Ивановна никогда не делила студентов по степени их талантливости, одарённости, дисциплинированности и т.д., в каждом умела видеть что-то индивидуальное, интересное, доброе.

Светлана Борисовна Караваева, преподаватель кафедры русской литературы в конце 70-х – начале 80-х годов, отмечает, что Лидия Ивановна особо опекала студентов, пришедших на факультет с рабфака. За их плечами уже была у кого-то – служба в армии, у кого-то – работа на заводе, нередко «стартовой площадкой» рабфаковцев была сельская местность. Таким студентам было труднее адаптироваться в студенческом сообществе: как правило, они были много старше остальных абитуриентов, только что закончивших школы, временной разрыв между их выпускными и вступительными экзаменами всегда был ощутимым, многим в чем-то вообще приходилось начинать с нуля.

Лидия Ивановна никогда не оставляла рабфаковцев без своего внимания, и в результате (могу судить по своей группе) они безо всяких комплексов быстро навёрстывали упущенное, а для нас становились особо уважаемыми людьми (уже, как мы считали, с жизненным опытом – разница в несколько лет в том возрасте казалась довольно ощутимой...).

* * *

Крепким тылом Лидии Ивановны была её семья, где она всегда находила поддержку и понимание. Впрочем, и она для семьи всегда была надёжной опорой. Большую часть своего свободного времени она проводила тоже на работе, однако всегда уютным и чистым был её дом, хлебосольным стол (и до сих пор гостеприимная хозяйка к приходу гостей с удовольствием сооружает свои нехитрые кулинарные шедевры), заботой и вниманием окружены муж и дочка, а потом и её семья.

Самой большой любовью Лидии Ивановны была и остаётся единственная внучка Ариша, теперь уже Арина Викторовна Киселева, преподаватель английского языка лицея № 2 Пермского государственного технического университета. В пору своего детства Аришка многие

часы провела, играя за письменным столом (а иногда и под ним) в нашем деканате. Маленькая Арина тогда называла Лидию Ивановну «бабонькой», а нам было смешно: такая молодая – и бабонька!

Уместно отметить, что с Лидии Ивановны началась филологическая династия в этой семье, ведь её дочь Татьяна Геннадьевна Чубарова в 1974 году закончила наш факультет, затем – аспирантуру в МГУ, после окончания которой успешно защитила кандидатскую диссертацию и долгие годы преподавала зарубежную литературу в нашем университете, а также в институте культуры и педагогическом институте.

Потом филологом стала и внучка – в 2000 году Арина получила диплом об окончании филологического факультета Пермского университета.

* * *

На вопрос, **что** сейчас, будь такая возможность, она делала (или сделала) бы по-другому, Лидия Ивановна ответила: «Жалею, что в аспирантуру не поступила, не стала наукой заниматься. Но... не зря ведь говорят: не знаешь, где найдёшь, где потеряешь. Значит, так тому суждено было быть...».

О том, что вся её работа на протяжении многих лет оказалась связанной с жизнью факультета, ставшего для неё родным, Лидия Ивановна никогда не жалела. Уйдя на заслуженный отдых, тяжело привыкала жить без любимой работы, без общения с людьми, которое давало ей физические и душевные силы.

...Лидия Ивановна с гордостью показывает почтовые конверты с обратными адресами: Москва, Ленинград, Киев, Николаев, Свердловск, уже давно по почерку зная их отправителей. По сто-сто пятьдесят писем и открыток к праздникам получала она от выпускников в те времена, когда мы ещё не были избалованы возможностями электронной почты. Теперь этот поток заметно иссяк, но по-прежнему в её уютной квартире иногда раздаются телефонные звонки, и знакомые далёкие голоса её выпускников снова напоминают о себе...

Не может забыть Лидия Ивановна двух своих студентов, воспоминания о которых и сегодня не даются ей без слез.

«Учился у нас на факультете мальчик из детского дома, жил в общежитии, никого даже из дальних родственников у него не было. Все пять лет проходил в единственной гимнастёрке, но всегда выглядел аккуратным, подтянутым. Приходил на обед в столовую, покупал стакан чая, брал пару кусков хлеба (на ужин) – прожить на сорок

рублей студенческой стипендии ему было очень непросто, но ни разу он не принял никакой материальной помощи, которую под какими-то предложениями ему пытались оказывать и я, и кое-кто из преподавателей, и сокурсники – всегда вежливо, но твёрдо отказывался. Учился старательно, получил хороший диплом и после окончания университета вернулся работать в свой детский дом.

И ещё была девочка, тоже из детского дома. Также крайне бедно и тяжело жившая, однако с чистой и светлой душой. Как-то она нашла яркий, модный по тем временам зонтик, который кто-то оставил между этажами на окне. У неё никогда не было никаких собственных красивых вещей, иметь которые, совершенно точно, хотелось любой девочке. Однако она не поддавалась соблазну – принесла его мне в деканат, подробно объяснила, где нашла, чтобы растеряша могла вернуть свою потерю».

* * *

Одно их главных достоинств Лидии Ивановны, на наш взгляд, – это её отношение к людям: желание (и умение) выслушать, понять, помочь. Наверное, ей, как любому нормальному человеку, не чуждо намерение осудить чьи-то поступки, однако никогда она не опускается до открытых назиданий и уж тем более разговоров за спиной.

Она всегда была открыта для людей, безоговорочно верила каждому. Когда мы попросили её сравнить себя теперешнюю с той, какой она была сорок лет назад, Лидия Ивановна, подумав, не очень уверенно ответила: «Наверное, я стала осторожнее, взвешеннее в общении и уже не доверяю всем безоговорочно...» Увы, видимо, для этого есть свои причины и объяснения...

Мы задали Лидии Ивановне ещё один вопрос: «Если бы сегодня у Вас появилась возможность собрать *всех* выпускников филфака, что бы Вы им могли сказать сейчас?»

Ответ был такой: «*Чтобы они были цельными людьми, не разменивали себя на мелочи, а ставили какие-то определённые цели и шли к ним, прилагая для этого все усилия*».

Кто близко знает Лидию Ивановну, не может не согласиться: в душе она осталась романтиком!

Наверное, из воспоминаний о студенческой жизни и впечатлениях от общения с Лидией Ивановной могла бы получиться целая книга

(и не одна), если бы была возможность опубликовать «мемуары» всех желающих ими поделиться. Поэтому завершим наш рассказ об этом удивительном человеке небольшими «штрихами к портрету», созданными лишь некоторыми её коллегами и выпускниками.

* * *

Тамара Ивановна Ерофеева, декан филологического факультета с 1982 по 1997 гг., доктор филологических наук, профессор:

Вместе с Лидией Ивановной мы проработали в деканате девятнадцать лет. Много воды утекло с тех пор, однако время это всегда вспоминается как очень интересное, насыщенное самыми разными событиями и впечатлениями. Работать с ней было легко и приятно, хотя по складу характера, темпераменту мы, пожалуй, совершенно разные. Однако сотрудничество наше было плодотворным и комфортным для обеих.

Рассказывать об этом человеке можно бесконечно. Время не изменило её человеческую сущность, её по-прежнему уважают и любят и коллеги, с которыми она трудилась вместе многие годы, и выпускники – давно уже взрослые люди, при встрече с ней до сих пор ощущающие себя «девочками» и «мальчиками»...

Запомнилось, что каждый год 14 мая, в день рождения Лидии Ивановны, деканат расцветал, радуя глаз красотой нарциссов, тюльпанов и сирени (других цветов в мае в Перми ещё не было, а о существовании «импортно»-цветочного бизнеса тогда не знали). Цветы дарили студенты, при этом самой виновницы торжества на месте могло и не быть – она и в свой праздник не оставляла неотложных дел, курсируя между кафедрами и корпусами университета. Тогда букеты просто ставили в вазы (или банки) на стол и просили передать, что заходили такие-то... Цветов всегда было много.

...Когда-то давно мы с Лидией Ивановной разговорились о том, чем запомнились каждой школьные годы. Она начала рассказывать, что в школе у неё было два любимых учителя, которые во многом определили и выбор профессии, и её взгляды на жизнь. Учителями этими были математик (фамилии не помню) и литератор Зоя Ивановна Бочкарева. Пока Лидия Ивановна рассказывала, каким необыкновенным человеком была Зоя Ивановна, я приходила в себя, поскольку рассказывала она о моей маме! Оказалось, что и Лидия Кобелева (впоследствии Губина) была маминной любимой ученицей. В продолжение совпадений было обнаружено, что Геннадий Николаевич, муж Лидии

Ивановны, несколько лет проработал на заводе вместе с моим отцом. Такие вот «судьбы сплетения»...

Ирина Рычкова (Медведева), выпускница филфака 1982 г., корреспондент газеты профсоюзов Прикамья «Профсоюзный курьер»:

– Ну как у тебя дела, Иринка? – чья-то рука мягко опустилась на моё плечо... Лидия Ивановна знала, что недавно у меня погибли братья. И каждый раз, при встрече, она то улыбнётся по-особенному тепло, то потреплет по плечу и спросит, как дела, а то и подмигнёт. От этого я ещё больше любила университет, он становился роднее. Лидия Ивановна все про всех знала: кто женился, у кого родился ребёнок, у кого проблемы в семье. Старалась неназойливо посоветовать, приласкать, поздравить... Любой «поход» к ней в деканат воспринимался как встреча с близкой родственницей. Нам тогда казалось, что на филфаке так и должно быть. Взрослея, понимаешь: это от человека зависит. Будь на месте Лидии Ивановны другой методист, трудно предугадать, какой атмосферой были бы окружены студенты...

Недавно, случайно оказавшись в одно время в одной из социальных сетей с нашим однокурсником ***Азизагой Агаевым (сейчас он директор Аудиторско-консультационной компании «Бизнес-информ», кандидат экономических наук, член экономического Совета при губернаторе Кировской области, член Президиума Совета хозяйственных руководителей Кировской области и Правления Вятской торгово-промышленной палаты), я (А.З.)*** попросила его написать несколько строк о Лидии Ивановне. Буквально через пару минут он отправил мне ответ, сопровождающийся самыми разными эмоциями-смайликами:

«Да она просто нас за руки водила, когда мы приехали. Если бы не она, не знаю даже, смогли ли бы мы все адаптироваться и учиться. Что-то конкретное и яркое – сразу вспомнить не просто... Это были простые человеческие отношения, каждый день, в каждый сложный момент, который сейчас, может, уже потерял своё значение, а тогда был очень важен. Вот и осталось в памяти просто розовое и тёп-

лое облачко. Думаю, для деканата приезд азербайджанцев, когда уже все были зачислены, был по меньшей мере стрессом...».

Про «стресс для деканата» Азиз вспомнил не случайно и не для красного словца. Ситуация в конце августа 1979 года случилась форс-мажорная и поэтому почти безвыходная. Когда по итогам вступительных экзаменов уже было проведено зачисление абитуриентов на 1 курс и оформлены все необходимые документы, из ректората поступила директива: в срочном порядке зачислить на первый курс филфака пятерых студентов, сдавших вступительные экзамены как национальные кадры в Азербайджане. Студенты с вещами (четверо юношей и одна девушка) прилагались. Дополнительных мест для зачисления, разумеется, ниоткуда взяться не могло. **Что** пришлось тогда пережить Римме Васильевне, Тамаре Ивановне и Лидии Ивановне (соответственно декану, её заместителю и методисту) – история умалчивает, однако в результате было принято хоть и очень не простое, но единственно приемлемое в той ситуации решение: азербайджанцы наши стали студентами, а пятеро абитуриентов, уже зачисленных, но не успевших пока стать студентами, переведены в кандидаты.

Остаётся только догадываться, какие чудеса дипломатии были проявлены тогда нашими администраторами, видимо, нашедшими какие-то слова для объяснения необъяснимого: ни одного недоброго слова, ни одного косога взгляда от «пострадавших» (кандидатов), не услышали и не увидели тогда наши Азиз, Фахри, Имран, Гюльоглан и Зохра. Все они сразу стали нашими любимцами, буквально украсившими собой нашу студенческую жизнь, а все кандидаты, оказавшиеся умными, способными и талантливыми девчонками, без особых усилий успешно сдали первую сессию и были заново зачислены «в студенты».

Нетрудно догадаться, кто был основным переговорщиком и миротворцем в этой неожиданной истории...

* * *

Галина Степаненко (Константинова), выпускница филфака 1985 г., начальник организационного отдела НП «Строители Пермского края»:

Я обучалась на филологическом факультете с 1980 по 1985 годы. Большую часть свободного от учёбы времени я занималась общественной работой – была секретарём комсомольской организации филологического факультета. Мне доверили ключ от деканата и раз-

решили проводить там заседания комитета ВЛКСМ факультета после окончания занятий. И, естественно, до занятий, после занятий, да и частенько во время занятий я находилась в деканате. В годы моей учёбы в деканате работало четыре человека: Тамара Ивановна Ерофеева, декан факультета; Лариса Михайловна Алексеева, заместитель декана, Валентина Васильевна Шибанова, секретарь партийной организации филфака и Лидия Ивановна Губина, методист. Это была отличная команда: слаженная, работоспособная, дружная. Я благодарна судьбе, что она свела меня с такими замечательными людьми.

Лидия Ивановна проработала в деканате 37 лет. Я и сейчас не представляю деканат без неё!

Она, как настоящий профессионал и хозяйка деканата, вела всю документацию, оформляла приказы, составляла расписание занятий, решала все вопросы со студентами и многое другое. Когда студент приходил на приём к декану, то сначала он общался с Лидией Ивановной. Часто на этой стадии всё и решалось, и не стоило беспокоить декана.

А как она работала с документами: всё всегда в полном, нет, в идеальном порядке: личные дела строго по алфавиту, всё аккуратно сложено, ничего лишнего. На столе завала бумаг никогда не было. Если вдруг Лидия Ивановна что-то не успевала сделать в рабочее время, то она оставалась вечером, потому что представить не могла, чтобы оставить что-то недоделанным. Ответственность во всём! Нравственное отношение к работе: не просто пришла, отработала 8 часов и ушла домой, нет. Если работать, то с душой!

Я помню, как во время сессии Лидия Ивановна заполняла огромные ведомости с итогами сдачи всех экзаменов, поэтому владела информацией абсолютно о каждом предмете и о каждом студенте: кто, когда и на какую оценку сдал предмет. Это было её изобретение, это была трудоёмкая и кропотливая работа. Затем все аккуратно складывалось в шкаф на свою полочку, и так каждую сессию. Зато за все годы её работы по этим ведомостям можно было легко получить любую информацию о каждом студенте.

Лидия Ивановна о факультете знала всё: всех преподавателей и всех студентов (625 человек)! её можно было в любое время спросить о любом студенте, а в ответ получить исчерпывающую информацию и об учёбе студента, и о его жизни на факультете, дома или в общежитии, и о его родителях. Как ей это удавалось? Откуда она это знала? Для меня до сих пор это осталось загадкой.

Знаю, что мои однокурсники лишний раз боялись заходить в деканат, обратиться с просьбой к Лидии Ивановне. Например, надо получить разрешение для пересдачи экзамена, которое выписывала Лидия Ивановна. Поэтому просили меня это сделать. Я всегда удивлялась: как её можно бояться? Говорили, что строгая. Да, строгая, но и справедливая. Достаточно было Лидии Ивановне взглянуть на студента, который зашёл в деканат, и он начинал говорить спокойно, на полтона тише. В её понимании – в деканате должен быть порядок, поэтому шуметь и мешать работать другим сотрудникам нельзя.

Кто же узнавал Лидию Ивановну поближе – понимал, что она очень добрый и отзывчивый человек! Поэтому многие студенты подходили к ней за советом. Не знаю, как сейчас, но когда мы учились, пропуски не приветствовались. И если студенту надо было срочно уехать домой повидать больную маму или решить семейную проблему, то, естественно, он шёл к Лидии Ивановне. Она выслушает и даст правильный совет. К ней студенты шли не только за советом, иногда и одолжить денег на жизнь. Одалживала! Сама рассказывала: «В кошельке 3 рубля. 2 рубля отдала, а рубль оставила себе до аванса!» Вот в этом маленьком поступке вся она: надо помочь! Для многих студентов она была второй мамой: строгой и справедливой, доброй и отзывчивой.

Приходили за советом, за помощью и родители студентов. Слушай бывали разные. Не помню, чтобы Лидия Ивановна хоть кому-то отказала в помощи или равнодушно отнеслась. Всегда выслушает, подскажет, поможет. За 5 лет моей учёбы не могу назвать точную цифру, но на моей памяти было немало случаев, когда родителям студентов негде было остановиться переночевать, и Лидия Ивановна вела их к себе домой. А дома были муж и дочь.

Мне лично Лидия Ивановна тоже помогла добрым советом. На пятом курсе у меня произошёл конфликт с преподавателем научного коммунизма, и я решила перейти с дневного отделения на заочное, чтобы этот предмет сдать другому преподавателю. Лидия Ивановна нашла правильные слова и так всё объяснила (при этом спокойно, без эмоций), что желание уходить с дневного отделения у меня пропало. За это я ей благодарна до сих пор.

Мы знакомы больше тридцати лет. Совместная деятельность давно переросла в дружеские отношения и не прервалась после окончания университета. Лидия Ивановна по-прежнему молода душой, отзывчива, внимательна, добра. Такое впечатление, что у неё хватает душевного тепла абсолютно на всех окружающих.

Дорогая, любимая Лидия Ивановна, желаю Вам крепкого здоровья и долгих лет жизни!

Светлана Караваева, выпускница филфака 1976 г., главный специалист Государственной инспекции по надзору и контролю в сфере образования Пермского края:

Могу добавить ещё одну важную деталь к рассказу о Лидии Ивановне, о её неравнодушном отношении к студентам.

...Самый первый семестр на первом курсе являл собой абсолютное счастье пребывания на филфаке, который воспринимался тогда как собственный Олимп, и общения с людьми, родными по духу, новыми друзьями-единомышленниками. Не особенно утруждаясь изучением лингвистических дисциплин, я с головой окунулась в занятия любимым литературоведением – день и ночь читала, изучала, конспектировала, обдумывала и анализировала прочитанное, душа моя ликовала, занимаясь любимым делом. Первая сессия, как всегда, подкралась незаметно. К началу зачётной недели обнаружилось, что зачёты по латыни и английскому, без которых допуска к сессии не получить, ставить мне никто не собирался, поскольку моё «однoboкое» увлечение литературой, увы, не добавило познаний ни в латинском, ни в английском языках. Понимая, что время на подготовку к этим зачётам безнадежно упущено, после долгих попыток найти какой-то выход из сложившейся ситуации я его и нашла: написала заявление на имя декана с просьбой выдать мне документы... (дальнейшее развитие событий, впрочем, представлялось мне довольно туманным). Вот так плачевно могла закончиться, не начавшись, моя филологическая карьера, попади это заявление просто в папку с многочисленными документами, которые декан каждый день подписывал иногда десятками. К счастью, с заявлением этим я попала к Лидии Ивановне, которая, поинтересовавшись причиной моей попытки совершить столь крутой образовательный вираж, даже в руки его не взяла. Она без особых нравoучений просто убедила меня в том, что уходить из университета по такой (как я думала, совершенно разумной) причине не стоит – надо только в срочном порядке заняться серьёзной подготовкой к названным предметам, а она меня без помощи не оставит. Скорее всего, Лидия Ивановна тогда просто подошла к преподавателям и попросила не очень пугать чрезмерным спросом такую сознательную студентку, хотя готовилась я к тем зачётам действительно на со-

весть. В результате и преподаватели не показались мне слишком строгими, и за свои знания, хоть и полученные в авральном режиме, мне стыдно не было. И Лидию Ивановну я тогда, надеюсь, не подвела...

Думаю, этот эпизод очень характерен для наших воспоминаний о Лидии Ивановне: все проблемы и неудачи студентов она всегда принимала близко к сердцу, не просто ободряя нас своим пониманием, но и в случае необходимости предлагая свою конкретную, действенную помощь. Спасибо ей за это!

Виталий Богомолов, выпускник филфака 1978 г., писатель, Член Союза писателей России, лауреат премий имени В. Шукшина и имени А. Мерзлякова, лауреат премии Пермской области:

Светлая душа

Начну с того, о чем уже проговоривался где-то, что пять лет учёбы в университете – это самые лучшие, самые насыщенные, самые светлые, самые счастливые годы моей жизни из её 63 лет! Я поздно поступил на наш факультет, в двадцать пять лет, когда за плечами было уже без малого три года армии, да три года работы на заводе и столько же – учёбы в вечерней школе. Но вот что удивительно: я не чувствовал восьмилетней разницы в возрасте с теми, с кем вместе учился. Мы все жили одним студенческим порывом, одними интересами.

Нам повезло, что в те годы (а наш набор обучался с 1973 года по 1978) и на филологическом факультете, и на кафедрах межфакультетских работала такая замечательнейшая плеяда преподавательских личностей. Они уже все названы и не раз и нет необходимости повторять их имена снова. Хотя готов это сделать! Разве что вот нельзя не упомянуть Корчагина Александра Афанасьевича, обойдённого вниманием, ибо как раз был с межфакультетской кафедры философии. Но в наших душах этот замечательный, не превзойдённый в эрудиции и красноречии преподаватель оставил очень заметный след и светлую память.

Некоторые наши преподаватели читали нам полугодовой курс, некоторые годовой, потом с ними были только эпизодические встречи, но как личности яркие и незаурядные, они запоминались если не навсегда, то на долгие-долгие годы.

Но мне хочется вспомнить здесь человека, с которым каждый из нас, студентов, постоянно встречался на протяжении всех пяти лет,

человека, который все пять лет нас заботливо и терпеливо опекал, иногда в буквальном смысле – решая наши судьбы. Это Лидия Ивановна Губина. Наша факультетская мама.

Студенты народ очень и очень непростой – такой бурлящий котёл амбиций, самолюбий, самоуверенности, вызова или, наоборот – неуверенности, робости, недооценки себя. Кого-то требовалось поставить на место, кого-то поддержать, кому-то посочувствовать, кого-то простить. А это значит – каждого понять... И какой закваски душу надобно иметь, чтоб все это вместить, всё перенести и вынести?! Лидия Ивановна сумела, о чем свидетельствуют и многие годы её самоотверженного труда в деканате, и благодарная к ней любовь, которая до сего дня горит, знаю, в сердцах очень и очень многих выпускников нашего факультета самых разных лет. Можно сказать, что Бог поставил её на нужное место и в нужное время. А это уже – предназначение, призвание, и Лидия Ивановна это призвание исполнила и стезю свою прошла с великой честью. А какие горы необходимых документов пропущены за эти годы через её руки, сердце и душу?!

Мне лично все пять лет обучения довелось быть старостой группы. И уже по этой причине встречаться с Лидией Ивановной приходилось чаще других студентов нашей группы. Тут и учёт посещаемости, и ведение журнала, и организация всевозможных мероприятий, и ответственность за выезд на сельхозработы, на которые нас отправляли каждую осень. И не могу припомнить ни одного случая, чтобы Лидия Ивановна позволила себе грубый разговор, стала распекаль за какой-нибудь промах, за срыв чего-нибудь. Но не было и никакого сюсюканья. Всегда вежливая, корректная, доброжелательная (строгость – да, была). И справедливо требовательна. И это было у неё внутреннее органическое качество, а не внешняя волевая установка, иначе бы студенты её не любили. А что её любили – я видел и знал, о ней всегда ребята, девчонки отзывались с уважением. В чём, в чём, а в вопросе искренности их в заблуждение не введёшь и не обманеши.

У меня в конце 1976 года, на четвёртом курсе, жизненные обстоятельства сложились так, что негде стало жить. Мест в общежитии не было – учебный год в разгаре. Снимать комнату или квартиру на сорокарублёвую стипендию я, разумеется, никак не мог. Пошёл к Лидии Ивановне, рассказал всё как есть... То, что произошло, она не одобрила – семья распалась. Но в беде не оставила. И вскоре в 108 комнате знаменитой «восьмёрки» появилась пятая кровать, где я обосновался на весь четвёртый курс в компании замечательных ребят: Вити Микрюкова, Расима Назипова, Саши Урманова и Валерия

Колесникова. Нам не было тесно. Общась друг с другом, мы обогащались знаниями, жизненным опытом, качествами характера, развивались духовно... Насколько мне известно, по слухам, у всех у них судьба сложилась успешно.

Можно сказать, что за пять лет учёбы я подружился с Лидией Ивановной, и мы до сих пор поддерживаем добрые дружеские отношения. Правда, был период, когда при переходе телефонных станций на новую нумерацию мы на какое-то время потеряли друг друга. Но ведь нашли.

За эти годы нас так много прошло по земле, бессчётно оставлено следов, но в сонме прошедших через наш родной факультет – след Лидии Ивановны очень заметен, ибо светится намного ярче других!

Хочется благодарно пожелать Лидии Ивановне хорошего здоровья, многих лет, неувядаемой активности, всегда светлого состояния души! А любовь бывших студентов к ней, верю, пребудет неиссякаемой!

* * *

Лидия Ивановна и сегодня, больше чем через десять лет после ухода из университета, всегда в курсе происходящих на факультете событий – искренне радуется успехам своих бывших студентов, ставших маститыми преподавателями и учёными или школьными учителями, интересуется факультетской жизнью филологов, по возможности старается бывать на встречах и вечерах «по поводу», где всегда рады ей и где она имеет возможность встретиться с дорогими её сердцу людьми. Совсем недавно, когда филологи разных поколений собирались в университете на праздновании его 95-летия, была на этой встрече и Лидия Ивановна. Едва появившись в фойе, она сразу оказалась в центре внимания, её окружили люди самых разных возрастов – всех она узнавала моментально, рада была каждому.

Лидия Ивановна по-прежнему много читает, не упуская возможности провести вечер с какой-нибудь книжной новинкой, с удовольствием общается с родными и близкими по духу людьми. Очень дружна с семьями дочери, внучки и со своей младшей сестрой Валентиной. Среди её добрых друзей – преподаватели политеха и пединститута, журналисты, кино- и телеоператоры – круг её общения и сегодня достаточно широк.

Годы, увы, все чаще напоминают о себе, но жизнь, несмотря ни на что, продолжается. Дорогая Лидия Ивановна, пусть не подводит Вас здоровье, и до встречи на праздновании столетнего юбилея альма матер!

С. Ф. Журавлёв,
член Союза журналистов России

ПРЕОДОЛЕНИЕ¹

Характер человека, если и меняется со временем, то не принципиально. Удивительно, но личности многих учёных, о которых рассказывается в этой книге, при всей их непохожести, объединяют очень простые черты: словно само время легло отпечатком на их судьбы и характеры.

Но вот – совсем особый случай....

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и стилистики, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный профессор ПГНИУ, создатель известной в стране и за рубежом пермской школы стилистики Маргарита Николаевна Кожина – человек очень трудной судьбы. При этом она действительно выдающийся исследователь. Один перечень её научных публикаций, а их более двухсот, занимает двадцать страниц текста, набранного мелким шрифтом. Ещё до окончания в 1948 году историко-филологического факультета в году она раз и навсегда связала жизнь с лингвистикой и Пермским государственным университетом.

Когда Рита Кожина была школьницей, она и предположить не могла, как сложится её судьба. Тем более, даже и не мечтала о научной карьере. Скорее всего, наука казалась ей чем-то очень далёким, отстранённым от жизни. А может быть, просто не задумывалась о том, что же это такое – наука. Но уже тогда в характере закладывались главные черты будущего создателя новой научной школы с мировым именем. И простым стечением обстоятельств это не объяснить. Ей был дарованы, а может, больше – воспитаны главные свойства, без которых настоящих «людей науки» просто не бывает.

Во-первых, – трудолюбие. Не случайно Маргарита Николаевна до сегодняшнего дня называет себя «трудоголиком». Рабочий день протяжённостью 15–16 часов – для неё норма. И так повелось со студенческих времён. Бывало, библиотекарям приходилось чуть ли не силой

¹ Статья о М. Н. Кожинной с разрешения автора печатается по книге: От мира сего. Портреты ученых на фоне времени. Пермь, 2006, с.103–125.

выгонять Риту Кожину из читального зала после закрытия. Читала много и жадно, чуть ли не все подряд – мало ли что пригодится в жизни. А сегодня её публикации в научных залах стали едва ли не самыми востребованными для лингвистов всех мастей – от студента до академика.

Во-вторых, – умение основательно размышлять над решением научных проблем (и не только их), без спешки и суеты. Даже сегодня, когда задаёшь ей простые житейские вопросы, она отвечает: «Не могу ответить сразу, надо подумать». Это качество отличает настоящего профессионала от дилетанта-скорохвата, у которого на все есть готовый ответ. Культура мышления для Маргариты Николаевны – один из китов научной работы. Да и в жизни в целом – тоже.

В-третьих, что несколько парадоксально, – созерцательность. Бытует мнение, что в современной большой Науке это качество для исследователя, как бы, противопоказано. Но даже из него Маргарита Николаевна умеет извлечь что-то очень важное и нужное. Для неё интуиция, базирующаяся на созерцательности, на бессознательном освоении истины, – одна из главнейших составляющих научного творчества. И не только научного. Когда-то она вполне серьёзно занималась музыкой, театром и художественным словом. А без интуиции, творческого полёта и озарения никакая форма творчества в принципе не возможна.

Но что же главное в личности? Вопрос, наверное, останется без ответа, ибо иерархия качеств характера, определённо, не важна. За долгую жизнь они становятся сплавом, где все неотделимо друг от друга. Вероятно, поэтому для многих, кто давно знает Маргариту Николаевну Кожину, она практически не изменилась. Может, только стало больше беспокоить её быстрота текущего времени: успеть бы закончить ещё одну из важных в жизни работ – новый учебник по стилистике русского языка.

– Вообще-то он будет издаваться как переработка предыдущего издания, – уточняет Маргарита Николаевна, – Но по сути – почти полностью новый. Поэтому у меня сегодня каждая минутка на счёту, отвлекаться на разговоры не могу. Кто знает, сколько времени Господь отвёл...

В университете знают, что тяжёлый недуг (миопатия) практически приковал её к домашним стенам. Меньше осведомлены о подробностях, о причинах болезни, потому что Маргарита Николаевна не хочет комментировать ситуацию. Как человек по-настоящему стойкий, она не любит жаловаться, сетовать на обстоятельства, находя в их преодолении ещё одну свою «движущую силу».

А ноги стали постепенно отказывать после одной из диалектологических экспедиций, где она была руководителем: на севере Пермской области по пояс в холодной камской воде пришлось тянуть к берегу лодку с тремя девчонками. И не нашлось никого, кто бы смог или захотел помочь молодой женщине. Оно и понятно, настоящий мужчина среди студентов-филологов – редкий зверь. А в диалектологических экспедициях комфорт на уровне деревенской избы с удобствами во дворе (если они вообще есть!), и никакой тебе горячей воды из крана. Иногда просто на земле приходилось ночевать, когда не удавалось найти места для постоя. И жизнь – практически впроголодь. Тяготы эти хорошо известны многим поколениям российских этнографов, фольклористов и диалектологов. Впрочем, наверное, любым полевикам.

Как знать, может быть, Маргарита Николаевна стала бы блестящим диалектологом, ведь это научное направление – одно из основных в работе пермских лингвистов. К тому все и шло, первая тема в аспирантуре была напрямую связана с диалектологией.

Но не случилось, болезнь взяла своё. Изучение живой народной речи без экспедиционной работы, без общения «глаза в глаза» – все равно что занятие ихтиологией только по скелетам рыб...

Да недаром в народе ходит успокаивающая поговорка, мол, нет худа без добра. Маргарите Николаевне поневоле пришлось сменить научного руководителя и она вдруг поняла, что язык можно изучать не только в его народном проявлении. К счастью, недуг не сломил её силу воли, хотя и оказал серьёзное влияние на повседневную жизнь.

Окружающую действительность с 1993 года Маргарита Николаевна воспринимает через окно комнаты, в которой проводит большую часть своего времени в специально изготовленном для неё кресле-коляске. «Окно – рабочий стол – комната» – вот и весь нынешний «маршрут» непоседливого когда-то поисковика. Раньше можно было и на балкон выбраться, полюбоваться берёзками или понаблюдать за спешащими по своим делам прохожими. Только делать это с каждым годом становилось все труднее и труднее. А сейчас – просто невозможно.

За годы такой жизни Маргарита Николаевна научилась преодолевать свой недуг. Давно можно было выйти на «заслуженный отдых», когда единственными связями с миром становятся телевизор да телефон. И, наверное, посещали её и такие думы. Да только вот без работы Маргарита Николаевна себя просто не мыслит: закончит одну книгу, на подходе уже другая. *«Нет, без работы – какая же это жизнь!»* – это её слова...

Она была нацелена на преодоление с самого начала развития болезни: знала, какая судьба ей уготована: врачи в ленинградской академической клинике объяснили.

Одно время возникало странное для неё настроение, что после выхода (пусть формального!) на пенсию можно от каких-то забот и нош, связанных с наукой, педагогикой, вузом, просто отказаться.

Не смогла. Знала, что не приспособлена к бездумному «растительному» существованию, без хлопот, без учеников и без привычного дела. Вот разве что будучи в отпуске можно немного отойти от работы. Но и это никогда почему-то толком не получалось.

– И не получится, когда работаешь сердцем, – говорит Маргарита Николаевна. – Достаточно остановиться и жизнь, кажется, закончится в тот же момент. Конечно, из-за болезни мои возможности снизились. Но у нас долголетие в роду заложено, так что время, возможно, ещё есть!

Ограниченность в движении не мешает ей воспринимать мир объёмным, в разнообразии его проявлений. И за языковыми явлениями – видеть явления жизни. Как же иначе: ведь язык для лингвиста не только средство общения, но и средство (или способ?) познания и понимания человека, его речи и мышления. А что может быть важнее, чем познание закономерностей развития природы и главной его составляющей – человека?

Без языка невозможно описание окружающего нас мира. Без языка невозможно общение между людьми, ведь даже жест – это тоже язык.

Без языка невозможно Понимание.

Именно так, с заглавной буквы. Поэтому Кожина с изрядным скепсисом воспринимает итоги пресловутой дискуссии между «физиками» и «лириками». Помнится, в начале шестидесятых «вверх» одержали первые, милостиво оставив за своими оппонентами «эстетическое воспитание».

Да только по твёрдому убеждению профессора Кожиной неправильно это! Дело не в распределении полномочий. Любые научные достижения становятся движущей силой развития человека. И разницы между «гуманитариями» и «естественниками» нет в значении для науки и жизни.

Изучению главного средства общения и познания окружающей действительности Маргарита Николаевна посвятила практически всю свою сознательную жизнь. И сегодня для неё одна из самых насущных проблем и болевых точек – издевательство над языком.

Это она ощущает постоянно. Без филологии, как считает Маргарита Николаевна, человек начинает обратную эволюцию – к обезьяне. И низкий уровень культуры некоторых слоев населения в стране она связывает с невысоким качеством речи, извращением русского языка, постоянно происходящим с экранов телевизора и на радио, воспринимаемого со страниц газет. А ещё Маргарита Николаевна в ужасе от современной поп-культуры, которую и культурой-то назвать язык не поворачивается. Музыку она принимает совсем другую.

В научном смысле бережный и трепетный подход к языку вырабатывался годами, десятилетиями. И он – единственно правильный, иначе за мелочами и частностями можно упустить самое главное. А главное в том, что язык – живой организм, который развивается по таким же законам, как и отдельный человек, человечество в целом.

– Для меня язык – это рупор человека, – до сегодняшнего дня уверена Маргарита Николаевна. – А зеркалом его является стиль. Наверное, закономерно, что я шла к такому пониманию медленно, через сомнения и размышления. Рада, что большая часть моих учеников пришли к тому же.

Не случайно одно из ключевых понятий в научной концепции Маргариты Николаевны – это «стиль». В музыке – свои стили, в литературе – свои, в каждом настоящем, требующем профессионализма деле они тоже имеются. Не хотелось бы углубляться в дебри научных определений, но той или иной сфере человеческой сознательной деятельности присущи какие-то общие черты. И не только они. Частности, становящиеся тенденцией и законом творчества (язык, точнее речь – тоже творчество) разных групп людей, объединяют их. И отличают одни типы речи (или группы текстов) от других групп. Они как раз и представляют функциональный «стиль». Каждый из нас говорит и пишет по-разному, но в то же время за частностями стоят общие закономерности, определяющие специфические черты в стиле речи. Они зависят от целей и задач общения, ситуации, в которой оно происходит. На этом базируется то, что в лингвистике получило название «функциональная стилистика».

Профессор Кожина, будучи ещё молодым учёным, одной из первых в мире занялась разработкой этой проблемы – изучением не традиционного аспекта строя языка, а его употребления, закономерностей речевой деятельности, то есть не статике языка, а его динамике, функционирования. И весьма успешно.

В ответ на просьбу – сравнить стили в разных проявлениях человеческого творчества – Маргарита Николаевна задумалась (а как же без этого, ведь это её исследовательский стиль!).

– Ну, не знаю, вы меня ставите в сложную ситуацию, – размышляла она. – *Формирование стилей, направлений в живописи, архитектуре, музыке, языке вполне могло идти параллельно. Хотя в этом я не очень уверена, вопрос требует долгих размышлений и анализа. Стиль «барокко», наверно, можно сопоставить с витиеватым языковым стилем, когда было принято выражаться сложно и красиво. В целом, это не моя задача – сравнивать стили в архитектуре, музыке и языке; она, скорее, для культурологов и искусствоведов. Хотя проблема очень интересная.*

И если бы Маргарита Николаевна выбрала какую-то другую область деятельности, успех был бы тоже обеспечен. По всей мере отпущенного ей человеческого таланта. Сама она не любит высоких слов, хотя понятие «высокий стиль» для неё как учёного-лингвиста – далеко не тайна за семью печатями. Только вот пафосность Кожиной не прищипа.

– Пусть кто-нибудь другой определяет мои заслуги. В одной из статей пермскую школу во главе с Кожиной назвали «достоянием российской науки». Приятно, конечно, но сама я такое сказать не могу. Мне работать надо, а не оценивать себя. Не могу же я вот так, запросто, провозгласить себя главой научной школы. Нет уж, простите, делать такое не могу...

И в этом высказывании – её характер, отношение к себе и к миру – требовательное, без скидок.

А коллеги её место в мире науки определили давно и основательно. Не случайно толстенный том в восемьсот страниц с материалами международного научного журнала носит название «Кожина и стилистика» (Stylistyka XIV. 2006, Opole, Польша). Коротко и ясно, в подробных комментариях не нуждается. Заслуги признаны и очень давно. Мало кто из учёных удостаивается такой чести, чтобы огромная книга была названа его именем. И не как эпитафия, а при жизни.

Есть у неё не только имя в науке, но и своя школа.

Приходилось сталкиваться с такой точкой зрения, что научное направление, созданное Кожиной, мол, себя исчерпывает, что лингвистика должна вернуться к тем концепциям, которые базируются на классических канонах позапрошлого века. В науке это случается. Бывает, представители прогрессивных когда-то школ выступают с программными заявлениями о том, что их метод себя изжил.

Но только вот к школе функциональной стилистики это не относится. Парадокс в том, что она тоже стала классической. Конечно, не в понимании стиля «классицизм», но в понимании человеческом, когда

творчество даёт пример вечных ценностей. В данном случае – научных.

Бывает в науке и по-другому. Когда уходит из активной исследовательской деятельности основатель школы, за его спиной не остаётся никого, кто мог бы развивать и углублять его идеи. Но это тоже не про школу Кожиной. У неё за спиной – ученики, которыми Маргарита Николаевна по праву гордится. Они не занимаются мелочами, эксплуатируя найденное и упрощая главные идеи. Они последовательно разрабатывают генеральную линию, заложенную основателем школы.

А воспитывались ученики не только на идеях Маргариты Николаевны. За их плечами вдумчивая и внимательная работа над первоисточниками – классическими трудами по лингвистике. Без знания идей предшественников вряд ли можно оставить что-то для грядущих поколений.

Сегодня профессор Кожина озабочена:

– Жаль, что в практике преподавания на филологическом факультете исчезло обязательное конспектирование классиков российской и мировой лингвистики – Гумбольдта, Соссюра, Потемни...

Понять её можно: сама Маргарита Николаевна в своё время едва ли не сутками работала в библиотеках. Без этого состояться как учёный она бы просто не смогла!

Ученики у Маргариты Николаевны – очень разные. Когда в разговоре она пыталась перечислить всех, то сбилась довольно быстро. Действительно, как определить, кто из них в числе лучших? Успешный доктор наук или бывший дипломник, обучающий детей в сельской школе премудростям русского языка? Или пермский писатель? Один из них, например, стремится общаться с Маргаритой Николаевной, памятуя о том, что четверть века назад она его, бесшабашного студента, здорово поддержала.

Но для Кожиной главными учениками являются все-таки учёные:

– Да уж, извините, всех не перечислю, память сегодня уже не та. Но обязательно хочу отметить (не обращайтесь внимания на последовательность, она для меня не важна) Володю Салимовского, Лену Баженову, Лилю Дускаеву, Наташу Данилевскую. И, конечно, первую мою докторантку Марию Павловну Котурову. Они – учёные. Они из числа моих любимых учеников. Я рада, что помогла им сделать жизненный выбор. Их докторские диссертации – великолепные работы!

Школе профессора Кожиной присущи новизна и оригинальность концепции, глубокая проблематика и фундаментальность. В этом научное направление схоже со своим создателем. И никто из учеников не скатывается в своих работах на примитивный уровень таких тем,

как «Роль запятой в научной речи». Они уже выбрали свой путь, продолжая идеи наставника.

Каждый учёный начинается именно с осознанного выбора. Не обязательно, что это сразу будущая профессия. Бывает, что случайно или сложившиеся обстоятельства, какие-то особые факторы подталкивают к выбору. Так, можно сказать, получилось и у Маргариты Николаевны. И решающую роль в этом сыграло увлечение... искусством.

Началось оно ещё в трёхлетнем возрасте. Тогда родители привели Риту на оперный спектакль. Давали «Евгения Онегина». В те времена провести на спектакль маленького ребёнка было проблематично. Не положено – и всё! Но папа сумел убедить неуступчивых билетёрш, и Рита впервые услышала оперу. Слушала с интересом. С не меньшим интересом слушала и комментарии мамы.

– Помню, она мне говорила: «Вот сейчас будет выстрел, готовься!» Поэтому дуэль между Ленским и Онегиным перенесла, будучи подготовленной, – шутит Маргарита Николаевна.

Так музыка запала в душу Рите Кожиной. Отец, закончивший лесохозяйственную академию, неплохо играл на рояле. Домашние музыкальные вечера не обходились и без участия мамы. У неё был сильный, хорошо поставленный голос. Было время, когда её даже звали работать в оперную труппу Пермского театра. Не согласилась, решила, что будет заниматься семьёй – дочерьми Ритой и Иррой. Музыкальное образование младшие Кожины получили: ещё в военные годы родители добились того, чтобы с дочками занимался эвакуированный в Пермь ленинградский профессор-органист Исай Александрович Браудо. А приезд в Пермь знаменитого скрипача Мирона Полякина просто перевернул душу. На концерты знаменитых музыкантов – Ойстраха, Оборина, Гилельса – сестры бегали в сорокаградусный мороз! И ничего – музыка отогревала.

Со временем пристрастия менялись. Шопена Маргарита Николаевна может слушать «миллион раз» и каждый раз восхищаться, просветляясь сердцем. Его творения до глубины души потрясают, захватывают удивительным лиризмом, восхищают совершенством звучания. А до этого, в юношеские годы, кумиром был Бетховен. После него и Шопена пришли Моцарт и «страсти по Матфею» Баха. А вот джаз она принимает, но не особенно любит.

– Музыка – душа моя, – говорит, перефразируя Глинку, Маргарита Николаевна. – Даже на международных конгрессах всегда успевала посещать концерты старинной музыки, особенно любила камерные и редко исполняемые произведения композиторов XVII – XVIII веков. А в

Варшаве однажды попала на концерт современной авангардной музыки. Показалось любопытно, слушала с интересом.

Странный, но распространённый вопрос: «А вы понимаете классическую музыку?» – для неё был бессмысленным. Как можно «понимать» музыку? её нужно слушать, переживать, воспринимать эмоционально. Хотя... восприятие окружающей действительности разумом, наверное, более характерно для Маргариты Николаевны – что в юном, что в зрелом возрасте. А музыка была частью её мира, и не только домашнего. И эмоциональная составляющая стала немаловажной. Впрочем, по этому поводу она как-то сказала:

– Вы задаёте вопросы об эмоциях? Мне сложно отвечать, я ведь человек рациональный, размышляющий. И не всегда помню, какие эмоции испытывала в разных ситуациях.

Похоже, развести рациональное и эмоциональное в её жизни просто невозможно. Но вот Пермь она воспринимала и воспринимает через призму эмоций. И... через архитектурный «рационализм»:

– Улица Большевикская, а для меня она запомнилась с самого раннего детства, была она какой-то деревенской, – вспоминает Маргарита Николаевна. – Хотя сегодня она изменилась. Да и город в целом тоже. Помню свои первые впечатления от Большевикской – клячи на мостовой, зелени нет и вовсе. Зимой по улице мы на лыжах спокойно катались. Помню и то, как город стал преобразиться, как строился Комсомольский проспект, Свердловский завод... Интересное было время. Приятно, что город растёт, благоустраивается. Но в Перми больше ценю не архитектуру, а культуру, духовное начало города. И красавицу Каму! Жаль, что памятников хороших очень мало. Зато есть оперный, горьковская библиотека, галерея, наши замечательные вузы.

Как знать, может быть, именно архитектурные и музыкальные гармонии, бессознательная попытка их проанализировать заложили основы интереса к стилистике. В музыке и архитектуре тоже есть свои стили. А у каждого музыканта-исполнителя – вне всяких сомнений. Понимание в данном случае не вредит восприятию и эмоциям. Можно алгеброй проверить и гармонию. И понимание, «почему» музыка берет за душу, людям с определённым складом аналитического мышления помогает в восприятии прекрасного. В какой-то степени это пришло к Маргарите Николаевне от отца. Недаром же говорится, что всё начинается с детства. Именно в детстве возникло желание «подумать». Театр привёл Риту Кожину в лингвистику. Точнее говоря, в Пермский университет.

До этого странным образом в её жизни соединились музыка и архитектура. Конечно, сознательное увлечение ими пришло позднее. Но ещё в детстве Маргарита Николаевна любила рассматривать городские и сельские дома, пыталась понять, как же они устроены, чем, кроме фасада, отличаются друг от друга, удобно или не удобно жить в них людям. Стремление понять это переплеталось с эстетическим восприятием, с музыкой. Не случайно ведь городскую архитектуру называют «застывшей симфонией». И одно из первых сознательных решений, принятых в жизни и направленных в будущее, было – после школы поступить в Ленинградский архитектурный на заочное отделение. Вполне закономерно. Город на Неве дал миру не только блестящих композиторов, но и великолепные образцы градостроительства. Оказалось, не судьба. Мечты об архитектурном пришлось оставить. Неумолимо в планируемое будущее вмешалась война. Она оставила свой след в судьбах десятков миллионов людей. Как и в судьбе Риты. И она опять оказалась связанной с Ленинградом.

В Пермь, где их семья жила уже давно, эвакуировались учёные, артисты и писатели из обеих столиц. И в их числе актриса Ленинградского ТЮЗа Т. Орлова. К ней на занятия драмкружка бегала Рита Кожина. Театр так увлёк школьницу, что хотелось заниматься только сценой, дышать воздухом кулис, репетировать до самозабвения, отдавать свой талант людям.

Увлечение художественным словом принесло свои весомые плоды. Ещё будучи школьницей Рита сыграла роль Каринкиной в спектакле по пьесе А. Островского «Без вины виноватые». В кружке ставили пьесы Грибоедова, Мольера. А на пермском радио прозвучала «Песня про купца Калашникова» Лермонтова в её исполнении. Пыталась поступать в театральную студию при Пермском драматическом театре, но после двух первых успешных туров не смогла пройти третий. Обидно было, ведь её подруга Тамара Шилова смогла поступить. И потом стала известной актрисой пермской драмы. Возможно, именно эта романтическая пора и заложила основы будущей научной карьеры.

Школа уже была окончена, а театр все не отпускал Риту из своей орбиты. Но руководитель драмкружка заявила жёстко и твёрдо: «Неси документы в университет, учись на филолога. Иначе до репетиций не допущу». Сама Орлова тоже получила гуманитарное образование и, видимо, увидела в девушке что-то такое, что могло помочь ей стать настоящим филологом. Было уже, правда, поздно – на дворе ноябрь 1943 года, занятия в университете идут полным ходом. Впрочем, попытка не пытка – и Рита рискнула...

Так и состоялось первое свидание Риты Кожиной с университетом. Отнюдь не все было благостно. С документами Рита здорово припозднилась, заявление подала только 20 ноября. С «отличным» аттестатом проходить вступительные экзамены было не нужно. Один из сотрудников заподозрил в её поступке корысть: «Вам что, девушка, карточка хлебная нужна повесомее?» Вопрос был для неё не только странным, но и оскорбительным:

– Я же идеалистка была. О таких вещах даже и не мыслила, хотя маме тогда было очень тяжело. Она чуть с голода не умирала, только о нас с сестрой заботилась.

Но документы, в конце концов, приняли, и Рита Кожина стала полноправной студенткой Пермского университета – училась «на филолога». Как знать, будь она тогда не такой настойчивой, может быть, мы не узнали учёного с мировым именем, а знали бы знаменитого музыкального критика или актрису, владеющую прекрасной русской речью не хуже Ираклия Андроникова...

Второй эпизод в вузе тоже запомнился отчётливо. Первое занятие – латынь, по расписанию «на голубятне» в старом «химическом» корпусе. Где такая, Рита не знала. Помогла ей найти аудиторию староста курса, синеглазая, невысокого роста Зоя Власова. Она встречала однокурсников у входа в корпус. Так состоялось второе свидание с университетом, который стал на всю жизнь вторым домом. А в какие-то жизненные моменты и – первым:

– Я всем обязана университету. Его особой атмосфере, его педагогам, его студентам и аспирантам.

Очень жалею, что не могу воочию увидеть, как он похорошел за последние годы – могу представить только по рассказам и фотографиям, которые приносят коллеги. И корпуса новые красивые появились, и фонтаны, и новые переходы. Удобно стало преподавателям и студентам! По-моему, университет развивается значительно интенсивнее и интереснее, чем город. Я по-хорошему завидую нынешнему поколению студентов. Могу и так сформулировать: вся моя жизнь – и научная, и педагогическая, и личная – связана только с университетом.

А в ноябре 1943 года все было по-другому. Никаких тебе фонтанов! Шутка ли – вся студенческая братия умещалась всего лишь в трёх корпусах. Ботанический сад, правда, был побольше, чем современный. И клумба центральная с цветами имелась. Жили, по большому счёту, бедно. Зато спектакли ставили – на зависть современным театрам. И драматические, и оперные. Диспуты, дискуссии – на все темы, от

научных до злободневных политических. Чуть не стометровые стенгазеты тоже издавались.

Именно из них (а каждый выпуск был настоящим событием) Маргарита Николаевна хорошо запомнила стихи Радкевича, ставшего известным пермским поэтом, и Шеншина, будущего преподавателя кафедры русской литературы, потомка великого русского поэта Фета. Их обсуждали едва ли не всем университетом, включая профессиу. Удивительно, как на все находилось время. И, главное, тому поколению была присуща неуёмная жажда знаний.

На курсе учились около ста человек, включая эвакуированных. Жили впроголодь, не модничали – любая хорошая одежда становилась чуть ли не сенсацией. Сама же Рита донашивала мамино пальто, а под ним блузка «без спинки» – латать дыры было уже бессмысленно. Поэтому пальто не снимала, впрочем, как и другие – холодно было в аудиториях.

Среди преподавателей были эвакуированные из столиц профессора, поэтому набираться уму-разуму было у кого. Их «аура», энергетика, эрудиция, умение заинтересовать пёструю студенческую аудиторию, привлекали молодёжь, заставляли размышлять, читать умные книги, пропадать часами в библиотеке. Именно с тех времён, когда самыми интересными лекциями и семинарами для Риты Кожинной стали занятия по античной литературе и языкознанию, она на всю жизнь влюбилась в «Божественную комедию» Данте и проблемы лингвистики.

Университет переживал не простые времена. Преподавателей катастрофически не хватало, поэтому часть лекций и семинаров проводили самые талантливые студенты старших курсов. На фоне лекций заслуженной профессуры выглядели эти занятия далёко не всегда убедительно. Но для пытливых умов преградой может быть только собственная лень. А уж в этом обвинить студентку Кожину вряд ли кто-то бы смог.

Тут хотелось бы сказать, что изучение языка стало одной пламенной страстью будущего профессора Кожинной исключительно благодаря лекциям Ивана Михайловича Захарова. Однако была ещё одна страсть: Рита Кожина очень любила танцевать! И танцевала до тех пор, пока ноги не стали отказывать. Правда, увлечение театром как возможной профессией уже прошло. Заведующий кафедрой русского языка, научный руководитель её дипломной работы И. М. Захаров сыграл одну из решающих ролей в её жизни. Именно он обратил её внимание на развернувшуюся в середине пятидесятых годов в журнале «Вопросы языкознания» дискуссию по стилистике.

Кстати, до сегодняшнего дня Маргарита Николаевна считает, что вопросы этой дискуссии остаются актуальными. Здесь и проблемы определения языкового стиля, историзма стиля, взаимодействия стилистики языка и художественной литературы, и другие, по которым все ещё ломается немало научных копий:

– Знаете, Иван Михайлович мне очень многое дал. Я в то время только начинала работать, трудно было. Методическая подготовка почти на нуле – разве можно всерьёз рассматривать два урока, которые провела на педпрактике в школе. Когда начинала работать, первое время жила от лекции до лекции: нагрузка сумасшедшая – 800 часов за учебный год. Не знаю, как и выжила. Представляете, мне, молодой, сразу пять новых курсов дали. А их же надо прочувствовать, разработать. Спасибо Ивану Михайловичу, здорово помог и поддерживал...

Так и началась преподавательская работа будущего профессора. Маргарите Николаевне повезло. После окончания Пермского университета перед ней встал вопрос выбора дальнейшей судьбы. И она, по совету Марии Александровны Генкель, отправилась в аспирантуру при Институте языкознания АН СССР (Ленинградское отделение). Сомнений было много. Но Мария Александровна сказала коротко: «Не боги горшки обжигают, попробуй, должно получиться!»

И получилось. Правда, не сразу. Первым научным руководителем стала Н. П. Гринкова, одна из ведущих в то время диалектологов страны. Но с диалектологией, как мы помним, из-за болезни пришлось расстаться. Талант лингвиста требовал, однако, реализации. Аспирантка сменила тему и руководителя. Известный лингвист Степан Григорьевич Бархударов помог определиться с темой диссертации.

Кстати, человеком он был легконогим, со своими аспирантами встречался не очень часто. Молва приписывала ему такую сентенцию: «Я люблю аспирантов первого курса, потому что они бегают от руководителя. Меньше люблю аспирантов второго курса, потому что они приходят с вопросами. Совсем не люблю аспирантов последнего курса, потому что они ловят тебя везде!»

Есть такой почти что анекдот про диссертации: «Почему кандидатские диссертации бывают сильнее, чем докторские? – Кандидатские пишут доктора, а докторские – кандидаты». Так вот это – не про Маргариту Николаевну. Текст её кандидатской научный руководитель увидел только перед защитой. И тут же, после первого же ознакомления, одобрил. Случается и так! Диссертация была для молодой аспирантки итогом кропотливой работы, а не самоцелью.

После защиты возникает очень серьёзный для многих молодых учёных вопрос: Для чего ведётся научная работа? Ради карьеры? Научной или административной? Для Маргариты Николаевны такого вопроса, похоже, просто не существовало:

– Вся жизнь у меня было желание сделать как можно больше. Но когда стала заведовать кафедрой, да ещё и в КПСС вступила, появилось так много новых забот! Бесконечные заседания, собрания, проверки. Боже мой, как это было тяжело, как это отвлекало от работы! То из деканата, то из ректората, то из министерства бумаги приходили, чуть не каждый день. И все надо было заполнять. Я же – человек ответственный, не могла доверить бумаготворчество лаборантам и ассистентам, все сама делала. А по отчётности иногда нужно было в одном только документе до сорока пунктов заполнить! Какая уж тут научная работа, не до неё! Поэтому и количество серьёзных публикаций в то время у меня значительно снизилось.

Условия изменились, но проблема остаётся. Должен ли талантливый учёный тратить своё драгоценное время на составление отчётов? Или лучше нанять нормального менеджера – пусть за зарплату заполняет все необходимые бумаги? У Маргариты Николаевны ответа на такой вопрос нет. Но она совершенно искренне считает, что современное образование отстаёт по уровню от того, которое застала она сама. И к процессам коммерциализации относится отрицательно: «Не думаю, что это хорошо и полезно как для образования, так и для вуза».

Администрированию, организаторской деятельности её никто не учил, пришлось познавать на собственной нелёгкой практике. Пригодились эти навыки в жизни или нет, сказать сложно. Может, чуть больше дисциплинировали. Одним из главных своих учителей Маргарита Николаевна до сегодняшнего дня считает своего папу. Он стал для неё человеком, который поддерживал и в научной деятельности, подсказывал, направлял. Обладая математическим складом ума, он посоветовал своей дочери статистические методик, по которым можно обрабатывать речевые материалы. В результате в одной из книг Маргариты Николаевны 1972 года была использована выборка общим объёмом около миллиона (!) примеров. И это не случайно. Николай Иванович обладал истинно научным складом мышления и к математике как науке был равнодушен. По сути, он был настоящим учёным и наставником. Потеря родителей стала для Маргариты Николаевны одним из главных потрясений:

– Самые страшные моменты в моей жизни – уход близких людей. Мама умерла в 1966 году, мне тогда было уже немало лет. Потрясение. Стресс. Потом смерть папы... Не меньшее потрясение. Хоть и

считают меня человеком цельным, однонаправленным, для меня эти два события стали на время убийством научного творчества. На какое-то время я выпала из работы, что для меня подобно смерти. Не поверите, ни строчки не могла прочесть, вся действительность отошла куда-то, потеряла свои привычные отчётливые очертания. Постепенно такое состояние прошло – работать же надо. Говорят, горе ломает человека, но мне удалось выправиться, хотя переживала очень. Для меня такие жизненные ситуации – проверка чувства ответственности перед людьми, перед своими учениками. Помогала, наверное, психологическая устойчивость и дисциплинированность.

Цельность натуры, особая структура восприятия мира для Маргариты Николаевны очень важны. Иногда способ её освоения действительности называют «конструктивным гармоничным мышлением». Для выработки научной точки зрения на мир это, наверное, очень важно. Как и интуиция:

– Обдумываешь какую-то проблему, ищешь пути её решения, но ничего светлого в голову не приходит. Спать лягу, сплю крепко-крепко, но вдруг просыпаюсь среди ночи. Вот оно – решение, во сне пришло! Мозг в это время будто бы спит, а подсознание работает, находит выходы из ситуации. В науке, по-моему, вообще нельзя совершить ни одно открытие без интуиции...

Сложно сказать, как именно, на какой основе сочетаются в научном творчестве Маргариты Николаевны подсознательное и логическое, теория и практика. Но в преподавании, как считает она сама, удалось найти оптимальный подход. Учитель должен расставлять какие-то основные вехи, в данном случае – объяснять принципы развития языка, а не давать голую информацию, конкретику. И студенты, особенно заочники, с благодарностью принимали эту методику.

Закономерно и одновременно парадоксально то, что разработчик фундаментального метода статистического анализа языковых явлений теорию ставит впереди практики, конкретного анализа:

– Анализировать языковой материал мне интересно тогда, когда он поддерживает теорию. Но впереди всегда идёт теория.

Парадокс, впрочем, разрешается просто. Интуиция развивается с опытом, а опыта профессору Кожиной не занимать. Поэтому теория и идёт у неё зачастую впереди практического анализа. Ведь сам по себе анализ является только первой операцией по пути к синтезу – теоретическим конструкциям. А в языкознании экспериментальные методики стали популярны относительно недавно. И корректность этих методик надо ещё доказывать и доказывать. Все субъективно, кроме статистики (она, правда, тоже бывает субъективной) в мире лингвистики. Для

Маргариты Николаевны это стало понятно довольно давно. Ещё в те времена, когда она была молодым учёным. И ситуации случались разные. Но признание в научном мире к ней пришло довольно быстро.

Маргарита Николаевна запомнилась коллегам ещё с участия в первой своей крупной конференции в МГУ в 1965 году. К тому времени она уже была сложившимся, но пока не очень известным учёным. Её первые публикации «Стилистика и некоторые её категории» (1961 г.) и «О понятии стиля и месте языка художественной литературы среди функциональных стилей» (1962 г.) были замечены, но не более того. Последующие три монографии обратили на себя серьёзное внимание научного мира и были высоко оценены в Германии, Чехословакии, Нидерландах, Польше, Австрии. Стали появляться частые ссылки на них, в международных научных обзорах работам Кожиной отводилось большое место. Ей стали заказывать статьи в журналы, пригласили в Бессингемский университет.

А потом были международные съезды славистов в Варшаве и Праге. Они открыли для Кожиной дорогу к международному признанию:

– До сих пор горжусь тем, что слышала выступления многих великих учёных. Это такие величины, как Якобсон, Гавранек, Унбегаун, Гаузенблас, Мистрик, Краус. Удалось поговорить и поспорить с некоторыми из них на научных форумах. Такая там была замечательная атмосфера праздника, единения учёных из разных стран.

А на одном из конгрессов Маргарита Кожина запомнилась всем своей неуступчивостью. Она вступила в дискуссию с лингвистом из Болгарии, который делал доклад о речевых разновидностях языка. С её точки зрения, теоретическое обоснование доклада было не очень фундаментальным.

С той поры научный мир принял Кожину «за своего». А со временем Маргарита Николаевна стала одним из лингвистов, с которым на конгрессах стремились познакомиться учёные из других стран.

Для Перми это было, может быть, несколько неожиданно и непривычно. Сотрудники кафедры долго обсуждали событие: на одну из её публикаций пришёл отзыв из Италии! В бандероль была вложена книга профессора-лингвиста как реакция на публикации Кожиной по стилистике. Газета «Звезда» тут же отразила этот факт в публикации «Флоренция отвечает Перми». Ведь случилось это в шестидесятые годы, когда о свободных международных научных связях можно было только мечтать.

И другой факт, тоже имевший международный резонанс. Одну из книг М. Н. Кожиной перевели в Китае как раз в тот момент, когда от-

ношения между странами носили очень напряжённый характер. Однажды ей позвонили из МИД СССР с вопросом, когда можно привезти эту книгу? Представитель министерства, вручая книгу, сказал: «Вы способствуете спаду напряжённости в отношениях между нашими странами». Но самым запоминающимся моментом для Кожиной стало выдвижение её иностранными коллегами в Международный комитет славистов. Чем не признание заслуг!

Однако своё участие в международных конгрессах и симпозиумах Маргарита Николаевна никогда не ограничивала научными дискуссиями и кулуарными беседами. От зарубежья она старалась взять по максимуму. Музеи, концерты, замки, пешие прогулки по городам мира – ей очень повезло, что успела. Коллеги удивлялись, как на все хватает энергии. Хватало, и с лихвой:

– Однажды в Кракове, уже после всех научных дискуссий, поздно ночью пошла посмотреть старинное здание университета, хотя ноги очень болели. Оно при подсветке ночной как-то по-особенному выглядело. А в Германии отправилась посмотреть старинный замок на горе. Вот коллеги тогда удивлялись: «Мы устали, идти никуда не хочется, а она пошла!» И на всю жизнь у меня осталось впечатление невероятной красоты от вида с горы в городе, где родился Бах. Это просто не передать словами!

Признание в научном мире так просто не приходит. За ним – неимоверный труд и талант, тяжёлая работа и ясное осознание цели. Свою докторскую диссертацию Маргарита Николаевна могла защитить на несколько лет раньше. После первой опубликованной ею монографии в Пермь по заданию Министерства образования приехал профессор Мещерский. Книгу он оценил как готовую докторскую диссертацию и предложил помочь организовать защиту. Маргарита Николаевна отказалась: «Мне этого не надо. Когда выполню свой план и напишу три книги, тогда и буду защищаться». Поневоле вспомнишь некоторых сегодняшних «диссертантов» с хиленьким научным багажом из нескольких статей, но с амбициями.

Кстати, амбициозность Маргарите Николаевне совсем не присуща. Более 60 лет она предана Пермскому университету. Хотя предложений из разных университетов и академических институтов за свою жизнь получила немало. В одном даже экспериментальную установку для изучения типов мышления (вопрос этот очень интересовал Кожину) предлагали. Отказалась.

– Я просто не мыслю себя и свою жизнь без нашего университета, – сказала как-то Маргарита Николаевна.

Трудно усомниться в искренности этой прекрасной женщины, сильного человека, преодолевшего огромные трудности и продолжающего свой научный и житейский подвиг...

Маргарита Николаевна КОЖИНА родилась 1 августа 1925 года.

В начале 1960-х гг. М. Н. Кожина одна из первых в отечественном языкознании обратилась к разработке проблем функционирования языка, к речеведческой проблематике, формированию нового научного направления – функциональной стилистике, в том числе исторической (диахронической) стилистике, сопоставительной стилистике, речеведению. Определила основные понятия и категории стилистики: специфика и речевая системность функциональных стилей, экстралингвистические основы на базе комплексного междисциплинарного подхода. Автор более 200 научных трудов, в том числе 8 монографий и первого в стране учебника по стилистике, выдержавшего 3 издания. Под её редакцией издано 20 выпусков межвузовских сборников и ряд монографий. Член редколлегии международного журнала «Stylistyka», один из руководителей международной программы «Синтез славянской стилистики». Подготовила 22 кандидата и 4 доктора наук.

Заслуженный деятель науки РФ (1991), Ветеран труда, награждена значком Минвуза «За отличные успехи в работе», бронзовой медалью ВДНХ за учебник по стилистике (1983).

Основные публикации: «К основаниям функциональной стилистики» (1968), «О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики» (1966), «О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими» (1972), «Стилистика русского языка» (1-е изд. 1977; 2-е изд. 1983; 3-е изд. 1993), «О диалогичности письменной научной речи» (1986), «О функциональных семантико-стилистических категориях» (1987), «Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв.» (Т. 1. 1994; Т.2, ч. 1. 1996; Т.2, ч.2. 1998, в соавт.), «Речеведческий аспект теории языка» (1998), «Пути развития стилистики русского языка во 2-й половине XX в.» (1997).

Стоит отметить и деятельность М. Н. Кожиной как организатора науки. По её инициативе подготовлено двадцать межвузовских сборников научных трудов, проведено несколько всесоюзных и международных конференций, в том числе первые в стране по проблемам лингвостилистики, издан трёхтомный коллективный труд по истории научного стиля XVIII–XX вв., получивший премию Головного Совета Минвуза. И, наконец, совсем недавно, будучи прикованной к постели

ли, Маргарита Николаевна собирает авторский коллектив – не только из своих учеников, но с привлечением видных российских учёных – для реализации своего проекта и издания первого отечественного «Стилистического энциклопедического словаря» (М.: Наука; Флинта, 2003), около тридцати статей словаря написаны его главным редактором – М. Н. Кожинной. Этот словарь сразу был отмечен рецензиями не только у нас в стране, но и за рубежом.

Л. А. Грузберг¹,
доцент кафедры общего и славянского языкознания
Пермского государственного национального
исследовательского университета

АДЕЛАИДА ФЁДОРОВНА, АДОЧКА

*Все 53 года их совместной семейной
жизни Александр Васильевич Любимов
называет свою жену только Адочка*

Свой рассказ об Адочке мне хочется начать с эпизода, который относится к 1946 году.

Как напишет более полувека спустя профессор Пермского университета Елена Николаевна Полякова, «дети города Перми в конце 30-х – начале 40-х гг. XX в. жили иначе, чем современные пермские дети. Тогда здесь существенно преобладали одно- и двухэтажные дома с коммунальными квартирами, небольшими садиками, иногда с огородами и часто закрытыми дворами, в которых были обязательными дровяники (сарай для дров), так как ещё не использовали ни газовых, ни электрических плит и лишь в отдельных домах было централизованное горячее водоснабжение. В распоряжении детей разных возрастов (5–12 лет) находилась обширная территория для совместных, коллективных игр, преимущественно очень подвижных»².

К словам Елены Николаевны добавлю, что к тому времени во многих районах Перми ещё не сложилось понятие *ребята с нашего двора*, мы говорили всегда *«ребята с нашей улицы»*. Нашим игровым и вообще *жизненным* пространством была своя (а иногда не только своя) у л и ц а . А для тех, кто жил в Новой Деревне³, с конца августа по июнь последующего года таким пространством становилась территория возле школы № 5, где все мы учились⁴. С утра и до вечера, то есть от момента ухода родителей на работу и до времени возвращения их с работы мы *бегали* (словом «гулять» наше времяпрепровождение никак нельзя было назвать) около школы – кто до уроков, кто после...

Единой школьной формы тогда ещё не было, одеты мы были крайне бедно, а после двух-трёх часов лазания по заборам, прыганья через канавы, игр в прятки и чурнемой (догонялки) наши одежда и обувь и чистотой похвалиться не могли.

И вот однажды в октябре пошёл сильный дождь, а до начала уроков было ещё больше часа. Нас в школу пустили, но разрешили побывать только в помещении раздевалки. Вошла я в раздевалку и *застыла от изумления*: прямо передо мной на приступочке для обуви сидела девочка из *другого мира*. Например, *из кино*... На нашей улице (и ближайших соседних улицах) *такие* девочки не встречались! Она была в невероятно красивом темно-синем шерстяном платье с белоснежным кружевным воротничком! В её косах были отглаженные ленты, завязанные большими бантами! И вообще она была невероятно чистенькая и аккуратная! А главное – она *читала* какой-то журнал!

Все увиденное меня *буквально потрясло*. Оказывается, *такие* девочки бывают не только в кино – они учатся в *нашей* школе... Оказывается, до уроков можно не носиться по двору школы, а *читать журнал*... Я незаметно посмотрела название журнала – это был «Мурзилка». Сразу после уроков я помчалась домой и стала умолять маму купить мне «Мурзилку». И теперь до уроков я садилась где-нибудь и *читала*... Правда, не было у меня такого красивого платья, и косичек не было, но это же такой пустяк! Главное – я тоже *читала журнал*. И до сих пор помню, что в том номере была легенда о Данко и сказка о царе Мидасе, у которого выросли ослиные уши...

Как я узнала потом, этой девочкой была Ада Зернина, из параллельного третьего класса.

А познакомились мы только на первом курсе, оказавшись в одной студенческой группе нашего, филологического, факультета.

Здесь эстафетную палочку рассказчика принимает у меня наша однокурсница **Альмира Георгиевна Зибзева** (Эля Сычева):

«Ну, вот и выдалась возможность повиниться за очень давно содеянное. Тогда, больше полусотни лет назад, такого острого ощущения вины и желания покаяться, по-моему, нет, не ощущалось...

Четвёртый курс. Мы с Адочкой готовим одну курсовую на двоих: должны прочитать и проанализировать свиток на древнерусском. И прочитали, и худо-бедно свели концы с концами, и с Ксенией Александровной обсудили. Все, в общем-то, позади, осталось защитить работу на кафедре. Все, да не все: Адочкина часть аккуратненько переписана, моя – отнюдь. А защита завтра. Ну и что, подумаешь, ночь-то – моя!

И тут, как это бывает только в молодости и в студенчестве, с неожиданной, прямо-таки фантастической скоростью сбивается этакая весенняя весёлая ватага, закупает энное количество сухого вина и уже через какие-то полчаса оказывается на том берегу Камы, на воле, на поляне, посреди роскошно пробудившейся природы! Снимки, сделанные кем-то из нас на той бесшабашной пирушке, я потом очень долго прятала от подрастающих детей: не упасть бы авторитету. И впрямь можно предположить черт знает что: живописные позы, сдвинутые на сторону или повязанные на голову галстуки, сцены из тут же симпривизированных спектаклей, гитара, предательский блеск бутылок на свежей траве... Кстати сказать, все участники того закамского шаша вышли потом в приличные и немаленькие люди. Там был даже будущий успешный ректор одного из пермских вузов, и несколько будущих доцентов тоже. В том числе Адочка (тогда ещё Зернина).

Возвращаюсь запоздно домой в лёгком перевозбуждении и элегантно хмелю, устраиваюсь переписывать начисто свою часть курсовой и – о ужас! – обнаруживаю, что черновика-то дома нет... Не стоило бы рассказывать, как моя многотерпеливая умная мама, не выронив ни слова упрёка, отправилась со мной в ночи будить ответсекретаря университетской многотиражки (слава богу, он был в той компании тоже и долго объяснять ничего не пришлось), забирать ключ от редакции, стучать в гулкие двери главного корпуса, чтобы потом обнаружить-таки этот подлый черновик, позорно забытый в ящике редакционного стола.

Как ни старалась я той ночью и – пропустив лекции – следующим днём, но успела привести работу в пристойный вид только к моменту защиты. Наши прозорливые преподаватели легко учуяли нестыковки и недоработки и выдали нам по четвёрке на каждую. Ну, я-то заслужила, точнее, очень даже неплохо отделалась, не считая стресса, но Адочка, она-то за что поплатилась, не получив своё заслуженное «отлично»?!

Ни слова, ни звука, ни тени обиды. И в этом она вся.

Тогда я, по глупости, этого, кажется, не оценила. А вот теперь, с высоты прожитых лет, способна понять меру воспитанности и тонкость души моей дорогой сокурсницы. И сердечно прошу прощения за своё раздолбайство.

На нашем феноменальном, потрясающем курсе (это я тоже отсюда, из нового века, говорю), точнее, в нашей группе «Б» (пусть не обижаются более скромные и выдержанные «ашники»), собрались сплошные индивидуальности, одна ярче другой, и каждый – или несколько каждых, так бывает – играл свою роль, не обозначаемую впрямую, но достаточно чётко явленную (первая красавица, первая умница, первый

поэт, одарённая актриса, безмерная старательница, безумная общественница, многообещающая «вещь в себе» и т.д.). А дочка Зернина была эталоном чистоты и порядочности. Ей всегда была присуща прелесть врождённого обаяния и скромности.

Из нас подавляющее большинство были, что называется, голь и нищета, знающая цену талонам, ордерам и карточкам, взращённая на пенсии за погибших в войну отцов и на мизерные зарплаты матерей. У Апочки, по этим меркам, семья была полная и обеспеченная. Папа занимал ответственную должность в облисполкоме. Казалось бы, девочка, растущая в относительной сытости, заботе и холе, могла сознавать некоторую свою исключительность. Ничего подобного! Ни разу никто из нас не ощутил хотя бы крохотной доли превосходства человека, обладающего чуть *большим*. В академической аудитории и в «тиши» библиотек, в любой шумной компании и в самой немыслимой грязи колхозных полей – Апочка была неизменно равна и доброжелательна, скромна и сдержанна.

Что это – ум, порода, воспитание? Наверное, и то, и другое, и третье. А всё вместе – подлинная интеллигентность. Та самая, которую многие из нас, продукты довольно плебейских обстоятельств, в себе старательно пытались взрастить. В ней же она присутствовала всегда.

По-моему, вся её успешная вузовская судьба, вся дальнейшая её жизнь с блеском и достоинством это подтвердили».

«*Что это – ум, порода, воспитание?*» – об этом размышляет ещё одна наша однокурсница – **Тамара Яковлевна Анисимова** (Тома Сафонова):

«Мы, однокурсники, с благодарностью вспоминаем гостеприимный дом родителей Апочки – Стефании Ивановны и Фёдора Ивановича. Благодарство, интеллигентность, трудолюбие, порядочность, доброжелательное отношение к людям – все это родом из детства. Родители навсегда остались образцом для Аделаиды Фёдоровны. И вместе с мужем, Александром Васильевичем Любимовым, они следуют их традициям. Дом Любимовых уютен, красив, гостеприимен. А.Ф. – отличная хозяйка: она стряпает потрясающие пироги, варит компоты и варенье, консервирует овощи, шьёт. Но главное – это атмосфера любви, уважения и дружелюбия, которая царит в этой большой семье – у А.Ф. дочь и сын, три внука. Супруги Любимовы состоят в браке более 50 лет. А познакомились ещё в школе. И до сих пор для нас всех они являются образцовой семейной парой. А мы с далёких студенческих времён по-прежнему называем их Апочка и Шурик...».

Здесь я с извинениями прерываю (ненадолго!) повествование моих милых однокурсниц, чтобы сказать: дальше последует рассказ ближайшей подруги Адочки, и тоже нашей однокурсницы, **Нины Фёдоровны Авериной** (Нины Кисловой), которую судьба забросила в *немыслимо* далёкую Австралию (да-да, в студенческие годы мы и помыслить о таком не могли!). Так вот, мне показалось кощунственным кромсать «редакторскими ножницами» замечательные произведения моих подруг («...да будем мы к своим друзьям пристрастны...»), и потому следующий авторский текст тоже привожу полностью:

«У нас была потрясающая группа. Каждый – Индивид, Личность, Вселенная... Все были мне интересны, и почти любую (любого) я могла назвать своим закадычным другом. Но почему же именно Адочка, Ада, Аделаида Фёдоровна стала моей лучшей подругой, самой верной, преданной, надёжной, проверенной на протяжении вот уже почти шестидесяти лет? Задавая вопрос, я уже почти ответила на него. Верность, преданность, надёжность... Но не только, не только это.

В Адочке есть многое, что бросается в глаза всем и каждому, что сразу же привлекает к ней, причём часто людей весьма от неё далёких, вроде бы полных антиподов, одобряющих совсем иные ценности. Это, конечно же, несомненная интеллигентность, невероятная деликатность, незаурядный ум, огромная работоспособность, обязательность, несуетность, внешнее и внутреннее обаяние...

Притягательность адочкиной личности почувствовала я с нашей первой встречи. Только переступили порог университета (вернее, даже ещё и не переступили по-настоящему), как сразу же нас отправили в колхоз, растянувшийся в том далёком 1954-м году не только на весь сентябрь, но и прихвативший добрую половину октября, благо, погода стояла расчудесная.

И вот мы весело едем в электричке, знакомясь с теми, кто сидит поближе. Большинство видим впервые – группа состояла почти из одних медалистов, а они в те времена абсолютно от всех экзаменов освобождались. Где-то в Карагайском районе посреди дремучего леса электричка ненадолго остановилась и высыпала нас по обе стороны железнодорожного полотна. Маленькая группа (я попала в неё) потопала налево к деревне Малая Казань. Основной состав во главе с преподавателем Ниной Михайловной Паршуковой повернул направо – к деревне Большая Казань.

Устроились мы неплохо. Прямо у домов стояли вековые леса, боровики росли у самого крылечка, Нина Михайловна нарушала нашу идиллию нечасто: попробуй в одиночку добраться в эту неблизкую глухомань по весьма ненадёжной тропинке, которую постоянно пере-

секали изрядно глубокие овражки, а преодолеть их можно было только по перекинутому брёвнышку.

Не то было в Большой Казани. Под недремлющим оком Нины Михайловны трудились наши собраты от зари до зари, не разгибая спины, да и тёмное время прихватывали. И все равно не поспевали к сроку убрать необозримое поле турнепса. Вызвали на подмогу нас. Пока мы ключевой водой умывались, пока ковыляли рысьими тропами, явились в Большую Казань чуть ли не к обеду. Все, конечно, были в поле, лишь две девчушки-дежурные хлопотали у прокопченной печки. Одна из девочек показалась мне школьницей лет пятнадцати: маленькая, худенькая, с косичками, в ситцевом платьице в розовый цветочек и с рукавами фонариком. До того милая, трогательная, улыбочивая, застенчивая, что захотелось её погладить по головке и забрать из тоненьких ручек неподъёмный ухват. Это и была Адочка.

Как я узнала позднее, папа её, Фёдор Иванович Зернин, ведал всем сельским хозяйством области, но ведь и пальцем не пошевелил, чтобы не отправляли в колхоз его единственную дочку. Да об этом даже и мыслей у Адочкиных родителей не возникало – настолько это были люди обязательные, благородные, принципиальные. Позднее я их просто боготворила, да и сейчас постоянно вспоминаю с чувством высочайшего уважения. Но вернёмся в Большую Казань.

Показали нам девочки, куда брести на поле турнепса. Дёргали мы этот турнепс до глубокой темноты, а потом при свете костров ещё долго обрезали ботву. Брели домой по дорожке, отнюдь не безопасной даже днём, уже глубокой ночью. Вот с этого дня и появилась в моей жизни Адочка – словно светлый лучик. Везде мы были вместе: сидели рядышком на занятиях, за одним столом в читальных залах библиотек, в театрах и на концертах, на студенческой практике и весёлых вечеринках... Вот только на свидания бегали в разные стороны.

Адочка ещё в 15 лет познакомилась на катке со своим Шуриком. И никто и ничто не смогло их разлучить. Так и остался Александр Васильевич Любимов в нашем бытовании Шуриком и оказался лучшим из мужей, какого только можно себе представить. Две половинки – Шурик и Адочка – нашли друг друга. Оба однолюбы. Оба постоянны и обязательны.

А каких замечательных, красивых детей они вырастили – дочку Наташу и сына Сашу (Александра Второго, как шутливо называют его в семье)! И как любят оба и детей, и сноху с зятем, а особенно внуков – умных, необычайно привлекательных внешне, благополучных во всех отношениях, но при этом совершенно разных. Старший, Федя, сын Наташи, сейчас учится в Петербурге. Со школы был истинный

мыслитель, исследователь, стремящийся до всего докопаться, победитель многочисленных олимпиад по математике и информатике, в том числе всероссийских и международных. Дети Саши и его жены Оли Серёжа и Рома пока малы, чтобы с определённой заглядывать в будущее. Но Серёжа в свои 13 лет уже опора, поддержка родителям во многих отношениях. Очень любит младшего брата, заботится о нем и обихаживает, как может. Вообще очень любит опекать тех, кто меньше и слабее. В маминых помощниках уже ходит и трёхлетний Рома. Кроме того, из него явно выглядывает филолог: остролов и сочинитель изрядный, хоть сейчас сборник его изречений издавай. Конечно, в становлении мальчишек главная заслуга принадлежит родителям, но и бабушек-дедушек исключать не следует. Надёжнее всего воспитывать любовью, а уж чего-чего, у бабушек и дедушек этого всегда в избытке.

А как самозабвенно любила Адочка своих родителей! Такого поклонения родителям я, пожалуй, не встречала больше ни у кого.

Я все больше говорю о личном в жизни Апочки – это мне и ближе, и более знакомо. О её профессиональных качествах лучше расскажут те, кто трудился рядом. Но я точно знаю (и по отзывам её коллег, и по воспоминаниям бывших студентов), что преподавателем она была замечательным. Лекции её всегда отличались необыкновенной глубиной, всегдашней новизной, проблемностью. Такими они и должны быть у истинного педагога, бесконечно любящего свою профессию. Недаром в семьдесят лет, уже с трудом передвигаясь, все не оставляла любимое дело, ибо, как часто она говаривала, ходила на работу, как на праздник.

Прежде всего Адочка, конечно, книгочей. Чтение – её любимейшее занятие, и она всегда в окружении книг и периодики – дома ли, на даче ли, в автомобиле или даже на общественном транспорте, а уж на работе – само собой разумеется. Но в чтении она очень и очень разборчива. Отменный вкус, отличное знание истории и теории литературы, умение дотошно оценить произведение позволяет ей быть гурманкой, даже когда вроде бы “отошла от дел”. Она и сегодня в курсе всех течений, направлений, новинок.

Плюс ко всему Адочка – отличная хозяйка. В доме у них всегда чистота и порядок идеальные. Так было при Стефании Ивановне, так продолжалось, когда домом управляла Адочка, так продолжается и сейчас, когда все хозяйственные заботы взял на себя Шурик. Я до сих пор тоскую по её пирогам (особенно с рыбой), по её тарту “Мистер Икс”. И сын мой, которому уже за пятьдесят, частенько с тоской говорит о невозможности сесть за обширный, уставленный всевозможны-

ми яствами зернинско-любимовский стол, отведать их холодца, маринованных грибочков, макового рулета...

Живя в Австралии, за тридевять земель в тридесятом царстве, я звоню ей еженедельно, говорим подолгу, так что я в курсе всех её коллизий, проблем, неудач и радостей. Такие, как Адочка, бездействовать не умеют. Зная это, я уверена, что она ещё проявит пока не знаемую нами грань своей богатой личности».

Студенчество наше закончилось в 1959 году. Судьба была к нам милостива: мы сохранили наше «братство и дружество» до сей поры. А целая «пятерка наших» (перечисляю по алфавиту – Н. Е. Васильева, Л. А. Грузберг, Т. И. Ерофеева, А. Ф. Любимова, Р. С. Спивак) стали ещё и коллегами. И уже пятьдесят (и более) лет служат Университету...

И теперь – об **Аделаиде Фёдоровне** – учители, учёном, коллеге.

Слова её учеников – это признание в любви:

– Аделаида Фёдоровна Любимова – с этим именем связаны у меня приятные воспоминания студенческой поры. На фоне строгих, малообщительных профессоров Аделаида Фёдоровна была добрым и милым созданием, с мягким, проникновенным голосом; человеком, хорошо знающим свой предмет, увлечённым литературой, умеющим заразить этой увлечённостью студентов. Неслучайно многие студенты романо-германского отделения писали две курсовые работы: по языку и по литературе. И мой путь в науку прошёл не без её влияния.

Сегодня нас с Аделаидой Фёдоровной связывает многолетняя дружба, и чем больше узнаешь человека, тем удивительнее выглядит его «созвучность» тому предмету, которым он занимается. Аделаида Фёдоровна всю жизнь посвятила изучению зарубежной литературы – от античности до литературы наших дней. Зная это, можно сказать, что внутренняя форма Аделаиды Фёдоровны коренится в духовной субстанции, которая зародилась в античности, у истоков которой стоят греческая и латинская поэзия, философия и культура. Её лекции формировали в нас большую потребность в духовности.

Наша дружба возникла тогда, когда я работала над диссертацией и очень нуждалась в поддержке. Именно Аделаида Фёдоровна поставила точку в том море материала, который я исследовала. А сколько было таких, как я, которые после беседы с Аделаидой Фёдоровной чувствовали себя увереннее!

Ещё некоторые штрихи к портрету. Аделаида Фёдоровна никогда не разговаривала со студентами на «ты». Двери её дома всегда были открыты для студентов: приходили к ней домой на консультации по

дипломным и курсовым работам и никогда не уходили без того, чтобы их не напоили чаем, а если повезёт, угостили ещё и тортом «Мистер Икс» (рецепт которого не разглашается).

Дорогая Аделаида Фёдоровна! Мы, Ваши бывшие студенты, любим Вас!» (Маргарита Викторовна Самсонова, выпускница 1972 года).

– Я три года была единственной студенткой из двух английских групп, которая работала на кафедре зарубежной литературы. Мой первый руководитель Л. В. Шипицына работала со мной только год и затем перешла в институт культуры. И меня взяла умнейшая, благородная Аделаида Фёдоровна Любимова. Она терпела мои болезни, лень, терпеливо ждала, когда я начну работать. Знала, что я все сделаю, но в последний момент... Защитилась я на «отлично» (Анна Владимировна Аборкина, выпускница 1979 г.)⁵.

– ...сначала чуть не весь наш курс ринулся в лингвисты. Но когда начались лекции А. Ф. Любимовой, Р. В. Коминой <...>, С. Я. Фрадкиной, то филологическая братия рванула в литературу (Светлана Анатольевна Вяткина, выпускница 1979 г.)⁶.

– ...И были преподаватели – мои путеводные звезды, которые ставили на ноги и образовывали растущего во мне филолога. Фундаментальная и недоступная Маргарита Александровна (первую курсовую я писала у неё); покоритель сердец и непревзойденный лектор Соломон Юрьевич (только в его исполнении история праславянской фонетики могла прозвучать прекрасной песней); <...> обаятельная, тактичная, мудрая Аделаида Фёдоровна, наш куратор⁷... Аделаида Фёдоровна – эталон интеллигентности, уравновешенности и доброжелательности, – и студентки её группы пытаются ей подражать (Елена Анатольевна Рябухина, выпускница 1984 г.)⁸.

– С огромной благодарностью я вспоминаю Аделаиду Фёдоровну Любимову, Елену Николаевну Полякову, Нонну Петровну Потапову. Удивительная деликатность, утончённая интеллигентность подкупали в них всех студентов. Главным для любимого преподавателя было пробудить интерес в каждом из нас, заставить думать, самостоятельно искать ответы на возникшие в сознании студентов вопросы (Лилия Рашидовна Дускаева, выпускница 1986 г.)⁹.

Последним студенческим курсом, с которым работала Аделаида Фёдоровна, были выпускники СИЯЛа 2010 года. Они её очень любили. Она их – тоже. Говорит Анна Адливанкина:

– Будучи студенткой, я всегда знала, что нашему потоку невероятно повезло с преподавателями. Нас обучала когорта таких интеллектуальных «мастодонтов», переворачивавших наш мир с ног на голову; из-за которых мы не спали и пили литрами кофе ночами, читая,

зачитываясь, перечитывая, не понимая, но постепенно превращаясь в достойных учеников этих людей. Были жёсткие преподаватели, требовательные, а были... Такие как Аделаида Фёдоровна.

Её все всегда Адочкой звали.

Маленькая, ниже всех девочек ростом, улыбчивая и какая-то невероятно добрая, понимающая и всепрощающая. Познакомился с ней наш поток на втором году обучения, и читала она нам курс литературы эпохи Романтизма. Вела также спецсеминары, помогая с курсовыми работами. Вдохновляла, надо сказать, невероятно.

Лично меня вдохновила ещё с первой лекции размышлениями о понятии свободы (тема для меня в то время достаточно животрепещущая с научно-философской точки зрения). Признаться, мне льстило, что её мнение во многом совпадало с моим, и хотелось дальше продолжать говорить с ней, узнавать ещё, затем больше. С ней всегда хотелось вести диалог, она даже лекции читала не совсем монологически, а взаимодействуя с увлечённой аудиторией.

Её искренне многие полюбили, и когда с ней пришлось расстаться на третьем курсе (мы были последними её студентами), все были крайне огорчены, плакали даже.

А потому что без таких людей плохо. Аделаида Фёдоровна всегда искренне отдавалась преподаванию, раскрывалась нам, каждую идею нашу, пусть самую нелепую, поддерживала, развивала, помогала обдумать. Такие учат совсем иначе, они увлечённые, умнейшие, открытые и человечные. Никогда нам двоек она не ставила и не ругала, боже упаси. Разве что посмотреть могла грустно и вздохнуть. С такой женщиной нельзя было работать «без души» и без ответной искренности.

Мы закончили университет, постоянно вспоминая её и говоря о ней. Некоторые ей звонили, напоминали о себе, но ей нам о себе напоминать не нужно было и никогда не придётся. И как тогда мы очень надеялись, что она продолжает так же любить то, чем занимается, и жизнь в целом, так и сейчас, работая в Университете, вспоминая её с коллегами, я хочу, чтоб она всегда-всегда улыбалась, открывала для себя новое что-то и была счастлива.

В ходе подготовки этой статьи к публикации в наших руках оказалась «Характеристика доцента кафедры мировой литературы и культуры факультета современных иностранных языков и литературы Пермского государственного университета Любимовой Аделаиды Фёдоровны», ознакомившись с которой, мы поняли, что не стоит *думать свысока* об этом документе, ибо никакой другой повествовательный жанр не способен так лаконично, чётко и прямо сказать,

что Аделаиду Фёдоровну «отличают современность научного мышления и творческие подходы к вопросам вузовского преподавания мировой литературы»;

что её курс «Литература рубежа XIX–XX веков» «читается по авторской программе, одобренной на международной конференции «Университеты в формировании специалиста XXI века»;

что «лекции и семинары А. Ф. Любимовой отличаются проблемностью, новизной трактовки материала, широтой культурного контекста»;

что А.Ф. является «одним из ведущих российских исследователей английской фантастической прозы XIX–XX веков и творчества Герберта Уэллса»;

что она «активно работает в области новых образовательных технологий»...

Мы сочли целесообразным привести текст характеристики целиком, поскольку здесь последовательно предстают все ступени научной и преподавательской карьеры Аделаиды Фёдоровны:

«А. Ф. Любимова работает на кафедре мировой литературы и культуры с 1962 года. В её лекторском активе 4 историко-литературных курса: античная литература, литература Средних веков и Возрождения, литература XVII–XVIII веков и литература рубежа XIX–XX веков. Последний курс читается по авторской программе, одобренной на международной конференции “Университеты в формировании специалиста XXI века”.

Спецкурс “Антиутопия XX века”, включающий в себя материал из разных национальных литератур, прочитан неоднократно на филологическом факультете и факультете современных иностранных языков и литератур и пользуется неизменной популярностью у студентов. Лекции и семинары А. Ф. Любимовой отличаются проблемностью, новизной трактовки материала, широтой культурного контекста. Выполненные под её руководством дипломные и курсовые сочинения неоднократно награждались грамотами и дипломами на смотрах студенческих научных работ, их авторы получали высокую оценку ГЭК и рекомендации для поступления в аспирантуру.

Два выборных срока А. Ф. Любимова успешно руководила кафедрой зарубежной литературы ПГУ. Она является редактором межвузовского сборника научных трудов “Проблемы метода и поэтики”; привлекается к рецензированию диссертаций.

А. Ф. Любимова активно занимается творческими поисками в области методики вузовского преподавания, результаты которых доложены на международных конференциях. Осмысление новых концеп-

ций университетского образования представлено в материалах зональной конференции “Актуальные проблемы филологического образования: наука – вуз – школа” (г. Екатеринбург), а также в публикациях “Вестника Пермского областного института повышения квалификации работников образования”. А. Ф. Любимова активно работает в области новых образовательных технологий, и в 2005 г. вышел электронный вариант учебника “История зарубежной литературы XVII–XVIII веков”, подготовленный ею.

А. Ф. Любимова является специалистом в области английской литературы, одним из ведущих российских исследователей английской фантастической прозы XIX–XX веков и творчества Герберта Уэллса. Романам Уэллса посвящены две монографии А. Ф. Любимовой (“Жанр социально-психологического романа в творчестве Г. Уэллса 1900–1914 годов” и “Проблематика и поэтика романов Г. Уэллса 1900–1914-х годов”).

В последние пять лет предметом научных интересов А. Ф. Любимовой является жанр антиутопии от его истоков до современных постмодернистских форм. За это время ею опубликовано 10 научных работ, в том числе учебное пособие “Жанр антиутопии в XX веке: содержательные и поэтологические аспекты” (Пермь, 2001) и статья “Г. Дж. Уэллс в российской литературной критике, 1890–1940 гг.” в коллективной монографии “Восприятие Г. Дж. Уэллса в Европе” (в соавторстве с Б. М. Проскурным), изданной в Лондоне.

В 2000–2005 гг. А. Ф. Любимова принимала активное участие в нескольких международных конференциях, в т.ч. преподавателей английской литературы, по проблемам университетского образования, по теме “Библия и мировая культура”. В 2002 г. выступила с докладом “Уэллс в отечественной критике” на международной конференции в Лейпциге “Восприятие Г. Дж. Уэллса в Европе”.

Как преподавателя и учёного А. Ф. Любимову отличают современность научного мышления и творческие подходы к вопросам вузовского преподавания мировой литературы.

Характеристика дана для награждения Нагрудным знаком “Почётный работник высшей школы”».

О многом, что изложено в характеристике, нам захотелось подробнее узнать от самой Аделаиды Фёдоровны, любезно согласившейся на интервью с ней.

Интервьюер: Большое Вам спасибо, дорогая Аделаида Фёдоровна, за то, что Вы согласились ответить на наши вопросы.

А. Ф.: И вам спасибо – за внимание и добрые слова.

И.: Скажите, пожалуйста, кто сыграл в Вашем профессиональном становлении наибольшую роль?

А. Ф.: Я бы сказала, что в разные жизненные периоды это были различные люди.

То, что я в своё время выбрала именно филологический факультет, было обусловлено всем укладом жизни нашей семьи, тем, что я росла среди книг. Моя мама успела получить гимназическое образование – до того как гимназии были ликвидированы советской властью – и по зову души поехала учительствовать в сельскую школу (в Березовский район Пермской области). А там, как во множестве тогдашних сельских школ, все предметы во всех младших классах вёл один учитель. И уже тогда, в двадцатые годы, начала собираться наша домашняя библиотека.

Папа, хотя и не был филологом, был страстным поклонником книги. Издания 40-х-50-х годов, первые подписные издания – это уже папины заботы и старания. Книги по подписке мы получали все годы, пока существовала подписка, поэтому у нас есть собрания сочинений почти всех русских и зарубежных классиков, книги советских авторов, а со времён моего студенчества наша библиотека стала пополняться и теми книгами, которые интересовали меня. Так что филологом сделали меня мои родители, и я им очень за это признательна. А в том, что я ещё в студенчестве стала заниматься зарубежной литературой, заслуга Александра Андреевича Бельского. Именно его лекции по английской литературе, исключительно обстоятельные и глубокие, определили и тему моей дипломной работы – романы Дж. Олдриджа, и то, что выполнялась эта работа под руководством Александра Андреевича.

И.: Но Ваша диссертация посвящена социально-философской фантастике Г. Уэллса. Как произошёл этот поворот в Ваших научных интересах?

А. Ф.: А это случилось благодаря тому, что мне посчастливилось стать соискателем у Юлия Иосифовича Кагарлицкого. Это блестящий лектор (я прослушала в ГИТИСЕ его курс истории зарубежной драмы) и исключительно интересный учёный. Его лекции и исследования восхищают (а иногда и поражают) необыкновенной интеллектуальной свободой, незашоренностью взглядов, оригинальностью сопоставлений и параллелей... Я бы сказала, это не только учёный, но и вообще *человек мирового уровня!* Одним из первых в Советском Союзе Юлий Иосифович стал заниматься исследованием социально-философской фантастики, а его увлечённость передавалась и его ученикам.

И.: И Ваше последующее обращение к антиутопии – тоже *оттуда?*

А. Ф.: Отчасти – да. Поскольку антиутопия – это тоже область социально-философской фантастики. Но здесь сыграло свою роль и само время. Ведь об антиутопии можно говорить как о новом жанре, который в XX веке оказался востребованным самыми разными национальными литературами. Оруэлл, Замятин, Хаксли, Бредбери, Войнович... Их творчество оказалось очень *ко времени*. К этому времени сложился новый тип сознания, тип сознания человека именно XX века, пережившего универсализм, глобализм, тоталитаризм, фашизм... Ко второй половине XX века с ужасающей ясностью обнаружилось, что человек есть существо, зависимое от системы, подавляемое и подчиняемое ею. И как неотвратима зависимость общества от ИДЕИ (увы, зачастую бредово-трагической), способной привести к фашизму, сталинизму и – не дай бог – к каким ещё «измам». И антиутопия *предупреждает*...

И.: Хочется надеяться, что предупреждённое человечество сильнее непредупреждённого... А есть ли у Вас, Аделаида Фёдоровна, любимые лекционные курсы?

А. Ф.: Я бы назвала как раз спецкурс «Антиутопия XX века» и курс «Литература рубежа XIX-XX веков». Кстати, когда я была на ФПК в МГУ, я прослушала подобный курс (о литературе рубежа веков) в великолепном исполнении Нины Павловны Михальской, а курс античной литературы – в исполнении *самой* Азы Алибековны Тахо-Годи. Это ещё к вопросу о моих Учителях.

И.: А что Вам в настоящее время, прямо буквально сегодня, приносит наибольшую радость?

А. Ф.: Я несколько расширю рамки Вашего вопроса. Сегодня смысл моей жизни, мои надежды и моё счастье – это моя семья. Муж, дети, внуки. Но ни с чем несравнимую радость, уже именно радость, мне доставляет самый младший член нашей семьи, трёхлетний Ромочка, – своими суждениями и высказываниями. Ну, посудите сами (прихожу просто то, что сразу всплыло в памяти):

– Мама, ты меня любишь?

– Конечно, Ромочка!

– Тогда почему ты меня в садик отдала?

– Мама, постряпай мне оладушек.

– У нас муки нет дома, Ромочка.

– А ты по сусекам поскреби, по амбарам помети – вот и наберёшь.

– Сегодня, Рома, очень холодно на улице.

– Папа, я в курсе.

(В квартире неожиданно гаснет свет).

– Мама, не бойся! Я с тобой!

– Ромочка, ты очень испугался? (Вопрос задан после того как у старшего брата Ромы, 13-летнего Сережи, хулиганы пытались отнять сотовый телефон).

– Да нет... Я хотел его [напавшего] лопаткой стукнуть [игрушечной], да не достал. Очень уж он высокий...

И.: Да, ещё один настоящий мужчина в Вашей семье растёт... Аделаида Фёдоровна, а что Вам самой хотелось бы сказать в этом интервью?

А. Ф.: Очень непростой вопрос... Вот, пожалуй, что я скажу: я всегда относилась к своей работе с любовью. Именно *с любовью*.

... ..

А дочка, мы нежно любим Тебя!

Дорогая Аделаида Фёдоровна, спасибо Вам!

¹ По правде говоря, я не являюсь АВТОРОМ данной статьи, я лишь собиратель материала и отчасти редактор. А подлинные авторы – это выпускники филологического факультета разных лет, учившиеся с Аделаидой Фёдоровной или у Аделаиды Фёдоровны.

² Полякова Е.Н. Язык детских игр и региональная лексикология // Филологические заметки: Межвуз. сб. научн. трудов. – Пермь; Любляна, 2003. – Вып. 2. Ч. 1. – С. 196-206.

³ Так назывался микрорайон Перми, территория которого очерчивалась изгибом речки Данилихи, Казанским трактом (теперь – Шоссе Космонавтов) и поймой Маленькой речки, протекавшей параллельно нынешней улице Блюхера и впадавшей в Данилиху (теперь речка спрятана под бетон).

⁴ Теперь в этом здании на улице Голева размещаются начальные классы школы № 25.

⁵ Филологический факультет: события и люди. – Пермь, 2011. – С. 604.

⁶ Там же. С. 156.

⁷ Там же. С. 247.

⁸ Взойди, звезда воспоминанья! – Пермь, 2006. – С. 311.

⁹ Там же. С. 316.

О. В. Гордеева,
доцент кафедры русского языка
Пермского государственного
педагогического университета

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ПОЛЯКОВА

Полякова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славянского языкознания, основатель и руководитель научного направления «Региональная лексикология, лексикография и ономастика». Материалом изучения является лексика говоров и ономастика Пермского края разных эпох.

Елена Николаевна исследует историю лексики русского языка, историю разных имён собственных. Познавать тайны слов – увлекательнейшее занятие, позволяющее понять сущность вещей. Уметь видеть необычное в обычном, увидеть интересное в том, что тебя окружает, задавать вопросы «почему», искать и находить на них ответы – это замечательное качество, делающее жизнь живой, интересной. Слова рассматриваются в различных аспектах: этимологическом, этнолингвистическом, историко-лингвистическом, культурологическом; изучаются тематические группы слов, делается палеографическое описание местных рукописных памятников, создаются различные словари и т.д.

А начиналось все в детстве, в семье.

В роду у Елены Николаевны были учителя, священники, служащие.

Мама Елены Николаевны – Мария Алексеевна Попова (урождённая Целебровская). Бабушка – Татьяна Романовна Омирова закончила Саратовское епархиальное училище, служила учительницей в приюте до замужества. Дедушка – Алексей Иванович Целебровский преподавал изящную словесность и педагогику в Саратовской семинарии, епархиальном училище и гимназии. Он умер, когда дочери было 2 года. Вторым мужем бабушки был Иван Алексеевич Покровский, приехавший в Саратов после окончания Казанского ветеринарного института.

Прадедушка Роман Гаврилович Óмеров сначала был сельским учителем словесности, потом дьяконом. Прапрадед Гаврила Смирнов и его отец были из духовенства. Родители Надежды Николаевны Соколовской, жены Романа Гавриловича Óменова, – Николай Андреевич Соколовский, служащий при конторе соляных промыслов, и Татьяна, дочь чиновника соляного промысла Павла Головачева (прапрадед и прапрабабушка Елены Николаевны). Семья жила в Саратове.

Папа Елены Николаевны – Николай Алексеевич Попов. Он родился в городе Саратове в семье преподавателя семинарии Алексея Александровича Попова и его жены Ольги Ивановны (урождённой Толмачевой). Алексей Александрович Попов был родом из Твери, из семьи духовного звания, учился в Петербурге в Александро-Невской лавре, преподавал в семинарии в Саратове, в Рязани, снова в Саратове. Ольга Ивановна родилась в Бежецке (город относился то к Новгородской, то к Тверской землям) тоже в семье из духовенства, училась в Царскосельском институте девиц духовного звания.

Родители Елены Николаевны познакомились в Саратове. Папа учился в Саратовском университете, но из университета его изгнали, потому что он был из семьи преподавателя семинарии. Ему пришлось уехать туда, где его никто не знал. Так он оказался в Ленинграде, поступил на работу в Гипроводречтранс (Государственный институт проектирования речного транспорта), был геодезистом на строительстве Беломорско-Балтийского канала, учился заочно в Ленинградском институте инженеров водного транспорта. Мама Елены Николаевны очень хотела учиться на филологическом факультете университета, но детей из семей духовенства в университет в те годы не пускали, поэтому она поступила на курсы иностранных языков, училась на немецком отделении, а потом на французском. Её обучение закончилось в 1931 г., после чего она уехала к мужу в Павловск.

Елена Николаевна родилась 26 мая 1932 г. в городе Саратове (её мама приехала к своим родителям, чтобы после рождения ребёнка они могли ей помочь). Через 4 месяца мама и дочка вернулись в Павловск. В Павловске и прошло детство Елены Николаевны.

Как семья оказалась в Перми?

Елена Николаевна так рассказывает об этом: *«После расстрелов 1937 г. и уничтожения специалистов и результатов их работы по обслуживанию речных путей возникла угроза того, что обмелевшие реки страны не смогут пропускать речной транспорт без специальной подготовки к навигации. Во многих бассейнах готовить навигацию было некому. И тогда молодым специалистам-водникам предложили хорошие (по тем временам) условия работы и жизни «на ли-*

нии». Папа принял это предложение, и родители выбрали Пермь, Каму... Здесь была интересная работа, перспектива профессионального роста: в итоге папа многие годы работал главным инженером Камского БУПа (Бассейнового управления пути), т.е. всей Камы. Было ещё одно условие нашего переезда: по мнению моих родителей, город должен был быть университетским, чтобы дети смогли получить высшее образование... Предоставляли жильё – тогда это была комната (квартиры практически не давали). Но это была уже не съёмная комната. Коллеги уговаривали папу отказаться от этой затеи, остаться в Ленинграде, но родители приняли решение переехать».

С 1938 г. Елена Николаевна живёт в Перми. Семье дали комнату в пятиэтажном доме на улице Коммунистической (сейчас возвращено старое название – Петропавловская). Дом строили для специалистов речного транспорта, поэтому его и называли в просторечии Дом водников.

В 1939 г. в семье Поповых появился ещё один ребёнок – Михаил.

В 1940 г. Елена Николаевна пошла в школу № 26.

Елена Николаевна вспоминает: «*Меня привели в школу лишь в октябре. Когда мы с учительницей Ниной Георгиевной Третьяковой вошли в класс, ученики дружно произнесли: «Ляля» – моё домашнее и дворовое имя. Мне очень хотелось перейти на официальное неполное имя «Лена», но класс более чем наполовину состоял из жителей нашего дома, а их я не смогла ни попросить, ни предупредить об этом. Так и осталась в школе с домашним именем. С ним переходила из школы в школу, потом пришла учиться в университет, с ним и живу в университете до сих пор...».*

И ещё из воспоминаний о том времени: «*Название самой речки (Егошихи) меня не удивляло, но почему огромный овраг, внизу которого она текла, называли не оврагом, а догом, это было и непривычно, и непонятно. Севернорусская диалектная лексика нередко ставила меня в тупик, моё пермское происхождение сказывалось на моей речи. Почему, например, двор называется оградой, тем более что у него и ограды-то (ограждения) никакой нет? Почему вместо гулять надо говорить бегать в ограде? Почему вареники с мясом называют пельменями, а ледяную горку – катушкой? Таких почему у меня в первые годы жизни в Перми было немало». Ответы на эти детские вопросы потом найдутся, и об этом будут интересные статьи и книги Елены Николаевны.*

В 1941 г. началась война. В школе № 26 разместили госпиталь, 2 года Елена Николаевна училась в железнодорожной начальной школе № 6 (школа была в доме, где учился писатель Ф.М. Решетников), в

1943 г. вернулась в школу № 26, которая после введения раздельного обучения стала женской школой.

1945 г. – война закончилась. Школу № 26 объявили семилеткой. Для многих образование на этом заканчивалось, так как с 8 класса обучение было платным. Елена Николаевна с 8 класса училась в школе № 17.

Елена Николаевна с большим уважением относится к труду учителя, понимая, как личность учителя влияет на воспитание человека. С огромной благодарностью она вспоминает Александру Клементьевну Новокрещенову, преподавателя истории и классного руководителя в школе № 26. Именно тогда у Елены Николаевны появился интерес к истории древних государств, к таинственным письменам, которые расшифровывались учёными... *«Я очень любила уроки истории, и мне казалось, что когда вырасту, постараюсь стать преподавателем истории. Я, правда, ничего не знала тогда о развитии языка, и стала в итоге действительно преподавателем истории, но истории литературного и живого русского языка».*

Другой преподаватель, оказавший очень сильное влияние на Елену Николаевну, – Вера Соломоновна Фан-Юнг, преподаватель русского языка и литературы из школы № 17. *«В нашем классе было 25 школьников, после окончания школы 7 человек из них поступили в вузы, чтобы получить филологическое образование... Все мы свяжем свою жизнь с преподаванием, с книгами, с литературой, и, конечно, большую роль в этом сыграли уроки Веры Соломоновны... Вера Соломоновна задавала нам домашние сочинения на свободные темы, которые позволяли раскрывать наш мир, наши планы и надежды. Так, в 10 классе было задано сочинение на тему «Бойцы вспоминают минувшие дни», в котором мы должны были «вспомнить», что происходило с нами после окончания школы. Помню, я написала о том, что стала журналистом, живу и работаю на Севере. Откуда пришла любовь к Северу, на котором я не была? Из книг (“Земля Санникова” и др.) и журналов, а также из таких фильмов, как “Семеро смелых”», – вспоминает Елена Николаевна.*

Но главными учителями были родители. Именно родители научили своих детей беречь и ценить то хорошее, что имеешь, дети получали от них навыки для будущей жизни. Елена Николаевна видела, как родители любили свою работу, как ответственно и серьёзно относились к любому делу. Родители и в детях воспитывали трудолюбие, ответственность, обязательное доведение дела до конца, приучали к тщательности выполнения работы. Елене Николаевне очень нравилось бывать на маминой работе – в библиотеке имени Горького, где она

видела, как мама работает с каталогами, с картотекой, нравилось плавать с папой на пароходе, потому что папа по пути все очень понятно объяснял, как все устроено, где они плывут, как называются эти места... Мама Елены Николаевны приносила домой интересные книги по истории, дома книги читали и обсуждали. Хотелось быть библиотекарем, выдавать книги, как мама, ездить в экспедиции, уметь кратко и ясно объяснять все, как папа. Мечты сбудутся: потом в квартире Елены Николаевны будет «филиал Горьковки», и она будет выдавать редкие книги и диссертации студентам и аспирантам, будут и многочисленные экспедиции, и лекции...

В 1950 г. Елена Николаевна Попова окончила школу с золотой медалью, поэтому она могла поступать в вуз без экзаменов. Она хотела быть журналистом, поэтому подала документы на историко-филологический факультет Молотовского государственного университета (город Пермь в период с 1940 по 1957 год назывался Молотовым). В приёмной комиссии ей сказали, что с таким аттестатом нужно изучать физику, математику или химию, но выбор уже был сделан.

Готовясь к профессии журналиста, Елена Николаевна сразу начала сотрудничать в университетской сатирической газете «Перец», затем в многотиражке «Молотовский университет».

Через год студентка решила перейти с историко-филологического факультета на физико-математический, так как ей казалось, что она получает мало знаний по профессии. Но было известно мнение родителей, которые сказали бы так: «Если пошла учиться, то надо учиться. Где гарантия, что на новом месте будет лучше?» Елена Николаевна дома ничего не сказала, думала, что делать.

А потом на 2 курсе к студентам пришла доцент Ксения Александровна Фёдорова, начались занятия по исторической грамматике русского языка. Древнерусский язык сравнивался со старославянским. Оказалось, что это очень интересно, и с историко-филологического факультета уже никуда не хотелось уходить. Ксения Александровна Фёдорова была строгим, требовательным преподавателем, но студенты любили её, называли ласково Ксеничкой. И потом, когда надо было выбирать руководителей для курсовой работы, все лингвисты пошли писать курсовые к Ксении Александровне.

Ксения Александровна дала Елене Николаевне тему для курсовой работы – «Названия денежных единиц в Древней Руси». На основе курсовой был сделан и доклад на научной конференции.

Елена Николаевна успешно училась, была именовым стипендиатом стипендии имени Молотова (на 3 курсе), стипендии имени Сталина (на 4 и 5 курсах).

На 4 курсе Ксения Александровна принесла на спецсеминар свитки с нерасшифрованными текстами деловых документов XVII в., хранящимися в краеведческом музее. Тексты были написаны скорописью. К. А. Фёдорова предложила желающим заняться исследованием этих текстов. Елену Николаевну это очень заинтересовало. Результатом стала дипломная работа, посвящённая палеографическому и лингвистическому описанию шадринской рукописи XVII в. Многоаспектное исследование лексики и ономастики местных памятников письменности стало делом всей жизни Елены Николаевны.

В 1955 г. Елена Николаевна Попова окончила университет и получила распределение в аспирантуру Института русского языка АН СССР. Она поехала в Москву, сдала все документы, а потом вернулась в Пермь.

В Перми её ждал Юрий Поляков. Юрий учился на одном курсе с Еленой Николаевной. Он был историком, она – филологом-лингвистом.

В семье Елены Николаевны знали о Юре, о любви выпускников. Родители хотели, чтобы дочь училась в Москве, но на большом семейном совете решили, что любовь и семья важнее.

В августе 1955 г. Елена Николаевна вышла замуж за Юрия Алексеевича Полякова и вместе с ним уехала по его распределению на Алтай.

Село Березовка Краснощековского района Алтайского края растянулось вдоль речки Березовка в степи. Молодым специалистам, приехавшим в школу, дали половину небольшого дома. Пришлось познакомиться с деревенским бытом: утеплять дом, окапывая его землёй, топить кизяком печь, делать лепёшки из муки, потому что хлеб не продавали... Юрий Алексеевич вёл историю, Елена Николаевна – литературу и русский язык.

В 1956 г. супруги вернулись в Пермь. В Перми своего жилья не было. В отделе культуры Юрий Алексеевич спросил о музеях, где была бы работа для археолога. На выбор были предложены музеи в Чердынском, Соликамском, Осинском, Кунгурском районах. Супруги решили ехать в Кунгур, так как это ближе всего к Перми, ближе и к родителям Юрия Алексеевича, которые жили в Кунгурском районе.

Муж Елены Николаевны вышел на работу в местный музей. Елена Николаевна смогла найти работу преподавателя русского языка и литературы в сельскохозяйственном техникуме. Сотрудники техникума помогли устроиться на квартиру. Хозяин квартиры Василий Васильевич Козюков работал на Кунгурском кожевенно-обувном комбинате, сказал, что при комбинате есть свой техникум, нужен филолог.

Елена Николаевна устроилась на работу и в Кунгурский вечерний кожанно-обувной техникум.

В семиметровой комнате Елена Николаевна и Юрий Алексеевич прожили три года. Муж работал в музее и в кожанно-обувном техникуме, Елена Николаевна – в двух техникумах. Студенты в техникумах были очень активные, им было все интересно, они задавали много вопросов. Муж принёс пишущую машинку, Елена Николаевна выучилась печатать и печатала для музея.

В апреле 1959 г. Елена Николаевна приехала в Пермь, 2 мая 1959 г. родился сын Саша. Перед рождением сына семья получила комнату в Кунгуре.

В 1960 г. семья переехала из Кунгура в Пермь. Юрий Алексеевич постоянно участвовал в археологических экспедициях, его пригласили на преподавательскую работу в Пермский государственный университет. Елена Николаевна начала работать в университете лаборантом общеуниверситетской кафедры иностранных языков. Кафедрой, в состав которой входило 60 человек, заведовала Екатерина Осиповна Преображенская. От этой кафедры отделилась кафедра английского языка, в это же время историко-филологический факультет разделился на филологический и исторический факультеты, параллельно начинало формироваться романо-германское отделение филологического факультета.

Филологический факультет и кафедры иностранных языков из 2-го корпуса перевели в корпус 8-го общежития. Елена Николаевна помогла своей кафедре переехать на новое место, а потом перешла работать лаборантом на кафедру русского языка и общего языкознания, которой заведовала Мария Александровна Генкель. Нужен был сотрудник словарного кабинета, где активно велась работа по составлению Акчимского словаря под руководством Франциски Леонтьевны Скитовой.

В 1961 г. Елена Николаевна поступила в аспирантуру при Уральском государственном университете в Свердловске (в Пермском университете аспирантуры на филологическом факультете в те годы не было). Она успешно сдала экзамены. После сдачи экзаменов её попросили зайти к декану И. А. Дергачеву. Елена Николаевна поступала в заочную аспирантуру, а её зачислили на дневное отделение. Филологическому факультету нужны были историки языка, историкам были нужны археологи, поэтому Елене Николаевне и её мужу предложили переехать в Свердловск. Но супруги после нескольких лет жизни вне Перми уже не хотели уезжать из Перми, где были родители, друзья, интересная работа в родном университете. Научным руководителем Елены Николаевны стала доцент УрГУ Александра Петровна Громова.

Елена Николаевна работала в словарном кабинете, писала диссертацию, стала ассистентом и начала вести занятия по курсам «Введение в языкознание», «История русского литературного языка» и др.

В 1967 г. Елена Николаевна Полякова закончила писать кандидатскую диссертацию «Шадринская рукопись 1687–1688 гг. как памятник делового языка XVII века», которую защитила в Ленинградском государственном университете в 1968 г. В диссертации решалась теоретическая проблема о статусе делового языка XVII века.

Поступая в аспирантуру, Елена Николаевна знала, что после описания шадринской рукописи она займётся поиском и исследованием пермских памятников. Когда они с мужем жили в Кунгуре, к ней обратились сотрудники Пермского краеведческого музея с просьбой раздобыть старинные свитки. Оказалось, что текстов, записанных на территории Прикамья, в коллекции музея не так много (около 30). В основном были представлены сибирские тексты. Где же находятся пермские рукописи? Когда семья переехала в Пермь, в Кунгурский краеведческий музей от частного лица поступили свитки, и сотрудники этого музея обратились к Елене Николаевне с просьбой разобрать эти рукописи. Так начинался сбор и исследование именно пермских текстов. Изучение пермских текстов, сопоставление их с материалами современных местных говоров и просторечия давало возможность анализировать язык Пермского региона в историческом аспекте. Этой темой никто в те годы не занимался, литературы по данному вопросу было очень мало. А Елене Николаевне было очень интересно работать в этом направлении, находить удивительное в том, что находится рядом – в местных словах, в которых своеобразно отражается история и культура. У каждого слова свои тайны, свои загадки...

Елена Николаевна начала искать пермские памятники в архивах, музеях, библиотеках разных городов нашей страны. Большое количество пермских текстов хранится в Москве в Российском государственном архиве древних актов и Российской государственной библиотеке, в Санкт-Петербурге в архиве Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук. В Пермском крае пермские рукописи находятся в Чердыни, Соликамске, Кунгуре. Общий объем рукописей составляет несколько тысяч страниц.

Елена Николаевна вспоминает: *«Ксерокса тогда не было, иногда можно было заказать фотоплётку со снимками текстов, рассматривать которую можно было через специальное приспособление, но чаще всего приходилось расшифровывать и переписывать от руки через копирку сотни деловых документов... Речи истцов, ответчиков, сви-*

детелей, продавцов, покупателей позволили в какой-то степени «войти» в жизнь людей Прикамья XVI–XVIII веков».

С 1968 по 1971 г. старший преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания Елена Николаевна была заместителем декана филологического факультета по дневному отделению. Деканом факультета в то время был Соломон Юрьевич Адливанкин. Елена Николаевна 4 года отвечала за обучение, самодеятельность, общежития, распределение стипендий, выезды в колхоз, субботники... Организационная работа была ей хорошо знакома: в школе № 17 Елена Николаевна с 9 класса была секретарём комитета комсомола школы, на 1-м курсе университета – комсоргом группы, на 2-м курсе – членом факультетского бюро, с 3-го курса в университетском комитете комсомола отвечала за студенческую науку...

Работа заместителем декана требовала постоянного присутствия на многочисленных заседаниях. Елена Николаевна начала на заседаниях писать карточки для своей картотеки. Сиделась куда-нибудь в уголок, слушала докладчиков и попутно выполняла монотонную механическую работу: на карточках указывалось слово, год фиксации, название пермского памятника письменности, страница, строка, на которой фиксировалось слово... Потом эти карточки складывались в картонные коробочки из-под сахара, коробочки эти хранятся у Елены Николаевны дома, дома она и работает с картотекой. Эта картотека (более 100 тысяч карточек) стала основой для различных региональных словарей, созданных Еленой Николаевной позже.

Было интересно исследовать не только нарицательную лексику, но и различные имена собственные, которые фиксировались в памятниках. Когда Елена Николаевна работала в Кунгуре, её внимание привлекли необычные названия рек и населённых пунктов. Но что с этим делать, тогда было не совсем понятно. Однажды кафедре необходимо было отправить кого-нибудь на семинар по топонимии при Всесоюзном географическом обществе. Желаящей оказалась Елена Николаевна. Семинар вёл Владимир Андреевич Никонов, увлечённый пропагандист науки ономастики, замечательный исследователь имён собственных, крупнейший специалист в этой области, организатор различных конференций, редактор многочисленных научных сборников, автор книг по ономастике. В течение нескольких недель было много интереснейших лекций, занятий, на которых обсуждались и разрабатывались единые правила сбора ономастики во всех регионах Советского Союза, методы исследования различных групп имён собственных, вопросы классификации, вопросы места ономастики среди научных дисциплин и т.д. Елена Николаевна в то время познакомилась с

А. В. Суперанской, Е. М. Поспеловым, Э. М. Мурзаевым и многими другими исследователями имён собственных. Этот и другие семинары активизировали работу в регионах.

В университетах и институтах стали складываться центры изучения ономастики. В Перми изучением имён собственных в те годы занимались не только филологи (А. С. Кривошекова-Гантман, Е. Н. Полякова), но и историки (В. А. Оборин, Г. Н. Чагин), географы (Ю. Г. Вылежнев). Проводились интересные дискуссии, например, о пермской чуди.

В Уральском государственном университете в те годы формировалась топонимическая школа под руководством Александра Константиновича Матвеева. Е. Н. Полякова бывала в Свердловске по аспирантским делам, тогда и познакомилась со свердловскими исследователями ономастики. Сотрудничество с коллегами из Уральской ономастической школы продолжается до сих пор.

Когда Елена Николаевна стала исследовать структуру и происхождение топонимов Пермской области, то поняла, что необходимо изучить антропонимы, так как большая часть географических названий образована от имён, фамилий и прозвищ людей. Елена Николаевна читала летописи, изучала публикации новгородских грамот, выписывала антропонимы из местных памятников письменности и т.д. Результатом проделанной работы стала книга для учащихся «Из истории русских имён и фамилий», вышедшая в 1975 г. в Москве в издательстве «Просвещение». Сначала предполагалось, что будет издаваться учебное пособие по спецкурсу для студентов, но потом планы издательства менялись, и Елене Николаевне предложили сделать книгу для школьников. В книге рассматривается история русской антропонимии. В описании антропонимов до XV–XVI вв. используются общерусские материалы, а в описании антропонимов, функционирующих с XVI–XVII вв., есть много примеров из пермских материалов, которые иллюстрируют то, что в региональной русской антропонимии отражаются все тенденции общерусской антропонимии.

Эту научно-популярную книгу, вышедшую несколько десятков лет назад, с удовольствием читают и современные читатели, удивляясь тому, как много интересного можно узнать о самых обычных словах. Необходимо отметить, что Елена Николаевна умеет доступно и ясно, просто и понятно изложить самый сложный лингвистический материал (и не только лингвистический).

Исследование топонимов какой-либо территории требует изучения истории и географии региона. Географические наименования возникли в речи местных жителей, следовательно, нужно изучать язык

тех народов, которые проживали и проживают на исследуемой территории.

Основами многих русских топонимов являются географические термины – нарицательные слова, называющие географические объекты. Состав географических терминов в каждом регионе будет иметь свои особенности, так как слова отражают разные реальные географические черты территорий. Елена Николаевна начала работу по сбору географических терминов, функционирующих в речи жителей Пермского края.

Для сбора лексики современных пермских говоров (нарицательных слов и различных имён собственных) необходимо выезжать в экспедиции. Самая первая экспедиция Елены Николаевны была в студенческие годы – это было лето 1953 г. Студенты собирали сведения по фонетике и грамматике говоров Чердынского района. Потом были многочисленные экспедиции по самым разным районам Пермской области, обследованы населённые пункты в Чердынском (Пянтег, Камгорт, Вильгорт, Бигичи), Красновишерском (Акчим, Мутиха, Вая), Соликамском (Чашкино, Родники), Ильинском (Назарово), Добрянском (Бутыры), Карагайском (Обвинск), Оханском (Острожка, Горюхалиха), Осинском (Пещеры, Верх–Пещерка, Ирьяк, Мостовая), Частинском (Змеевка, Махони) и других районах. Елена Николаевна участвовала в диалектологических экспедициях филологов, а в своё свободное время ездила в археологические экспедиции вместе с мужем. Когда археологи были на раскопках, Елена Николаевна уходила в ближайшие населённые пункты и записывала речь местных жителей. Историческая информация от археологов помогала при анализе современных данных.

Так и сформировались основные направления научной деятельности Елены Николаевны: исследования в области истории языка, диалектологии и ономастики, опирающиеся на региональные пермские материалы.

Результаты научной деятельности представлены в статьях Е. Н. Поляковой, которые публиковались в материалах конференций, сборниках «Живое слово в русской речи Прикамья», «Вопросы лингвистического краеведения Прикамья», «Языки и ономастика Прикамья», «Вопросы ономастики», «Литературный язык и народная речь», «Лингвистическое краеведение Прикамья» и др.

В 1975 г. Елена Николаевна получила звание доцента. В этом же году она была переведена на должность старшего научного сотрудника для написания докторской диссертации.

Елена Николаевна Полякова написала докторскую диссертацию «Лексика пермских памятников XVII – начала XVIII века (к проблеме делового языка как функциональной разновидности русского литературного языка)», которая была успешно защищена в Ленинградском университете в 1983 г.

В 1984 г. Елена Николаевна получила документы о присвоении учёной степени доктора филологических наук, с 1985 г. Елена Николаевна Полякова – профессор кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

В 1984–1985 учебном году Елена Николаевна Полякова работала деканом филологического факультета во время командировки Тамары Ивановны Ерофеевой.

Научная деятельность Елены Николаевны успешно сочетается с преподавательской. В разное время разрабатывались и читались курсы по различным классическим филологическим дисциплинам: «Морфология современного русского языка», «Методика преподавания русского языка», «Введение в языкознание», «Историческая грамматика русского языка», «Древнерусский язык», «Польский язык», «История русского литературного языка» (основной курс с 1964 г.), «Введение в славянскую филологию» (основной курс с 1977 г.). Опираясь на собственные исследования, Елена Николаевна разработала спецкурсы «Русская палеография», «Историческая лексикология русского языка», «Русская ономастика», «Русская антропонимия в школе», «Этимология антропонимов», «Топонимия Прикамья», «История русской антропонимии», «Лингвистическое краеведение Прикамья», «Славянское языкознание», «Региональная лексикология и ономастика» и др.

Лекции Елены Николаевны – это образец классических академических университетских лекций. *«Кто слушал лекции Елены Николаевны, тот скажет, что они не имеют внешнего блеска, не искрят эффектным приёмом. Спокойно и вдумчиво, взвешенно и очень по-человечески тепло подаёт Елена Николаевна материал, увлекая не столько формой изложения, сколько фундаментальностью содержания, делая студентов соучастниками великих и малых открытий, пробуждая в них инстинкт научного поиска»,* – так говорят ученики Елены Николаевны И. И. Русинова и Т. А. Сироткина, и с этим соглашались многие.

Научная работа оказывала влияние и на учебно-методическую работу. Елена Николаевна разработала для студентов-заочников программу собирания географических терминов, с помощью которой за многие годы было обследовано несколько сотен населённых пунктов Пермского края. К сбору слов учителя-заочники привлекали школьни-

ков, студенты увлечённо писали и защищали курсовые, дипломные работы. Студенты дневного отделения в конце 80-х годов изучали списки населённых пунктов разных лет, выявляли топонимы с определёнными формантами или основами, делали карты для Топонимического атласа Пермской области. Карты наглядно представляли ареалы употребления слов, демонстрировали исторические изменения ареалов. Лингвокраеведческое направление хорошо тем, что человек, собирая местные слова и изучая историю этих слов, начинает по-другому смотреть на окружающий его мир, ему становится интереснее жить.

Собранный материал был обобщён Еленой Николаевной и опубликован в виде научно-популярной книги «От “арайны” до “яра”»: Русская народная географическая терминология Пермской области», вышедшей в Перми в 1988 г. В этой книге анализируется происхождение общерусских и диалектных географических терминов, а также даны сведения о функционировании слов в пермских памятниках и в современной речи.

В Пермском книжном издательстве в 1991 г. вышла ещё одна научно-популярная книга Е. Н. Поляковой – «Память языка: Рассказы о лексике пермских памятников письменности и говоров». В рассказах с забавными заголовками («Чудь, чуды, чучканы», «Изба о два жира», «Что носили модницы в XVII веке», «Что такое непроливашка?») и т.п.) рассматриваются важные вопросы о том, как слова отражают быт, нравы, обычаи людей, живших в разное время на территории Прикамья, как взаимодействуют слова разных языков, как изучение истории обыкновенных слов помогает уточнять историю, географию, этнографию Прикамья.

Научная работа и преподавательская деятельность – это только часть жизни Елены Николаевны. Другая очень важная часть жизни – это семья. В жизни семьи было и хорошее, и грустное.

Решили квартирный вопрос. Сначала купили пристройку в старом доме, потом зарабатывали деньги на кооперативную двухкомнатную квартиру. В этой квартире жили до 1977 г.

Сын Александр учился в английской школе № 7, проблем с учебной не было. Он, как и его родители, занимался тем, что ему было интересно. А ему была интересна техника. Родители заметили этот интерес к технике и привели его во 2-м классе на станцию юных техников. После нескольких занятий выяснилось, что в кружок ходить рано, так как занятия начинаются только с 5-го класса. Сын расстроился, но терпеливо ждал 3 года. Выписывали много разных журналов («Наука и жизнь», «Юный техник», «Знание – сила», «Вокруг света», «Техника – молодёжи») и др.), родители вместе с сыном читали, обсуждали пуб-

ликации. Саша так был увлечён техникой, что смог увлечь и ещё 16 человек. Все пришли на станцию юных техников. После нескольких занятий оказалось, что по-настоящему интересно было только Саше. Он очень хорошо занимался, даже был направлен в Артек на 1-й слёт юных техников, проучился в Артеке целую четверть. За создание электрифицированной карты полезных ископаемых для ВДНХ Александр был награждён медалью.

Елену Николаевну должны были отправить в длительную командировку в Чехию, Югославию, Ливан преподавать русский язык. В то время многие учёные с удовольствием уезжали на временную работу в другие страны. Но Елена Николаевна по ряду причин не считала возможным ехать куда-то далёко на год или два: сына-подростка нежелательно оставлять без внимания, семья должна быть вместе, для научной работы нужны местные материалы и др. Отказаться от поездки «помогло» то, что по состоянию здоровья она не могла уезжать из Перми надолго.

По Советскому Союзу Елена Николаевна путешествовала много: надо было ездить работать в архивы, на научные конференции, на защиты своих диссертаций и потом на защиты в качестве официального оппонента, были поездки с семьёй на отдых, учеба на курсах повышения квалификации... Москва, Ленинград (теперь Санкт-Петербург), Пушкин, Павловск, Вологда, Днепропетровск, Свердловск (теперь Екатеринбург), Тобольск, Уфа, Казань, Саранск, Смоленск, Астрахань, Ульяновск, Киев, Калуга, Пенза, Барнаул, Томск, Великий Новгород, Владимир, Суздаль, Ясная Поляна, Спасское-Лутовиново, Евпатория, Юрмала, Саратов и др. С некоторыми населёнными пунктами Елена Николаевна сначала знакомилась по памятникам письменности, а потом уже приезжала туда. Так было с городом Шадринском, о котором Елена Николаевна узнала ещё в студенческие годы, когда работала над шадринскими рукописями. Когда-то этот город находился на территории Пермской губернии (поэтому рукописи и оказались в Пермском краеведческом музее), а сейчас город находится в Курганской области.

Во многих городах Елена Николаевна была не по одному разу. В поездках всегда было интересно знакомиться с историей, культурой и языком местного населения. Так, например, в 80-е годы XX века семья постоянно ездила отдыхать в Юрмалу на Балтийское море. Во время отдыха Елене Николаевне, преподающей «Введение в славянскую филологию», нравилось изучать культуру Латвии и латышский язык, так как латышский язык относится к балтийским языкам, которые являются ближайшими родственниками славянских языков в индоевропейской семье языков.

В любой семье со временем происходят изменения.

Через несколько лет после того, как у Елены Николаевны умер папа, родительскую квартиру и квартиру семьи Елены Николаевны обменяли на ту, в которой Елена Николаевна живёт до сих пор. В большой квартире жили не только Поляковы, но и мама Елены Николаевны и какое-то время тётя Елены Николаевны.

Сын Саша окончил школу, поступил в Пермский государственный университет на физический факультет, женился на сокурснице Марине.

В 1979 году у Елены Николаевны и Юрия Алексеевича появился первый внук – Юра, в 1983 г. семья сына обрадовала рождением второго внука – Алёши.

Сын со своей семьёй жил отдельно, но связь с семьёй родителей поддерживал постоянно. В тяжёлое для Елены Николаевны время сын и его семья были рядом. Поддержка сына была очень важна: за короткое время конца 80-х – начала 90-х годов Елена Николаевна потеряла очень дорогих близких людей – маму, мужа и брата.

Елена Николаевна не раз говорила, что в то трудное время её отчаяния спасала любимая наука и любимая работа.

В начале 90-х гг. Елена Николаевна продолжала работать над созданием различных словарей региональной лексики, обобщая ранее собранные и новые исследованные материалы.

Елена Николаевна является автором регионального исторического «Словаря пермских памятников XVI – начала XVIII века». Словарь в шести небольших томах выходил с 1993 по 2001 гг. Первые выпуски набирались на печатной машинке. В 1994 г. Елена Николаевна получила премию Сороса, часть средств пошла на покупку персонального компьютера. Работа на компьютере помогала готовить текст к печати быстрее.

В 1997 г. вышел словарь «К истокам пермских фамилий», в котором рассмотрена этимология 2,5 тысяч фамилий, упоминающихся в пермских памятниках XVI – XVII вв. Книга вызвала большой интерес не только у специалистов – историков языка и ономастологов, но и у обычных читателей, которые с удовольствием находили объяснение происхождения своих фамилий и фамилий своих знакомых.

Елена Николаевна писала словарные статьи и для других словарей. Так, например, её словарные статьи есть в выпусках «Словаря русского языка XI – начала XVII вв.», который издаётся в Москве в Академии Наук. Продолжалась работа в коллективе филологов Пермского государственного университета, работающих над созданием «Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской обла-

сти (Акчимский словарь)». Первый том вышел в 1984 г., последний шестой выпуск вышел из печати совсем недавно – в 2011 г.

В преподавательской деятельности Елены Николаевны начался новый период.

С 1985 г. по 2000 г. Е. Н. Полякова была членом специализированного совета по защите докторских диссертаций при Уральском университете.

В 1991 г. при Пермском государственном университете был создан диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по специальности 10.02.01 – Русский язык, 10.02.19 – Теория языка. Елена Николаевна до 2000 г. была заместителем председателя этого совета. С 2000 г. Е. Н. Полякова является членом действующего при Пермском государственном университете диссертационного совета по защите докторских диссертаций по специальностям 10.01.01 – Русская литература, 10.02.01 – Русский язык, 10.02.19 – Теория языка.

В сложные для России 90-е годы XX века у доктора филологических наук, профессора кафедры общего и славянского языкознания Елены Николаевны Поляковой появились первые аспиранты, стала формироваться научная школа. В аспирантуру приходили не только бывшие дипломники Елены Николаевны, но и ученики её коллег по кафедре – от историка языка Нонны Петровны Потаповой, от диалектолога Франциски Леонтьевны Скитовой, от преподавателя славянских языков Марины Александровны Поварницыной. Принимали в аспирантуру выпускников педагогического института. Аспиранты и соискатели со временем начинали называть себя учениками Елены Николаевны Поляковой, потому что многому смогли у неё научиться. Судьбы у аспирантов и соискателей сложились по-разному, но о научном руководителе Елене Николаевне все отзываются с благодарностью. Каждый может сказать, что Елена Николаевна относилась ко всем так, как строгая и добрая мама относится к своим детям, любя их, понимая и помогая.

Вместе со своими учениками и коллегами Елена Николаевна активно участвует в различных актуальных научных программах: в 1992–1995 гг. по программе «Университеты России» руководит темой «Пермский государственный университет как центр научного изучения региональных особенностей этнокультурных процессов на территории Западного Урала (язык, этнография, фольклор, литература)», в 1994–1995 гг. по гранту Международного научного фонда (Сороса) разрабатываются проблемы пермской антропониимии, в 1998 г. по гранту Госкомитета Российской Федерации изучается история формирования пермских говоров, по комплексной программе «Духовная

культура Урала» действует лаборатория «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте».

Под руководством Елены Николаевны Поляковой были написаны и защищены 10 кандидатских диссертаций. Работы учеников Елены Николаевны ведутся в направлении истории языка и ономастики, что отражено в названиях диссертаций: 1) Малышева Вера Артуровна «Топонимы и оттопонимические единицы в лексической системе одного говора (говора деревни Акчим Пермской области)» (1993г.); 2) Соколовская Лада Вениаминовна «История слов с корнем –ЛУК-/-ЛЯК- в русском языке XI–XX вв. (семантический аспект)» (1996); 3) Русинова Ирина Ивановна «Глагольные вербальные формулы в быличках севера Пермской области» (1996 г.); 4) Белова Лариса Александровна «Отвлечённые существительные в кунгурской деловой письменности середины XVII – начала XVIII в. (словообразовательный и стилистический аспекты)» (1997 г.); 5) Гордеева Ольга Владимировна «Русская гидронимия и ойконимия бассейна реки Обвы на Западном Урале» (1998 г.); 6) Сироткина Татьяна Александровна «Антропонимы в лексической системе одного говора и их лексикография в недифференциальном словаре (на материале говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области)» (1999 г.); 7) Медведева Наталья Владимировна «Антропонимия Прикамья первой половины XVII века в динамическом аспекте (на материале переписных документов по вотчинам Строгановых)» (1999 г.); 8) Семыкин Дмитрий Владимирович «Антропонимия чердынской ревизской сказки 1711 года (к проблеме становления официального русского антропонима)» (2000 г.); 9) Богачёва Мария Владимировна «Реконструкция русской апеллятивной лексики на материале ойконимии Пермской области» (2003 г.); 10) Шкураток Юлия Анатольевна «Развитие мифологической семантики у слов с корнями *vǣd– и *zpa– в русском языке» (2012 г.).

Ученики Е. Н. Поляковой работают не только в вузах Перми, но и в вузах других городов России.

Елена Николаевна всегда уделяла большое внимание вопросам подготовки кадров. С 1988 г. она была председателем Методического совета ПГУ, способствовала организации межвузовских методических конференций в университете.

С конца 90-х гг. XX в. Елена Николаевна в течение 9 лет работала в двух вузах сразу: Пермском государственном университете и в Пермском государственном педагогическом университете.

За полвека работы у Елены Николаевны Поляковой было около 500 дипломников, к каждому из которых она всегда находила индивидуальный подход.

А сколько дипломных работ, кандидатских и докторских диссертаций, авторефератов, учебников, учебных пособий, учебных программ прочитала Елена Николаевна! Сколько отзывов и рецензий пишется ежегодно! Как отмечают И. И. Русинова и Т. А. Сироткина, *«Елена Николаевна для многих любимый рецензент и оппонент, но не потому, что от неё легко получить хвалебный отзыв. Просто все знают: Полякова просто так, незаслуженно, не будет ни превозносить, ни ругать. Отзыв будет содержать максимально объективную оценку научного труда»*.

У Елены Николаевны есть истинное великодушие мудрого человека. Она никогда не обращается со студентами и аспирантами снисходительно или высокомерно, а всегда ведёт себя с ними, как с равными, веря в них, относясь к ним с уважением, учитывая их жизненный опыт и их реальные возможности, помогая каждому стать лучше. Это доброе отношение чувствуют все ученики Елены Николаевны, поэтому, наверное, и говорят с ней не только о науке и учёбе, но и о жизни, приходят к ней со своими избранниками, приводят потом в гости своих детей, советуются, обсуждают разные проблемы и учатся у своего Учителя мудрости, любви и умению быть счастливыми.

Многие согласятся со словами из юбилейной статьи И. И. Русиновой и Т. А. Сироткиной: *«Писать об Учителе Елене Николаевне Поляковой очень легко и одновременно очень трудно. Легко, потому что её присутствие в жизни многих учеников составляет не один десяток лет. Это годы счастливого учебного, научного и человеческого общения. За это время накопилось много впечатлений, которыми хочется поделиться с другими. А трудно писать потому, что, увлечись, можно сфальшивить, напеть дифирамбов, которые Елена Николаевна, будучи человеком скромным, никогда не приветствовала... Для многих Елена Николаевна ассоциируется с явлениями вечными и в то же время органичными. Её присутствие на кафедре, факультете, в нашем городе воспринимается так же естественно, как наличие солнца в небе. Есть оно – значит все в мире нормально, можно жить дальше... Все, кто выпорхнул из «гнезда Поляковой», могут сказать, что Елена Николаевна очень тёплый человек. Несмотря на вечный цейтнот, она всегда находит время на то, чтобы выслушать, дать совет, ободрить, поддержать. «Вы можете на меня рассчитывать»*,

– так просто и лаконично формулирует Елена Николаевна своё отношение к выросшим ученикам».

В начале 2000-х гг. в государственный стандарт образования вводится региональный компонент. Одна из бывших дипломниц Елены Николаевны, сотрудник Пермского областного института повышения квалификации работников образования Валентина Ильинична Шенкман обратилась в Пермский государственный педагогический университет с просьбой создать учебное пособие для учителей и школьников о речи жителей Прикамья. Статьи по изучению местной речи публикуются давно, но тиражи сборников небольшие, учителя из сел и деревень не всегда имеют возможность поработать с научными исследованиями в центральных библиотеках, необходимо адаптировать тексты для школьников. В педагогическом университете с 1998 г. читались курсы по лексике, фразеологии и ономастике Прикамья, разработанные Аидой Николаевной Борисовой, Клавдией Николаевной Прокосевой, Еленой Николаевной Поляковой, Ольгой Владимировной Гордеевой, Татьяной Александровной Сироткиной. Преподаватели ПГУ и ПГПУ откликнулись на эту просьбу, в результате в 2004 г. вышли учебное пособие для школьников «Русская речь Прикамья. Лингвистическое краеведение», программа и рабочая тетрадь, содержащие материалы для комплексного изучения пермских языковых особенностей. Составителем и ответственным редактором этого учебно-методического комплекта, организатором деятельности коллектива авторов (19 человек) стала В. И. Шенкман, а научным редактором учебного пособия и автором нескольких статей была Е. Н. Полякова. Доступно изложенный научный материал учебного пособия помогает учителям из разных районов Пермского края не только вести занятия по лингвистическому краеведению, но и организовывать научную деятельность школьников.

В 2002 г. в Перми вышла книга Елены Николаевны «Лексика и ономастика в памятниках письменности и в живой речи Прикамья: Избранные труды». Эта книга использовалась преподавателями по специализации «Литературно-лингвистическое краеведение», которая была введена на филологическом факультете педагогического университета в 2004 г. В 2006 г. Елена Николаевна написала учебное пособие для студентов Пермского государственного университета «Региональная лексикология и ономастика: материалы для самостоятельной работы». В пособии даны программа курса, список тем для самостоятельной работы и материалы для её выполнения – 35 статей Елены Николаевны, опубликованных ранее в различных научных сборниках. В

2009 г. вышло ещё одно учебное пособие Е. Н. Поляковой «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья».

К 75-летию Е. Н. Поляковой в 2007 г. кафедрой русского языка Пермского государственного педагогического университета была проведена Всероссийская научная конференция «Проблемы лингвистического краеведения».

В первом десятилетии XXI века Елена Николаевна Полякова руководит выполнением следующих научных проектов: 2003–2004 гг. – грант РГНФ «Региональная лексика и ономастика Пермской области», 2006–2007 гг. – грант РГНФ «Этимология и история региональной лексики и ономастики Пермского края», 2008–2009 гг. – грант РГНФ «Отражение истории и культуры в лексике и ономастике Пермского края», 2009–2011 гг. – грант АВЦП «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья».

Елена Николаевна является членом учёного Совета филологического факультета и учёного Совета Пермского государственного университета, членом диссертационного совета, членом редакционной коллегии журнала «Вопросы ономастики», который издаётся Институтом русского языка РАН и Уральским государственным университетом, членом редакционной коллегии журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология», главным редактором нескольких выпусков сборника научных статей «Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования».

С 1973 по 2008 г. Е. Н. Полякова являлась членом Комиссии по наименованию улиц и других объектов Перми при Пермской городской администрации, с 2008 по 2011 г. была членом Топонимического общественного совета при Пермской городской администрации.

Елена Николаевна Полякова награждена медалью «Ветеран труда», нагрудным знаком Минвуза СССР «За отличные успехи в работе», нагрудным знаком «Почётный работник высшего образования России», в 1998 г. стала первым лауреатом областной премии имени Л. Е. Кертмана в области гуманитарных наук, неоднократно была лауреатом года Пермского университета (по филологическому факультету) за научные работы в области пермской лексикологии и ономастики, в 2001 г. получила Почётное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

В списке научных трудов Е. Н. Поляковой в библиографическом указателе, который вышел к её 70-летию в 2002 г., было 166 публикаций, а через 10 лет в списке на начало 2012 г. насчитывается уже 260 публикаций.

Елена Николаевна является автором региональных словарей, в которые включается новый материал, полученный в результате исследований.

В 2005 г. вышел «Словарь пермских фамилий», который содержит анализ уже около 5,5 тысяч фамилий жителей Пермского края по данным памятников пермской письменности XVI–XVIII вв.

В 2007 г. опубликован «Словарь имён жителей Пермского края XVI–XVIII веков», содержащий более 1900 словарных статей.

В 2007 г. появился «Словарь географических терминов в русской речи Пермского края», в котором рассматривается более 1,5 тысяч общерусских и диалектных географических терминов. В словарь вошли материалы, собранные студентами Пермского государственного университета и Пермского государственного педагогического университета в разные годы. Представлены варианты слов, даны сведения об этимологии и функционировании в речи и памятниках письменности.

В 2010 г. был издан двухтомный «Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века». От предыдущего издания это издание отличается тем, что в основной текст были включены имена собственные, возникшие от нарицательных слов, которые в говорах имели особое значение.

В этом же 2010 г. вышла монография Е. Н. Поляковой «История имён жителей Пермского края в XVI–XVIII вв.», обобщающая результаты исследования истории антропонимии Прикамья по данным памятников письменности.

Филологи Пермского государственного университета, заканчивая работу над Акчимским словарём, приступили к созданию «Словаря русских говоров севера Пермского края». В 2011 г. вышел 1-й том, в подготовке которого Елена Николаевна принимала активное участие.

В настоящее время Елена Николаевна готовит к выпуску научно-популярную книгу «Старинные названия на карте города Перми». Книга будет интересна всем жителям города и края, так как в ней детально рассматриваются известные пермякам географические названия Пермь, Кама, Егошиха, Мотовилиха, Данилиха и др.

С 2011 г. тяжёлая болезнь Елены Николаевны не даёт возможности вести аудиторные занятия в университете, но научная работа продолжается. Елена Николаевна читает диссертации, монографии, пишет статьи, книги, отзывы, рецензии. К ней, как и раньше, приходят ученики.

С Еленой Николаевной по-прежнему рядом семья сына. Сын Александр после окончания университета работал в университетской

лаборатории радиоспектроскопии, защитил кандидатскую диссертацию по физике, но из университета ушёл. Сын помогает Елене Николаевне осваивать новую компьютерную технику и новые технологии.

Выросли внуки. Елена Николаевна с детства любила симфоническую музыку. Её любовь к музыке передалась внукам.

Старший внук Юрий учился в музыкальной школе и в обычной школе в математическом классе. В 15 лет Юрий уехал из Перми в Свердловск, поступил в школу при консерватории, потом учился в консерватории, работал в камерном оркестре, с этим оркестром ездил в Германию, Швецию и другие европейские страны. Он участвовал в 12-м международном конкурсе имени П. И. Чайковского. После учёбы в московской консерватории Юрий вернулся в Пермь, работал в оркестре театра оперы и балета. Потом его пригласили на работу в Новосибирск, через некоторое время с новосибирским оркестром Юрий снова вернулся в Пермь. Сейчас он работает в театре, преподаёт на кафедре струнных инструментов в институте культуры.

Младший внук Алексей окончил школу юных композиторов, учился на историческом факультете Пермского государственного университета. Во время учёбы активно участвовал в самодеятельности. Сейчас работает в Доме народного творчества, занимается организацией различных массовых мероприятий, пишет и исполняет рок-музыку. Алексей женился, родился сын Тимоша. Елена Николаевна стала прабабушкой.

Елена Николаевна раньше с удовольствием читала мемуары и опубликованные письма русских писателей, теперь она пишет воспоминания о своей жизни. В самом начале воспоминаний есть такие слова, которые, с разрешения Елены Николаевны, хочется привести здесь: *«Я родилась в рубашке (буквально), и, по поверью, это предвещало счастливую жизнь. Была ли она счастливой? Где-то я вычитала, что «счастье человека не входило в план сотворения мира». Но когда оглядываюсь назад (а оглянуться есть куда – прошло 79 лет) и вспоминаю все то хорошее, что было в судьбе, то думаю, что была неким исключением из этой цитаты. Конечно, как в любой жизни, было все: беды, тяжёлые болезни, утраты близких и дорогих людей, предательство, враги, трудные обстоятельства. С ними приходилось бороться, и они отступали. Но было главное: любовь и забота родителей, замужество по взаимной любви, рождение желанного сына, любимое дело, творческая работа (она продолжается по сей день), настоящие друзья и просто хорошие люди, которые всегда встречались на моем пу-*

ти. Все это давало энергию, силы противостоять всему плохому и тяжёлому. И в итоге – я ощущаю себя как счастливый человек».

Е. В. Шкляева,
ст. научный сотрудник
Естественнонаучного института
Пермского государственного национального
исследовательского университета

Н О Н Н А

Судьба Нонны Петровны Потаповой (Галанинской) – это судьба целого поколения, преломлённая в судьбе одного человека. Вся жизнь Нонны Петровны, её отношение к миру, людям, детям, к карьере несёт отпечаток того, что с ней произошло в детстве.

Нонна Петровна родилась 24 апреля 1928 года в пос. Нижняя Курья (пригороде Перми) в семье Петра Фёдоровича и Юлии Константиновны Галанинских.

Дедушка Нонны Петровны (по материнской линии) Константин Иванович Накоряков был священнослужителем – как и его отец и дед. Он, как вспоминает Нонна Петровна, «был очень интересным человеком <...>. Все время работал в просвещенческом коллективе, все время учил – и грамоте, и Закону Божию, и пению. У него было пятеро детей, которые все пели и играли на разных инструментах: дома была скрипка, виолончель» (из интервью Р. Латыпову, 30.04.2004, Пермский «Мемориал»). Семья жила в Карагае. Но в 1918 году жизнь К. И. Накорякова трагически оборвалась: он был расстрелян вошедшими в Карагай красными войсками.

Мама Нонны Петровны после окончания Пермского епархиального училища работала в Нижнекурьинской школе, а папа был направлен на работу на Нижнекурьинский судоремонтный завод – после окончания Пермского речного училища. Там, в Нижней Курье, Юлия Константиновна и Пётр Фёдорович и познакомились и в 1927 году поженились.

Дед Нонны Петровны по отцовской линии был штурманом, а затем капитаном парохода, а по семейным преданиям – и владельцем парохода. Этот факт отцу Нонны Петровны всю жизнь приходилось скрывать, он выдавал себя за человека из рабочей семьи.

В 1933 году Петра Фёдоровича назначили начальником заготконторы Камского речного пароходства, и семья получила квартиру в центре Перми. Но такой относительно спокойный период жизни длил-

ся всего четыре года: в августе трагического 37-го Пётр Фёдорович был арестован, а в сентябре забрали и его жену. Юлию Константинову отправили в гулаговский АЛЖИР – Акмолинский лагерь жён изменников Родины, а затем в лагерь Долинка системы Карлага.

Пётр Фёдорович Галанинский был расстрелян в 1938 году, о чем Нонна Петровна и её мама узнали лишь много позже, после известного съезда партии. Официальная версия для Юлии Константиновны и Нонны Петровна состояла в том, что П. Ф. Галанинский умер в результате тяжёлой болезни.

После ареста родителей девятилетнюю Нонну было позволено оставить у родственников. Так она и жила долгое время то в Нытве, то в Горьком, то в Перми. В конечном итоге родные Юлии Константиновны приняли решение, и Нонну Петровну приняла к себе семья её дяди, Николая Константиновича Накорякова, брата Юлии Константиновны. «Я понимаю сейчас, на что они шли, беря меня к себе. Он – сын священника, его жена, Людмила Карловна Бонэ, – дочь дворянки и обрусевшего немца, владельца аптеки. Они очень рисковали» (из интервью Р. Латыпову, 30.04.2004, Пермский «Мемориал»).

Как-то перед поступлением в университет Людмила Карловна спросила Нонну Петровну, не хочет ли она, чтобы её удочерил Николай Константинович. То есть, в конечном итоге, речь шла о смене фамилии, тогда многие отказывались от родителей – «изменников Родины». Но Нонна Петровна сохранила фамилию Галанинская до своего замужества.

Поступив в университет, Нонна Петровна получила место в общежитии. Общежитие находилось в том корпусе, где в настоящее время расположена лаборатория радиохимии и хозяйственная часть университета. Комната находилась на последнем этаже этого здания, в ней жили 15 студенток. Они называли свою комнату «Сказочное королевство». Юноши, с которыми они дружили, жили в комнате, прозванной ими «Демократическая республика». Принцессы из Сказочного королевства подружились на всю жизнь. Одну из «принцесс», В. И. Маркину, до сей поры связывают с Нонной Петровной очень тёплые отношения.

Мама Нонны Петровны отсидела в лагерях Гулага 10 лет, после чего в 1947 году ей было разрешено жить в Пермской области на 105-м километре и работать бухгалтером леспромхоза в пос. Сылва. Лишь спустя ещё 6 лет она смогла вернуться в город Пермь и быть рядом с дочерью. Юлия Константиновна стала незаменимым человеком для своих внучек, дочерей Нонны Петровны, очень близким и очень тёплым.

В 1950-м году Нонна Петровна закончила филологический факультет ПГУ по кафедре русского языка и общего языкознания. Руководителем её дипломной работы являлся Иван Михайлович Захаров, личность которого во многом определила мировоззрение Ноны Петровны, её отношение к делу и к любимой работе. После окончания университета Нонна Петровна была оставлена там лаборантом.

В 1953-м году Нонна Петровна выходит замуж за Виктора Петровича Потапова – выпускника химического факультета. Судьба Виктора Петровича практически повторяла судьбу Нонны Петровны. Это и расстрелянный в 1938 году отец, и выгнанная с маленькими детьми на улицу мать, и работа на военном заводе с 1941 по 1947 год, и поступление в ПГУ, и отказ в поступлении в аспирантуру в Москве, в Казани и в Перми. Благодаря стараниям близких ему удалось устроиться на работу в недавно созданную лабораторию (ЦНИЛ), деятельность которой была связана с нефтеразведкой. Так до конца своей жизни Виктор Петрович и не сменил место работы, переходя вместе с этой лабораторией из одной организации в другую и оставаясь при этом её заведующим.

В семье Потаповых родились две дочери – Елена (1953 г.) и Татьяна (1957 г.). В тот момент семья проживала на Коноваловских пашнях (начало нынешнего микрорайона «Садовый»). Там планировалось построить Нефтеград, так как были найдены месторождения нефти, которые потом были признаны неперспективными. Для выполнения этого проекта в этом районе было построено жильё для будущих нефтяников и их семей. Эти двухэтажные дома стоят до сих пор. Сейчас доехать до тех краёв не представляет особой сложности, но вот тогда самым близким транспортным средством был трамвай, ходивший по улице К. Маркса (Сибирской). Поэтому каждый день Нонна Петровна и Виктор Петрович преодолевали огромное расстояние, чтобы успеть на работу. Старшую дочь оставляли с няней, так как мама Виктора Петровича отказалась водиться с «нехристью». Такие были времена. Младшей дочери тоже было уготовано общение с няней, но тут на счастье родителей открыли детские ясли, где Нонне Петровне, как многодетной маме, дали место для младшей дочери, старшую же дочь с завидным постоянством возили через лог к бабушке на ул. Героев Хасана, где Юлии Константиновне дали «жильё» – комнату в домишке, держащемся на подпорках. В канун 1959 года Нонна Петровна с семьёй переехала в новую квартиру, которую дали Виктору Петровичу в связи с созданием нового института, связанного с разведкой нефти. Наконец-то жить стало немного легче.

В эти годы кафедры, где работала Нонна Петровна, принимала участие в грандиозном проекте – создании Атласа русских народных говоров. Идея такого Атласа была высказана ещё в конце XIX века академиком И. И. Срезневским, но приступить к этой работе оказалось возможным лишь после Великой Отечественной войны – в конце 40-х годов XX века.

Все русскоязычные территории тогдашнего СССР были поделены на определённые регионы, которые закрепили за университетами и педагогическими институтами, где читались курсы русской диалектологии. Пермскому университету предстояло собирать материал для Атласа в Красновишерском, Чердынском, Ныробском (впоследствии Ныробский район был включён в состав Чердынского) и Соликамском районах Пермской области.

Сбор материала осуществлялся по «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (Изд-во АН СССР, М.-Л., 1947) по 15-километровой сетке, то есть обследовались говоры населённых пунктов, отстоящих друг от друга на расстояние не более чем на 15 км. Эта программа включала в себя 294 вопроса со множеством подвопросов (по фонетике, морфологии, синтаксису и лексике), и уезжать из населённого пункта полагалось только тогда, когда будут получены ответы на все вопросы и подвопросы.

Ежегодно, начиная с 1947 года, в летние и – часто – в зимние каникулы студенты и преподаватели отправлялись в диалектологические экспедиции. Первыми экспедициями руководили Франциска Леонтьевна Скитова и Ксения Александровна Фёдорова, а Нонна Петровна, тогда ещё студентка, была их постоянным участником. Став работником кафедры, Н.П. уже сама постоянно вывозила студентов в подобные экспедиции.

Нужно учитывать специфику тех мест, куда отправлялись экспедиции: север Пермской области – это место гулаговских зон и лагерей, где одновременно находились люди, отбывавшие наказание по уголовным статьям (уголовники), по политическим обвинениям (политические), и люди, находящиеся на поселении (ссыльнопоселенцы). Об охране участников экспедиций даже речи не было, и молодые преподаватели и студенты, в основном преподавательницы и студентки, с отвагой непросвещённых прокладывали пешие маршруты по лесам севера Пермского края.

Л. А. Грузберг, коллега Нонны Петровны, с которой они вместе прошли не одну сотню экспедиционных вёрст, рассказывает о таком случае (дело было в Ныробском районе в 1956 году): «Пешая дорога, лес. Там от пункта до пункта – ничего, только лес. Правда, рек там

немало. Все знают Вишеру и Колву, это большие реки, а маленьких безымянных речек там полно. И вот мы идём. Впереди – река. Такая, что вброд не перейдёшь, а вплавь не все могут... Видим: на том берегу стоит паром, но около него никого нет. С нашего же берега к реке нет никаких спусков, никаких мостиков. Вдруг на том берегу появляются четверо мужиков, которые нам показались огромными. И типичными уголовниками, с виду. Бог знает, что будет дальше... Кричать, бежать – совершенно бесполезно...

И вот они отвязывают паром, притягивают его на наш берег, говорят: «Садитесь»... Не помня себя от страха, входим на паром, нас везут на тот берег, девочки даже кокетничать пытаются, мужики молчат... Что будет через три, две, одну минуту?!

Паром причаливает. Мы выходим на берег. А «паромщики» плывут обратно.

Заговорить друг с другом мы смогли только через сотню-другую метров нашего пути через тот же бесконечный лес».

Распределение студентов по населённым пунктам осуществлялось так: например, в экспедицию отправлялось 14-16 студентов. В первой деревне, ближайшей к пристани или станции, оставалось 2-3 человека, остальные добирались до следующей деревни, где снова оставались от двух до четырёх человек – в зависимости от количества жителей деревни/села, и так на всем пути. В самом дальнем населённом пункте оставался преподаватель, тоже с двумя-тремя студентами. По пути назад студентов забирали, и к начальному пункту вся группа собиралась вместе.

Из преподавателей именно Нонна Петровна работала в самой дальней ныробской деревне – Дий, куда и сейчас добраться затруднительно (230 км от Ныроба и 200 км от села Черепаново). Л. А. Грузберг: «Дий – это был самый предельный населённый пункт, дальше которого мы не забирались. С какого-то места туда, в принципе, ничего не ходило, только свои ноженьки». Из впечатлений современного путешественника по Пермскому краю: «... невозможно было хотя бы не расспросить и о самых верхних колвинских деревнях. Выше Черепаново их три: Сусай, Талово и Дий. Но это уже места совершенно глухие, Черепаново на их фоне – цивилизный посёлок. Особенно самая крайняя деревня Дий: находится на таком отшибе, что я до сих пор не могу понять, как туда вообще добирались. Дорог там нет, а по реке это километров 100 выше Черепаново, и если уж здесь такие мели, лодка с трудом проходит, то как же тогда там? Мужики потом рассказывали, что пробовали как-то подняться в те места, порыбачить, да так и не смогли протащить лодку, бросили её в кустах, пешком пошли. Жите-

лей в тех трёх деревнях сейчас почти и не осталось: или совсем съехали, или остался только один жилой дом. С Дия недавно съехала последняя бабушка» («В неизведанный Пермский край. С Печоры на Колву: дорожное повествование», <http://www.rozhdestvenka.ru/perm.htm>). По воспоминаниям Л. А. Грузберг, питание во время этих экспедиций было весьма скудным, только то, что могли взять с собой. В меню присутствовали «чай белая роза» (кипячёная вода с сахаром или с подушечками) и «пряники с Вишерой» (каменные пряники, купленные в деревенском магазине, размоченные в реке), хлеб был практически всегда. Если попадали к состоятельным хозяевам, то могли полакомиться рыбными пирогами, рыба всегда запекалась вместе с костями.

Ответить на все вопросы «Программы» было подчас очень сложно. «Однажды, – рассказывает Л. А. Грузберг, – мы с моей однокурсницей, а в будущем и коллегой Н. Е. Васильевой, никак не могли «получить» форму «в мешке». Было и «мешок», и «с мешком», и «из мешка», а «в мешке» – ну никак! И вот Нина в отчаянии вопрошает: «Бабушка, вот если кого-то посадят в мешок, то где он будет?» Информант: «Ты чё-ко, девка! Пошто в мешок-от посадят?!» Нина (в ещё большем отчаянии): «Ну, а где вы раньше зерно держали?» Информант: «В амбаре, конечно»... Вот что тут сделаешь?!.. Только тот, *кто бывал в экспедиции*, поймёт это по-настоящему».

В 1971 году Нонна Петровна защитила диссертацию «Структура предложений с глаголами-сказуемыми разных лексико-семантических классов в разговорной речи (на материале говоров северной части Пермской области)». Научным руководителем диссертации был известный лингвист Т. П. Ломтев. Объем работы составил около 350 страниц без учёта приложения и списка литературы. Эта работа наряду с диссертационными работами Л. А. Грузберг, А. А. Мошевой, А. П. Шварц, а также многочисленными статьями членов словарной комиссии «способствовала уточнению методики сбора материалов при проведении диалектологических экспедиций» (Словарь говора деревни Акчим Пермской области, вып.1, А–З, Пермь, 1984, с.11). Защита успешно прошла в Саратове (в Перми тогда не было Совета по защите диссертаций).

Если говорить о работе Нонны Петровны над словарями, то нужно сказать и о том, что она внесла серьёзный вклад в создание «Словаря русских говоров севера Пермского края», работа над которым была приостановлена в связи с работой кафедры над «Словарем говора деревни Акчим» и целенаправленно возобновлена только в 80-е годы. Руководителем этой работы выступила Н.П. (Словарь русских говоров

севера Пермского края. Вып. 1 А–В, Пермь. 2011. с. 5). Первый том этого словаря увидел свет в 2011 г.

Нонна Петровна Потапова проработала на кафедре почти 60 лет! Главными людьми, определившими её профессиональную жизнь, она считает Ивана Михайловича Захарова и Марию Александровну Генкель – об этом Н.П. написала в работе «Учитель и время. Иван Михайлович Захаров» («Филолог», 2004, № 4, с. 94-97, в соавторстве с работником государственного архива Г. Ф. Станковской). В разное время коллегами Нонны Петровны были (кроме уже упоминавшихся в этой статье) Л. К. Андреева, С. Ю. Адливанкин, Л. Н. Мурзин, Л. В. Сахарный, Е. Н. Полякова, Т. И. Ерофеева, Р. В. Комина, Н. Е. Васильева, Р. С. Спивак, И. И. Русинова, Б. В. Кондаков, В. А. Салимовский, Ю. А. Левицкий и другие очень интересные люди, замечательные филологи.

Нонна Петровна преподавала такие сложные, интересные, необычные предметы, как старославянский язык и история русского языка. Вид текстов, старинных рукописей, которые анализировали студенты во время занятий, напоминает тайнопись, шифровки. Сдача экзаменов по этим предметам всегда представляла сложность для студентов, и окончание этих курсов служило некой чертой, Рубиконом, после чего можно было вздохнуть свободно. Нонна Петровна была строгим преподавателем, не терпевшим халтуры, её кредо – «Шпаргалка нарушает справедливость», тем не менее она всегда старалась доказать студенту, что он все-таки что-то знает. Отвечая на вопрос корреспондента «Перми Вечерней» – «Оценка, которую вы больше всего любите ставить?», Нонна Петровна сказала: «Больше всего люблю ставить «5». Но это не всегда получается. С годами я стала более доброй. Стала понимать, что исторграмматика – очень сложный предмет, его надо понять, а не выучить. Я всегда вижу, когда студент понимает. Даже если в процессе экзамена попадается что-то, что он не знает, то с помощью понимания закономерностей он тут же восполняет пробелы на экзамене. Может быть, за это нужно ставить «четвёрку», но ставлю «пять»».

В 1971 и 1972 годах Нонна Петровна работала в Чехословакии, обучая русскому языку студентов университета городов Усти-над-Лабем и Брно. При описании этого периода её жизни нужно обязательно учитывать, что Нонна Петровна оказалась в Чехии практически сразу же после подавления «Пражской весны» (1968 г.). Кроме того, никто не объяснял ей, как можно построить такой курс обучения. (В то время в Перми нельзя было представить себе наличие иностранных

студентов!) Программа, составленная Нонной Петровной, целиком опиралась на её большой педагогический опыт. Чешского языка Нонна Петровна практически не знала. Возможно, считалось, что это даже хорошо, ибо в этом случае преподаватель, не знающий родного языка студентов, вынуждал их понимать изучаемый русский язык, не прибегая к чешскому языку. Почти что метод «погружения»! Ей было безумно трудно там, что чётко видно из дневника, который Нонна Петровна вела во время первой поездки в Чехию. Она попала в другое измерение, в другую культуру, пусть и славянскую. Её спасли врождённая интеллигентность, доброжелательность и искренность. Скорее всего, именно эти качества определили восприятие Нонны Петровны теми людьми, с которыми она сталкивалась в Чехии. Результатом этой поездки становится разработка курса чешского языка для студентов филологического факультета ПГУ. Долгое время Нонна Петровна оставалась единственным преподавателем, ведущим этот предмет. Все начиналось с нуля.

В 1975–1976 году Нонна Петровна в течение года преподавала русский язык в университете города Экс-ан-Прованс (Франция).

Нонна Петровна оказалась тем человеком, который смог разрушить негативный стереотип советского человека, который сложился в представлении некоторых зарубежных коллег. Это нашло своё отражение в том, что многие из её новых коллег и студентов, как чешских, так и французских, стали её друзьями, писали Нонне Петровне частые и подробные письма, спрашивали совета.

Из писем зарубежных коллег Нонны Петровны:

Власта Влашинова, 1976 г. (Брно): «Мы не раз вспоминаем Вас дома и на кафедре. Последний лектор нас вообще не удовлетворил, была это даже не русская, так что пользы от неё было мало как студентам, так и нам. Не попробуете ли ещё раз к нам приехать? Мы все рады были бы принять вас как своего человека, настоящего сотрудника».

Алеш Брандер, 1978 г. (Брно) «Вы мне, Нонна Петровна, писали, что Вы занимаетесь со студентами чешским языком. На практических занятиях читаете вырезки из чешских журналов. Я постараюсь Вам послать какие-нибудь журналы, чтобы у Вас было достаточно материала на занятиях. А что нового у Вас, Нонна Петровна? ещё не произвели в доценты? <...> ещё раз спасибо за присланные книги».

Алеш Брандер, 1992 г. (Брно) «Думаю о теме (доцентской работы), так как это должна быть совсем новая тема, не имеющая ничего общего с работой кандидатской. Проф. Вечерка, палеословенист, мне рекомендует исследовать образование глаголов в древнерусском языке

и ситуацию сравнить с чешским языком. Эта тема мне кажется трудной. Что думаете Вы, Нонна Петровна? Мы все следим за событиями в Вашей стране. Жизнь стала действительно весьма осложнённой. Посмотрим, что будет дальше. Нонна Петровна, приветы на кафедре передал. Все, кто Вас помнят, очень рады, что Вы о них не забыли. Когда у Вас опять найдётся немножко свободного времени, напишите».

Маргарита, 1976 (Экс-ан-Прованс): «Сегодня получила от Вас уже вторую посылку с книгой Мурзина, которая так заинтересовала меня два года тому назад. Она оказалась у меня очень кстати, я как раз хочу использовать понятие «компрессии субъекта», выдвинутое автором. Это понятие позволит в новом свете рассмотреть целый ряд безличных предложений...<...> И за Вашу статью тоже большое спасибо, я её спокойно прочту и, может быть, захочется спросить кое-что у Вас, как бывало, когда Вы работали у нас лектором...Вы единственный лектор, с которым мне бы хотелось повидаться, а у нас посылают только в Москву и в Ленинград...<...> А ваша диссертация? Мне не хватает наших разговоров про синтаксис, Вы мне сделали много ценных замечаний; благодаря Вам я открыла Янко-Троицкую и Золотову <...> Мы очень часто вспоминаем Вас, может быть ещё как-нибудь вернёмтесь в Экс?»

Кристина и Пьер, 1977 (студенты Н.П., Экс): «В последнем письме Вы писали, что болеете. Вы не говорили, что с Вами, но мы надеемся, что не было ничего опасного и что Вам сейчас хорошо. Если Вам что-нибудь понадобится, какие-нибудь особые лекарства, пожалуйста, напишите. Мы как-нибудь передадим».

В 1977 Нонна Петровна получила звание и диплом доцента. Основной областью её научных интересов были и остаются славянские языки – синтаксис и семантика русского языка, особенности чешского языка. Ею написано около 100 работ, касающихся синтаксиса, семасиологии, лексикографии, лексикологии, этимологии, семантики и методики преподавания.

Многие из преподавателей прошлых лет и некоторые из современных преподавателей и сотрудников университета и других вузов в разное время являлись учениками Нонны Петровны, среди них И. И. Русинова, Ю. В. Зверева, Б. В. Кондаков, В. А. Мишланов, В. А. Салимовский, И. А. Овчинникова, В. А. Мальшева, А. А. Арустамова, Е. М. Четина, К. Э. Шумов и многие другие. Нонна Петровна никогда не была равнодушным человеком, всегда принимая живое участие в судьбе тех людей, с кем сталкивалась в процессе своей работы. Сохранилось много писем её студентов и сотрудников ка-

федры разных лет. Её могли попросить привести из Москвы солдатиков для маленького сына (при этом в письмо вкладываются деньги!) и одновременно найти в библиотеке новые материалы.

Из письма Л. С. Фоминых (ныне доцент кафедры методики преподавания русского языка ПГПУ) (27.11.1965): «...если можно, очень прошу Вас, посмотрите по каталогу, какие новые диссертации по методике р. яз. появились. Меня интересует простое предложение, всякое развитие речи при его изучении, а, может, есть что-то по синтаксическим синонимам...»

Для Нонны Петровны её родной факультет был вторым домом, даже порою первым, более важным. Иногда эти два дома трудно было разделить, так как коллеги становились её друзьями и друзьями её семьи. Много лет в небольшой квартире Потаповых по разным случаям собирались вместе со своими семьями К. А. Фёдорова, С. Ю. Адливанкин, Л. Н. Мурзин, Л. В. Сахарный, Е. Н. Полякова. Это были удивительно весёлые и беззаботные сборища, в этот момент уходили на задний план все неурядицы и «неудобицы» жизни, её проблемы и трудности. Отношения с семьёй Л. Н. Мурзина были настолько тесными, что Потаповыми и Мурзиными были куплены участки под дачи на 22 км по Горнозаводскому направлению, между этими участками никогда не существовало межи.

В 2006 году Нонна Петровна перенесла тяжёлую операцию, но её активная жизненная позиция дала ей силы ещё год после операции работать в родном университете. Только в 2008 году она оставила активную преподавательскую деятельность, но и сейчас Нонна Петровна не теряет интереса к жизни вообще и к жизни факультета в частности.

М. В. Воловинская,
доцент кафедры русской
и зарубежной литературы
Пермского государственного
педагогического университета

ЗИНАИДА ВАСИЛЬЕВНА СТАНКЕЕВА

С чего начинается университет? Думается, что среди первых филологических впечатлений многие выпускники назовут лекции и семинары Зинаиды Васильевны Станкеевой по введению в литературоведение. Я помню Зинаиду Васильевну столько же, сколько себя (судьба подарила моей маме, Р. В. Коминой, близкую дружбу с ней, пронесённую через долгие годы), но тем не менее «домашняя» Зинаида Васильевна не стёрла в моей памяти Станкееву-преподавателя, впервые открывшего для меня, что литературоведение – это серьёзная наука, привившего вкус к анализу текста, заставившего поверить в свои профессиональные силы. Она не стремилась произвести внешний эффект, подавить эрудицией, напугать сложностью предстоящего экзамена, но за всем, что она говорила, ощущались глубокая культура, серьёзное отношение к предмету, уважение к аудитории, понимание ответственности своей преподавательской миссии. Нам ещё предстояла встреча со многими блестящими лекторами, но «вводила в литературоведение» нас именно Зинаида Васильевна, и это останется в памяти навсегда.

Зинаиду Васильевну всегда отличали скромность, благородная сдержанность, стремление сосредоточить внимание студентов на сути обсуждаемой проблемы, а не на своей персоне. Поэтому я не помню, чтобы она рассказывала на занятиях какие-то эпизоды из собственной жизни, даже в тех случаях, когда такой рассказ мог бы оказаться к месту. А рассказать ей есть о чем.

Она родилась в 1927 году на Смоленщине в крошечной деревеньке Третьяково Батуринского района. Словно оправдывая своё название, деревня состояла из трёх домов. Как только в Третьяково появлялся четвёртый дом, начинался пожар, так что даже самые трезвомыслящие люди не могли не признать наличие некоей зловещей мистической закономерности. Впрочем, все это дела давно минувших дней, и отличить правду от вымысла сейчас вряд ли возможно. Однако

именно пожар отпечатался в памяти Зинаиды Васильевны как первое впечатление раннего детства. «Помню: мама несёт на руках маленького брата, я держусь за её подол, и мы убегаем от огня. Несмышленьш-брат радуется красоте и необычности происходящего, а я уже понимаю, что происходит что-то страшное», – вспоминает Зинаида Васильевна.

Отец Зинаиды Васильевны был сиротой (при каких обстоятельствах ушли из жизни его родители, она не знает), его вместе с братьями взяла на воспитание сельская учительница по фамилии Станкеева – так что фамилия, так памятная поколениям филологов, передалась не от далёких предков, а от доброй женщины, обогревшей чужих детей своим теплом, заменившей им мать. В том, как рассказывала Зинаида Васильевна о воспитавшей отца учительнице, чувствовалось, насколько близок ей этот психологический тип – сама она, как мало кто другой, умеет поддержать, помочь, взять на себя ответственность, умеет и хранить благодарность за малое и большое добро.

В Третьяково семья жила недолго, в школу Станкеева пошла уже в Кунцево (сейчас это часть Москвы, тогда был пристанционный посёлок). Повествуя о Кунцевском периоде своей жизни, Зинаида Васильевна опять не забывает с нежностью упомянуть добрых людей, встретившихся на жизненном пути. Инициатором переезда семьи Станкеевых в Кунцево стала подруга матери Зинаиды Васильевны, Нюра. Сама живущая с семьёй в бараке в крошечной комнатке, Нюра приютила у себя на время маленькую Зину. Зинаида Васильевна с улыбкой вспоминает, как ходила по длинному барачному коридору и распевала деревенские песни, развлекая таким образом многочисленных жильцов.

Через некоторое время появилось и своё жильё, отец стал комендантом железнодорожного городка, потом перешёл на ткацкую фабрику. Мать Зинаиды Васильевны, Александра Михайловна, работала на заводе, но, получив производственную травму, ушла из цеха и возглавила пошивочную мастерскую. Нетрудно догадаться, что филологов среди окружавших Зинаиду Васильевну людей в годы её детства не было. Однако любовь к чтению проявилась рано – при Кунцевской камвольной фабрике была библиотека, постоянной читательницей которой и стала Зинаида Васильевна. Однажды она, ещё дошкольница, взяла что-то вроде сказок Чуковского (точно вспомнить название книги Зинаида Васильевна не смогла), а на следующий день принесла книгу обратно. «Ты же была у нас вчера! Нельзя прочитать книгу так быстро!» – изумилась библиотекарьша. На что оскорблённая недоверием маленькая Зина рассказала всю сказку наизусть. Дружба с библио-

текой продолжилась и в дальнейшем – Зинаида Васильевна входила в библиотечный актив, участвовала во всех проводимых мероприятиях.

Но главной её любовью в школьные годы все-таки была математика, именно с этой наукой намеревалась Зинаида Васильевна связать своё будущее. На каждом уроке, помимо программного материала, ученикам предлагались задания повышенной сложности. Зинаида Васильевна вспоминает, что не ложилась спать до тех пор, пока не находила решение заковыристой задачи. На современном языке таких людей, как она, называют перфекционистами – если она начинала что-то делать, то просто не могла не выполнить задание на совесть. Однако факт, что искомое решение в конечном итоге находилось, свидетельствует не только о трудолюбии, упорстве и ответственности Зинаиды Васильевны, но и том, что она, несомненно, обладала математическими способностями.

Школу Зинаида Васильевна закончила с золотой медалью, причём во всем Кунцевском (не маленьком, в принципе, даже в сороковые годы) районе таких медалей было только три. В те годы медалистов в вузы принимали без экзаменов – именно таким путём поступила в МГУ и моя мама, – поэтому место в Московском университете Зинаиде Васильевне было гарантировано. Наверное, она могла бы стать замечательным математиком, но тут в её судьбу вмешался случай.

Документы на математический факультет у Зинаиды Васильевны не взяли, на моё растерянное «почему?» она спокойно отвечает: «Ну, маленькая я была, худенькая, невзрачная». Я начинаю спорить: судя по фотографиям, совсем наоборот – очень красивая, эффектная девушка. Но главное даже не в этом: если у медалистов есть право поступать на любой факультет без экзаменов – при чем тут внешность?!

Посоветоваться о выборе профессии Зинаиде Васильевне было не с кем: мать, сама имевшая лишь начальное образование, плохо разбиралась в специфике вузовского обучения, отец погиб на войне при форсировании Вислы в день своего сорокалетия. Зинаида Васильевна до сих пор бережно хранит его письма с фронта – знаменитые солдатские треугольники.

Так или иначе, мы должны быть благодарны странному члену приёмной комиссии, не давшим возможность Станкеевой поступить на математический факультет: в результате их нелогичного поведения она стала филологом и не пожалела об этом. Выбирая профессиональную судьбу в далёком 1945 году, Зинаида Васильевна руководствовалась прежде всего желанием стать учителем, позднее филология раскрыла перед ней свои глубины, увлекла, стала судьбой на всю оставшуюся жизнь.

Среди преподавателей МГУ 1940-х годов было много ярких личностей, выдающихся учёных, имена которых вошли в историю отечественной филологии. Зинаида Васильевна вспоминает прежде всего Геннадия Николаевича Поспелова, Сергея Ивановича Радцига, Абрама Александровича Белкина, Сергея Ивановича Ожегова.

Сергей Иванович Радциг (современные филологи знают его как автора учебника по античной литературе), уже достаточно немолодой, седовласый человек, казалось, своим своим обликом олицетворял понятие древности. Его лекции по античной литературе произвели на юную З.В. сильное эстетическое впечатление: все древнегреческие и древнеримские тексты Сергей Иванович цитировал на языке оригинала, музыка непонятных, но таких красивых древнегреческих и латинских слов завораживала её. Зинаида Васильевна до сих пор говорит об этом с волнением. А. А. Белкин запомнился тем, что не давал на лекции готовых ответов, а искал их вместе с аудиторией. Зинаида Васильевна не вошла в круг наиболее близких белкинских учеников, но уроки Абрама Александровича восприняла с благодарностью.

МГУ Станкеева закончила с отличием. Когда я на всякий случай переспросила её об этом, чтобы уточнить, не путаю ли я чего-нибудь, Зинаида Васильевна с удивлением ответила «конечно» так, как будто другого варианта она не могла для себя даже помыслить. На одном курсе с Зинаидой Васильевной училось много ярких студентов, ставших впоследствии известными филологами, – Яков Билинкус, Ясен Засурский, Лев Якименко, Сергей Бочаров. Думаю, что ей, девочке из пристанционного посёлка, не имевшей до поступления в университет особой филологической подготовки, стать на таком звёздном фоне круглой отличницей было не так уж просто. Например, моя мама, закончившая МГУ годом раньше, не могла похвастаться подобными результатами. Одним из главных своих жизненных достижений мама всегда считала «четвёрку», полученную на экзамене по введению в литературоведение у Г. Н. Поспелова (в сравнении со скромными успехами других студентов группы эта оценка выглядела весьма достойно), а вот Зинаида Васильевна все сдавала на «отлично», иначе она просто не могла.

Поглощённость учебной, впрочем, не помешала Зинаиде Васильевне увлечься бальными танцами, которым она училась в школе, организованной при Бауманском институте. Сама я видела её танцующей один раз, на юбилее у мамы, танцевала Зинаида Васильевна легко, грациозно, почти профессионально, и это тоже важный штрих к её портрету.

После окончания МГУ Станкееву пригласил в аспирантуру Ефим Семенович Ухалов, он предложил ей написать диссертацию о сатире поэтов некрасовской школы. Конъюнктурные соображения были всегда чужды Зинаиде Васильевне – тема её по-настоящему заинтересовала, она и сейчас говорит о своей диссертации с увлечением, поясняет, что в основу деления на главы положила жанровый принцип, цитирует строки пародий наизусть. Но все-таки не сатира является её стихией: видение мира сквозь сатирическую призму, думается, никогда не было органично для цельной, глубинно доброжелательной Зинаиды Васильевны с её светлой душой и внутренней гармонией. А вот Некрасов, в творчестве которого неразрывно сплелись лирика и эпос, действительно, её автор, и сама она воспринимается многими как женщина из некрасовского мира. Такими же «её» авторами стали Есенин и Блок – их творчеством она много и плодотворно занималась, уже став преподавателем Пермского университета. Результатом размышления Зинаиды Васильевны над национальной спецификой поэзии Блока и Есенина стали впоследствии две монографии, которые до сих пор читаются с интересом.

Каким образом в судьбе Станкеевой возникла Пермь? Ведь были и другие возможности. Комиссия по распределению направила Зинаиду Васильевну в Житомир, она со свойственной ей добросовестностью написала письмо своим потенциальным работодателям, но ответа не получила, после чего сделала резонное заключение, что в этом городе её никто не ждёт. Предлагали ей остаться и в Москве в Управлении делами при Совете Министров, но Зинаида Васильевна сразу поняла, что несмотря на внушительное название организации, в которой предстояло работать, деятельность клерка вряд ли её увлечёт, и отказалась от заманчивого предложения. Вскоре Зинаида Васильевна устроилась преподавать в техникум при заводе, работа ей очень нравилась, жильё в Кунцево было, казалось бы, чего можно ещё желать?

Но тут однокурсница и подруга Зинаиды Васильевны, Антонина Алексеевна Кудряшова, уехавшая сразу после окончания МГУ по распределению в Пермь, сообщает, что Пермскому университету срочно требуется преподаватель. По семейным обстоятельствам Антонина Алексеевна возвращалась в Москву и искала себе замену. Несмотря на то, что в Перми прежде Зинаида Васильевна никогда не была, над предложением она размышляла недолго. Когда-то подруга матери Зинаиды Васильевны позвала её за собой в Москву (если быть точным, в ближнее Подмосковье, ставшее впоследствии Москвой), что во многом определило дальнейшую судьбу всей семьи, потом подруга самой Зинаиды Васильевны позвала её из Москвы на Урал.

«Вам не жаль было оставлять Москву?» – задаю я естественный, как мне кажется, в этом контексте вопрос. «Абсолютно», – моментально отвечает Зинаида Васильевна так спокойно, твёрдо и убеждённо, что дальнейшие расспросы излишни. Возможность преподавать в вузе волновала, радовала, привлекала, в Пермь Зинаида Васильевна ехала с воодушевлением, и чувства, переполнявшие её, нашли ответный отклик у встретивших её пермяков.

Нужно сказать, что некоторое представление об Урале до переезда в Пермь Зинаида Васильевна все-таки имела. Её родственники по линии матери были раскулачены (несмотря на то, что у них, как и у миллионов других крестьян-тружеников, по сути, отбирать было нечего) и сосланы в Красновишерский район Пермской области. После окончания школы, летом 1945 года, она ездила к ним в гости – это было первое её самостоятельное путешествие, оставившее яркое впечатление на всю жизнь. Уральская природа потрясла своей мощью, богатством, величественной красотой (Красновишерский район – вообще один из самых живописных уголков Пермского края), случайные попутчики в поезде тронули доброжелательностью и равнодушием. Зинаида Васильевна, вчерашняя школьница, впервые отправившаяся в столь дальний путь, естественно, робела перед трудностями длинной дороги, но незнакомые люди помогали, советовали, поддерживали и даже прятали её от контролёров, прикрывая одеялами и подушками, т.к. билет у неё почему-то (может быть, по материальным соображениям) был не до конечного пункта назначения. Поэтому впечатления об Урале сложились самые светлые, страха перед неведомым не было, была надежда, и она оправдалась.

О том, как восприняли Станкееву филологи Пермского университета, великолепно написала Нина Евгеньевна Васильева, которая сама в год появления Зинаиды Васильевны в Перми (это был сентябрь 1954-го) была студенткой. Приведу фрагмент из её воспоминаний: *«Отлично помню самое первое впечатление от встречи с З.В. Это было как “солнечный удар” среди серых однообразных будней. Она приехала к нам из МГУ, после блестящей защиты кандидатской диссертации. Мы, студенты филфака, не сразу полюбившие свою alma mater, сначала были разочарованы общей серой тональностью, её давление лишало воли и энергии. И вдруг – ослепление красоты! И сегодня вижу эту картинку! Она вышла с кафедры и пошла по коридору исторического факультета. Молодая, с длинной черно-русой косой, в чёрной бархатной жилетке поверх расшитой крестом белой блузки, лицо открытое, лучистое, приветливое – русская красавица! Мы ещё не знали, что это наш новый преподаватель, но не ощутили контраст с*

окружающим фоном было невозможно. Потом это впечатление повторилось, когда З.В. пришла к нам на первое занятие. Мы разглядели её как нечто диковинное – её красота, свет, молодость очаровывали и подчиняли. С чьей-то лёгкой руки по курсу пошёл гулять симпатичный куплет:

*В сон медвежьего угла,
В царство Берендеево,
Блеск столичный привезла
Зиночка Станкеева».*

Эти впечатления подтверждаются и воспоминаниями людей, которые познакомились с Зинаидой Васильевной несколько позже. Галина Васильевна Куличкина, выпускница филфака 1971 года, впервые увидела Станкееву на консультации к вступительному экзамену по литературе, это было её первое впечатление об университете. Вот что она рассказала мне: *«Это было на летней организационной встрече абитуриентов 1966 года перед экзаменами. Нас собралось много, так как тогда был в школах двойной выпуск – одновременно 10-х и 11-х классов. Мы сидели в аудитории с возвышающимися рядами парт, и вошла она, вся светлая, в летнем платье, улыбающаяся, открытая к общению. Очень доброжелательная. Я тогда подумала, что у таких педагогов я бы хотела учиться».*

Но вернёмся к тому моменту, когда Пермский период в жизни Зинаиды Васильевны только начинался. Очень выразительно о первых впечатлениях от встреч с ней и самого её облика рассказывает Лина Львовна Кертман, она впервые познакомилась со Станкеевой ещё будучи школьницей, так как Зинаида Васильевна и семья Льва Ефимовича Кертмана и Сарры Яковлевны Фрадкиной какое-то время были соседями сначала в преподавательском общежитии на улице Ленина, а потом и в знаменитом Доме учёных на Комсомольском проспекте. Лина Львовна вспоминает: *«Она мне очень нравилась, я любовалась ею – она напоминала мне бывшую тогда кумиром многих кинозрителей Элину Быстрицкую в ныне, видимо, забытом фильме «Неоконченная повесть» – не буквальной внешней похожестью, но строгой красотой, сдержанной манерой поведения, честностью и цельностью натуры, застенчивостью...Лермонтовские строки, которыми я зачитывалась в подростковые годы –*

*От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром.
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром! –*

подходили к ней как ни к одной из знакомых мне женщин <...> Помню (как это виделось мне в моем четырнадцатилетии...) и начало её романа с будущим мужем – Александром Александровичем Ушаковым. Он тоже жил в нашем общежитии. Эта пара была не похожа на многие другие вокруг, – на те, где женщины лукаво кокетничали, а мужчины легко и остроумно шутили. Здесь ощущалась глубокая серьёзность, безоглядная самоотдача, включающая в себя готовность и к счастью, и к страданию, – все как в любимой ею русской литературе 19-го века, с которой она связала жизнь».

Александр Александрович, человек яркий, самобытный, от природы одарённый разнообразными талантами, был (вернее, стал на глазах у Зинаиды Васильевны) крупным учёным-юристом, заслуги которого высоко ценили в стране и за её пределами, но жизнь его состояла далёко не из одних триумфов и творческих озарений, в ней было немало тяжёлых и горьких моментов, и Зинаида Васильевна неизменно была надёжным другом, умелым помощником, мудрым советчиком, неутомимой хозяйкой большого дома. Она всегда умела создать домашний уют, а про её знаменитые пироги вспоминают все, кто хоть раз имел удовольствие их попробовать. При этом она жила не только проблемами семьи, но и интересами кафедры, факультета, её занятия надолго запомнились тем, кому посчастливилось у неё учиться.

Станкеева читала в университете два основных курса – введение в литературоведение и историю критики. В МГУ она слушала курс введения в литературоведение у Г. Н. Пospelова и, создавая свою концепцию, ориентировалась, в первую очередь, на традиции поспеловской школы. Однако, по её собственному признанию, Геннадий Николаевич читал лекции в строгом академическом стиле, не желая учитывать уровень подготовленности аудитории, сама же Зинаида Васильевна прекрасно понимала, что перед ней первокурсники, только начинающие постигать филологические премудрости.

Большое значение Зинаида Васильевна придавала практическим занятиям, на которых мы с увлечением анализировали эпические и лирические тексты, открывая в них такие глубины и оттенки, о которых поначалу не догадывались. Я до сих пор помню почти все тексты, которые предлагала нам Зинаида Васильевна, и в этом я не одинока. Вот что вспоминает об этих занятиях моя однокурсница Марина Лебедева, которая тоже стала вузовским преподавателем: *«Особенно западает в копилку жизненной памяти все первое – и курс «Введение в литературоведение», который вела Зинаида Васильевна, был как раз тем первым, что полностью оправдывало его название и даже наполняло более глубоким – личностным – смыслом. Мы – вчерашние не*

столько школьники даже, а «школяры» с вульгарно–социологическим подходом к литературе, видевишие в художественном тексте «учебник жизни», «слепок с действительности», – учились на занятиях Зинаиды Васильевны читать – в прямом, изначальном и высоком смысле этого слова.

Прекрасно помню, как поразил меня анализ рассказа А. П. Чехова «Егерь». Когда после наших нелепых (как теперь понимаю) и старательных попыток втиснуть рассказ в привычное послешкольное клише произведений «об угнетённом крестьянстве» Зинаида Васильевна глубоким и тихим голосом произнесла: «Да ведь это рассказ – о любви», – мы были поражены. Словно – раз! – и слетела наносная шелуха с глаз, которые отныне будут пристально всматриваться в созданные писателем строки. Так постепенно, от занятия к занятию, терпеливо по отношению к нам и с бесконечной любовью к литературе Зинаида Васильевна действительно «вводила» нас в мир подлинного читательства».

Наши с Мариной впечатления подтверждают и воспоминания Светланы Викторовны Бурдиной, бывшей студентки Зинаиды Васильевны, а ныне доктора филологических наук: «В контексте переизбытка лингвистических предметов на первом курсе филологического факультета «введение в литературоведение» воспринималась нами, студентами, жаждущими изучать русскую литературу, конечно же, как самая интересная и значимая дисциплина. Особенно запомнились практические занятия, на которых Зинаида Васильевна действительно «вводила» нас в литературоведение, посвящала в филологи: опыт прочтения рассказов Чехова «Студент» и «Скрипка Ротшильда», анализ подборок стихов начинающих авторов в журнале «Юность», сравнительный анализ стихотворений Пушкина «Что в имени тебе моем?» и Лермонтова «Я не унижусь пред тобой». Глубина, тонкость, интеллигентность, предельная доброжелательность, умение внимательно выслушать, поддержать, вселить уверенность, сказать доброе слово – все эти качества Зинаиды Васильевны помогли нам, первокурсникам, почувствовать себя настоящими литературоведами. Любое, даже самое маленькое, «открытие» не оставалось незамеченным, похвала окрыляла. Две синих тетрадочки – первые мои научные работы по художественному анализу произведения прозы и поэзии – до сих пор храню.

Уроки Зинаиды Васильевны бесценны ещё и потому, что – первые. Значимость их я смогла в полной степени осознать 10 лет спустя, когда сама стала вести практические занятия по курсу «введение в литературоведение». Долгое время даже рассказы для анализа

предлагала студентам именно те, чеховские, которые когда-то мы постигали с Зинаидой Васильевной».

Лично мне особенно запомнилось первое занятие, где мы анализировали подборку стихов начинающих авторов из журнала «Юность». Зинаида Васильевна дала нам задание найти самое лучшее и самое неудачное стихотворение и обосновать свой выбор. Сейчас, сама став преподавателем, я понимаю, какой интересный методический ход она придумала: первокурсники таким образом демонстрировали свой литературный вкус, филологическое чутье, учились аргументировать свою точку зрения и просто проявляли свою индивидуальность и тем самым знакомились друг с другом, ведь курс введения в литературоведение изучался в первом семестре, когда обучение только начиналось. Разумным нововведением Станкеевой стали и обязательные контрольные работы – письменный анализ эпического и лирического текста, которые каждый из нас должен был сдать на проверку перед экзаменом. В течение своей уже довольно долгой филологической жизни я анализировала много текстов, но ни к одной работе не относилась с таким трепетом, как к анализу рассказа Чехова «Архиерей», который должен был быть оценен Зинаидой Васильевной. То, что нашу семью связывала с семьёй Станкеевых-Ушаковых тесная дружба, а их дом был для меня практически родным, накладывало дополнительную ответственность.

Моя мама познакомилась с Зинаидой Васильевной ещё во время учёбы в Московском университете, но близкими подругами они стали уже в Перми. В воспоминаниях о маме Зинаида Васильевна писала: *«Очень скоро наши личные отношения достигли той степени близости, когда горе и радости делятся пополам, когда перед каждым серьёзным шагом советуешься друг с другом, а каждодневное общение приносит радость».* Я могу полностью подтвердить эти слова и в качестве доказательства процитировать строки из маминых дневников разных лет: *“Немножко посидели с Зиной на кафедре. Как мне всегда хорошо с ней”, “Вечером возвращались с Зиной. Так хорошо, поближнему поговорили обо всем”.* Мне кажется, очень точно сформулировала суть отношения мамы к Зинаиде Васильевне Нина Евгеньевна в своих воспоминаниях: *«Зинаиду Васильевну очень любила Римма Васильевна Комина: сверх все контакты и многолюдное общение, в котором протекала жизнь самой Риммы Васильевны, она в конечном счёте предпочитала «Зину».* Сложный состав личности Риммы Васильевны, её многослойное человеческое окружение, требовавшее дипломатии и связанного с ней психологического напряжения, нуждались в подпитке из чистого родника живой природы, и вот тут из

всех нас, друзей и близких Риммы Васильевны, заменить З.В. не мог никто. «Зиночка» прошла по жизни рядом с Р.В. как самый надёжный друг, бескорыстный и порядочный, великодушный и благородный».

Зинаида Васильевна поддерживала маму в разных непростых ситуациях, в том числе и связанных с идеологическим противостоянием на факультете. Порой дружеская самоотверженность Зинаиды Васильевны приобретала неожиданные проявления. Например, все мы надолго запомнили лютый мороз зимы 1978 года (по воспоминаниям Зинаиды Васильевны, было минус 54 градуса, по свидетельствам синоптиков – 47). Мы в то время переехали из Дома учёных, где соседствовали с семьёй Ушаковых-Станкеевых долгие годы, в отдельную квартиру на улице Большевицкая (ныне Екатерининская). Намечено было встретить Новый год вместе, но природа этому препятствовала, транспорт не ходил, люди боялись выйти из дому, однако дружба оказалась крепче аномально суровых морозов: Зинаида Васильевна с семьёй отправилась пешком к нам в гости по пустынным улицам застывшего города, и традиция не была нарушена! Излишне говорить, как все мы были рады и тронуты.

Сама я впервые познала, что такое настоящая дружба, благодаря дочери Зинаиды Васильевны, Тане. Она моложе меня на два года, но в общении разница в возрасте практически не ощущалась, с Таней мне всегда было интересно, так как даже в период раннего детства её отличали неординарность мышления, чувство юмора и, как сейчас выражаются, креативность. Она была талантлива во всем и любому делу отдавалась до конца: будь то игры, сбор грибов, изучение иностранных языков или рукоделие. Неутомимая выдумщица, внимательная слушательница, верный товарищ – я могу только благодарить судьбу за то, что она послала мне в детстве такую подругу. Таня сполна реализовала таланты, данные ей природой: пойдя по стопам отца, стала известным и уважаемым в городе юристом, в сорок лет защитила докторскую диссертацию. До сих пор трудно поверить в то, что жизнь Тани трагически оборвалась – это наша общая боль...

Счастье, что рядом есть Вера, старшая дочь Зинаиды Васильевны, унаследовавшая её лучшие качества. Мои родители любили вспоминать, как Вера в раннем детстве творчески интерпретировала знаменитое стихотворение А. Барто про мишку, которого уронили на пол. Концовка стихотворения в исполнении маленькой Верочки звучала следующим образом:

*Все равно его не брошу,
Потому что он болеет...*

Вера стала врачом, и нет никакого сомнения в том, что она никогда не бросит того, кто болеет и нуждается в помощи, и в этом она очень похожа на свою мать.

У Зинаиды Васильевны есть все основания гордиться тремя внучками, каждая из которых по-своему достойно продолжает семейные традиции. Младшая из них, Саша, блестяще закончила Высшую школу экономики и осталась в Москве, откуда почти полвека назад уехала сама Зинаида Васильевна. Жизнь продолжается, поэтому в конце этих воспоминаний мне хочется поставить многоточие...

Т. Г. Вилисова,
руководитель по развитию агентской сети СК ЗАО «АЛИКО»,
Л. В. Братухина,
старший преподаватель кафедры мировой литературы и культуры
ПГНИУ
З. М. Кашафутдинова,
преподаватель кафедры мировой литературы и культуры ПГНИУ

СВЯЗУЮЩЕЕ СЛОВО ПРОФЕССОРА ЯШЕНЬКИНОЙ

Раиса Фёдоровна Яшенькина – учёный-филолог, исследователь, диапазон научных интересов которого может показаться невероятным. В её работах перекликаются литература и философия, различные эпохи и национальные культуры. Статьи и монографии разных лет посвящены проблемам истории зарубежной литературы, а также развитию фундаментальных закономерностей мирового литературного процесса, в том числе формированию межкультурных связей в отечественной словесности.

Малая родина профессора Яшенькиной – село Дубасово в Пензенской области. Раиса Фёдоровна очень образно представляет культурную географию родных мест: «Дубасово входило в состав владений графа Шереметева. В сорока километрах – Тарханы М. Ю. Лермонтова. Здесь же вспоминаются и “Антоновские яблоки” И. А. Бунина. Из Пензенской области родом И. Ф. Волков и Я. Н. Засурский». В 1938 г. семья Раисы Фёдоровны переехала в Челябинск: отец работал на строительстве местной ГРЭС. В годы Великой Отечественной войны глава семьи служил начальником челябинского эвакуопункта, через который проходила эвакуация в районы Средней Азии. «Папа вместе со своим братом решительно просили отправить их на фронт. Брата, более молодого, взяли, а отца направили в эвакуопункт».

С детскими годами связаны воспоминания о первых прочитанных книгах: «Моей первой была книга Дж. Харриса “Сказки дядюшки Римуса”, а второй – “Тарас Бульба”; думаю, это было дело случая – тогда дети просто обменивались книгами. Сейчас наша домашняя библиотека разнообразна, хотя зарубежной литературы, разумеется, больше. Начало библиотеке положил А. А. Бельский. Мой вклад связан с американистикой. Русская классика присутствует, пожалуй, вся. Это кни-

ги зятя. Вместе с ним мы расширили философский сектор за счёт книг, которые стали издаваться в перестроечные годы. Конечно, вместе с внуком продолжаем собирать серию «ЖЗЛ». Всего книг в нашем доме более пяти тысяч. Немалую толику книг по специальности я перед уходом на пенсию отдала на кафедру, они пригодятся моим молодым коллегам, которые, как я надеюсь, продолжат традиции филологического факультета».

Р. Ф. Яшенькина преподавала в Пермском государственном университете полвека: с 1960-го по 2010-й год. Не одно поколение выпускников филологического факультета добрым словом вспоминает курсы по истории зарубежной литературы, читавшиеся Раисой Фёдоровной, – период романтизма и реализма XIX в., отличавшиеся неповторимым авторским стилем, сочетавшим серьёзный социально-исторический и литературоведческий анализ с доскональным рассмотрением философско-эстетического основания той или иной эпохи и творчества отдельных авторов. «Студенты, наверное, чувствовали, что я привязана к немецкой философской школе, хотя я уже скрывать пыталась», – шутит Раиса Фёдоровна. Экзамены она принимала с особой требовательностью, не исключавшей, впрочем, готовность понять студента, облегчить его «участь».

Многочисленные ученики – те, кто писал у Раисы Фёдоровны курсовые, а затем и дипломные работы – рассказывают о той творческой атмосфере на её семинарах, когда можно было отойти от заранее заданной схемы и погрузиться в удивительные авторские миры. В самом стиле общения профессора Яшенькиной с аудиторией всегда чувствовалась академическая школа. При этом теоретические материи уплотнялись жизненной вязью, а авторы статей в академических историях и энциклопедиях представлялись живыми, а научные споры – как нельзя более актуальными. Аспирантам Раисы Фёдоровны памятен удивительно заботливый, почти материнский стиль её руководства: она «доверяла» исследовательскую работу своим ученикам в том смысле, что не опекала их чрезмерно, но в то же время направляла, вела.

Школа рабочей молодёжи

В Пермский университет Раиса Фёдоровна пришла работать не сразу. В 1957-м году она с отличием окончила отделение русского языка и литературы историко-филологического факультета Челябинского пединститута, а уже в июне 1958-го – историко-филологический факультет Мичуринского пединститута Тамбовской области (специальность «История»), также с отличием. Однако два «красных» диплома ещё не давали ей права поступления в аспирантуру: всем вы-

пускникам педагогических вузов было положено отработать два года по своей специальности – учителями. Последовав за мужем в Пермь, Раиса Фёдоровна с 1958-го по 1960-й годы преподавала в школе рабочей молодёжи № 17.

«Раньше в таких школах учились пролетарии – токари, слесари, швеи – в общем, хорошие рабочие люди, – делится воспоминаниями профессор Яшенькина. – Это была школа для взрослых, возраст учеников был приблизительно от 20-ти до 33-х лет. В послевоенные 50-е годы жилось, конечно, трудно. Люди работали, кормили семьи, но ещё успевали учиться. Мне нравилось преподавать в школе рабочей молодёжи. С радостью вспоминаю ребят, которые поступали на «нулевой» курс, на так называемый рабфак, организованный для тех, кто не мог получить достойное образование в сельской местности, в отдалённых городах. В сельских школах не хватало учителей иностранных языков, математики: как правило, специалисты, которые на два года отправлялись в деревню, потом уезжали оттуда. Подобное различие между городом и деревней сохраняется, к стати, и до сих пор. Ребята с рабфака, отслужившие в армии, были старше студентов дневного отделения на два-три года. Поначалу рабфаковцам тяжело было: слишком большая, просто огромная разница в уровне подготовки, но они очень старались! Я их встречала с огромным сочувствием и большим желанием помочь. Многие впоследствии поступали на дневное отделение».

По образу и подобию филфака МГУ

В 1960-м году образовался филологический факультет Пермского университета, выделившись из состава общего историко-филологического факультета, деканом которого был К. С. Маханёк. Так личная история отражает начало новой эпохи в истории университета. «“Развод” был мирным, – вспоминает Раиса Фёдоровна. – Замдекана факультета доцент А. А. Бельский серьёзно обосновал выигрышные стороны специализации историков отдельно от филологов. План учебной подготовки студентов он строил по образцу филологического факультета Московского университета им. Ломоносова. Это была вдохновенная пора: отцы-основатели – А. А. Бельский, Р. В. Комина, З. В. Станкеева, В. В. Самойлов – являлись выпускниками аспирантур столичного, единственного в своём роде вуза. Их разделял один год... Они окончили МГУ, защитили диссертации, приехали в Пермский университет. Московский дух, творческие идеи определяли атмосферу нового факультета. Серьёзно осмыслились принципы специализации в подготовке студентов и выбор направлений научной работы. Глубина и серьёзность нарастали и в лингвистических исследованиях, их инициаторами стали приехавшие молодые учёные Л. В. Сахарный и

Л. Н. Мурзин. Открытие новых направлений было также связано с деятельностью талантливого и очень любимого студентами Ю. А. Левицкого».

Подобные события стали откликом на требования АН СССР выработать фундаментальный научный план для всего коллектива. План филологического факультета был включён в число важнейших тем АН СССР. С тех пор факультет и две его литературоведческие кафедры (в 1965 году по инициативе профессора А. А. Бельского открыли кафедру зарубежных литератур, что было связано с образованием на факультете романо-германской специальности) вели исследования по направлению «Художественные закономерности развития мирового литературного процесса». Руководителем направления была Р. Ф. Яшенкина, научным консультантом – Р. В. Комина. Все диссертационные исследования, так же как и научная работа студентов, строились в рамках этого направления. Результаты «укрупнения» научной тематики были налицо: кафедры укрупнялись молодыми квалифицированными кадрами собственной школы.

Ответ на вызов судьбы

Поздней осенью 1960-го г. Р. Ф. Яшенкина была принята на должность ассистента кафедры русской и зарубежной литературы. Проректор Пермского университета Николай Фролович Лебедев счёл возможным (и рискнул взять на себя ответственность) позволить ей работать на факультете, руководимом супругом Раисы Фёдоровны А. А. Бельским. «В то время подобная “семейственность” не приветствовалась, и в этом проявлялся особый подход к интеллигенции, – полагает Раиса Фёдоровна. – Ведь на производстве семейственность даже культивировалась: когда отец и сын трудились на одном комбайне или же возникала “трудова династия” сталеваров на заводе, – это была слава».

Обвинение в семейственности на факультете повлекло за собой сокращение по штату и уход из университета, впрочем, ненадолго. Парадоксально, но началом злключения стало выступление в 1964-м году на одном из теоретических (методологических) семинаров с критикой Солженицына. Раиса Фёдоровна искренне полагала, что Александр Исаевич не может быть причислен к представителям соцреализма на том основании, что в его произведениях нет социалистического идеала. Это событие совпало по времени с выдвижением писателя на соискание Ленинской премии.

– Сегодня, я думаю, очевидно, что сам Солженицын счёл бы себя оскорблённым, если бы его посчитали писателем соцреализма, – счи-

тает профессор Яшенькина. – Он никогда не был апологетом ни коммунизма, ни социализма...

Но в 1964-м году выступление молодого учёного стало движением против течения и проявлением характера, которого Раисе Фёдоровне не занимать. Пришлось поменять специальность и поступить в аспирантуру на кафедру эстетики философского факультета МГУ им. Ломоносова. Это стало одним из ключевых моментов в жизни Р. Ф. Яшенькиной. Её мудрым учителем был М. Ф. Овсянников, профессор, фронтовик, получивший тяжкое ранение в 1943-м году. Судьба его сложилась непросто: в своё время его лишили учёного звания и степени... за Гегеля, которому он посвятил своё докторское исследование. Такое трудное было время. Михаил Федотович с сочувствием отнёсся к молодому специалисту и поступил так же, как некогда его руководитель В. Ф. Асмус, доказавший, что гегельянство Овсянникова на самом деле таит в себе огромный потенциал для постижения различных философских направлений XIX века.

«Когда я поступала к М. Ф. Овсянникову в аспирантуру, он был заведующим кафедрой эстетики и деканом философского факультета, – вспоминает Раиса Фёдоровна. – Михаил Федотович полагал, что мне не стоит порывать окончательно с литературой (у меня к тому моменту уже были публикации по литературоведению). Вместе мы вышли на исследование эстетики Иоганнеса Бехера, занимавшегося теоретическим осмыслением немецкой литературы. Профессор Овсянников тогда сказал: “Изучите эстетику Бехера в отношении к классической философской традиции, чтобы понять, насколько глубокие корни имеет современная мысль в классике”. Я показала, что корни очень глубокие... В результате ещё до защиты кандидатской диссертации была опубликована моя монография. Таким образом, можно сказать, что методология, основанная на изучении теории эстетики, оказалась очень органичной для исследования творчества крупнейшего немецкого писателя XX-го века. М. Ф. Овсянников всегда полагал, что эстетика – это не абстрактная наука, не одни логические схемы; как таковая, она проистекает из творческих процессов. Таковой она была и для Гегеля, Лессинга».

Одновременно с обучением в аспирантуре она вела часы на только что открывшейся кафедре зарубежных литератур Пермского университета.

Выбор – в пользу Перми

М. Ф. Овсянников отпустил в Пермь свою аспирантку, «без пяти минут» кандидата философских наук, со словами: «Сама умная, езжай и пиши». И она написала, и вновь приехала в Москву. За неделю он

прочитал диссертацию, написал отзыв. Защита прошла блестяще. Р. Ф. Яшенькину пригласили работать в МГУ. Оказавшись на распутье, она не могла не посоветоваться со своим супругом и единомышленником. Вместе они решили остаться в Перми, чувствуя свои обязательства перед факультетом, продолжавшим своё становление.

По окончании аспирантуры Р. Ф. Яшенькина работала на 0,5 ставки на кафедре зарубежной литературы и на 0,5 – на кафедре научного коммунизма. «Работа на кафедре научного коммунизма казалась мне, выпускнице исторического факультета, близкой и даже “родной”, – продолжает рассказ Раиса Фёдоровна. – Там с меня не требовали строго научной работы. Сохранились у меня несколько работ тех лет, но я их в списках обычно не указываю – не вижу в них особых достоинств».

В 1977-м году случилась беда – неожиданно скончался А. А. Бельский, ни дня не находясь на больничном... Молодая кафедра осталась осиротевшей. Многие аспиранты тогда ещё только начинали свою преподавательскую и научную деятельность. И в этих условиях в августе 1977-го года на должность заведующего кафедрой была назначена Раиса Фёдоровна Яшенькина, тогда уже доцент. Она заведовала кафедрой зарубежных литератур 11 лет, вплоть до 1988-го года. В период её руководства кафедра укрепила научные связи с целым рядом крупнейших учёных, которые были членами издаваемых межвузовских сборников. Личные контакты заведующей помогли привлечь к сотрудничеству А. С. Дмитриева, А. С. Мулярчика, В. Н. Богословского, И. Ф. Волкова, Ю. В. Ковалева, Э. Ф. Осипову. Люди старшего поколения: Ю. В. Ковалёв, А. С. Дмитриев, И. Ф. Волков – участники Великой Отечественной войны.

Формирование пермской школы

В сложное для кафедры время Раиса Фёдоровна обратилась к московским коллегам, дружившим с А. А. Бельским, которые взяли на себя руководство работой Б. М. Проскурнина, диссертацией М. В. Петровой руководил профессор А. С. Мулярчик, работой Е. П. Ханжиной – профессор Ю. В. Ковалёв, работой И. И. Шутовой – профессор Б. И. Колесников. Это были люди, которых объединяли сходство творческих принципов, единство методологических подходов. Многие из них, как и Бельский, учились у профессора Р. М. Самарина. Все аспиранты благополучно защитились; пермская молодёжь, в свою очередь, продолжила традиции столичного вуза: изучение произведения в аспекте исторического развития литературного процесса, анализ жанровых форм, характерологии. По воспомин-

нениям Раисы Фёдоровны, термин «пермская школа» применительно к исследовательской традиции Пермского университета первым использовал Я. Н. Засурский в 1979-м году. С именем А. А. Бельского, основателя кафедры зарубежной литературы, связана история становления пермской школы англистики. Кафедра, возглавляемая Раисой Фёдоровной в 1977–1988 гг., расширяет направления научной работы: к существующим направлениям исследования немецкой, английской литературы добавляется американистика. Крупным исследователем в этой области становится Е. П. Ханжина, в настоящее время работающая в США.

Научные приоритеты и преемственность

Основной объект научных исследований кафедры на сегодняшний день – английская литература. Возглавляющий кафедру (ныне называющуюся кафедрой мировой литературы и культуры) Б. М. Проскурнин, ученик А. А. Бельского, последовательно продолжает линию исследования английского романа. В воспоминаниях Раисы Фёдоровны история кафедры предстаёт в судьбах конкретных людей, её коллег: «А. А. Бельский представил английскую литературу двух десятилетий XIX-го века, впервые ввёл в обиход отечественного литературоведения ряд имён английских писателей: Т. Л. Пикок, Дж. Остин, М. Эджворт и др. 40-е годы XIX-го века исследовала М. В. Фоменко, 50-е – Л. А. Шипицына. Англискому роману 60-х-70-х гг. XIX-го века посвящена кандидатская диссертация Б. М. Проскурнина. Его активная деятельность привела к открытию Викторианского центра и договору о сотрудничестве с Оксфордом».

Сама Р. Ф. Яшенькина также обратилась к исследованию литературы XIX-го века. Идея рассмотрения эстетической системы в развитии привела к тому, что романтизм и реализм стали основными предметами научных интересов Раисы Фёдоровны. Со временем были опубликованы книги «Из истории зарубежной литературы: проза французского романтизма: Текст лекций» (Пермь, 2000), «Проза немецкого романтизма: текст лекций» (Пермь, 2006), «Из истории зарубежной литературы 1830-1870-х годов. Зарубежная поэзия 1830-1870-х годов (Генрих Гейне, Шарль Бодлер, Уолт Уитмен)» (Пермь, 2009, в соавторстве с Б. М. Проскурниным). «Сам интерес к истории развития эстетических систем заставил меня поставить перед собой проблему: как меняется характер историзма в изображении действительности: романтический и реалистический историзм (первый открыл пути для второго, но каждый, несомненно, имеет свою специфику)», – размышляет профессор Яшенькина. В 1978-м году вышла монография, посвящённая памяти А. А. Бельского, «Становление историзма в лите-

ратуре XIX века». Впоследствии проблему историзма в литературе XX века затронула в своём диссертационном исследовании ученица Р. Ф. Яшенькиной Т. Г. Вилисова.

Занималась Раиса Фёдоровна и исследованием творчества американских авторов, таких, как С. Беллоу, Р. П. Уоррен, У. Доктороу.

Нужно было перестраиваться...

Была мечта о развитии на кафедре отдельных секторов английской, немецкой, французской, американской литератур, но случилось непредвиденное.

«Постперестроечное время ломало выстроенную систему подготовки квалифицированных кадров для вузов и школ, – считает профессор Яшенькина. – Одновременно произошло фактическое разделение специальностей на те, которые способны приносить университету коммерческий доход, и те, которые менее успешны в этом отношении». Филологический факультет Пермского университета, как некогда историко-филологический, разделился: от филологического обособился СИЯЛ (факультет современных иностранных языков и литератур). «Делили учебные часы, аудитории, курсы специализации, – вспоминает Раиса Фёдоровна. – Так, спецкурс по творчеству Ф. М. Достоевского, который я читала, оказался в плане СИЯЛа, хотя более органичен он был на филологическом факультете. Студенты СИЯЛа знали одно произведение Достоевского «Преступление и наказание» и осмыслить творчество Достоевского как явление мирового значения им было очень трудно. В литературоведческих курсах исчез принцип преподавания национальных литератур как части мирового литературного процесса, о котором писали в своё время Гёте и Пушкин». Действительно, во времена существования единого филологического факультета многие филологи-русисты воспитывались на спецкурсе «Ф. М. Достоевский и западноевропейская литература». Будущих специалистов по русской литературе неизменно привлекал сравнительный аспект в изучении творчества классика отечественной словесности и широчайший контекст русской и европейской литературной, критической, философской, религиозной традиций, привлекаемый для анализа на занятиях спецкурса. Многие студенты русского отделения специализировались у Раисы Фёдоровны, писали курсовые и дипломные работы, темы которых также строились на сопоставлении произведений немецких, английских, французских, американских авторов с произведениями русских писателей.

В трудные 1990-е годы учёному писать становилось неинтересно: «Учёные записки» все больше становились, как выразился известный учёный И. Е. Верцман, «кладбищем идей». Среди проблем современ-

ного литературоведения Раису Фёдоровну также волнует разрушение фундаментального подхода, вызванное обращением к узконаправленному, изолированному от целостного понимания произведения, часто, очень поверхностному, анализу «мелочей».

Новое время со всей очевидностью обозначило необходимость перемен. «Для себя я нашла такой выход: слово, обращённое к вузовской аудитории, слово устное и печатное, – рассказывает Раиса Фёдоровна. – Передать живое течение литературного процесса мне представляется возможным через систему сквозных идей, т.е. через развитие эстетических систем, жанров, их взаимодействий в рубежные эпохи. Таким образом, открывается возможность сочетать обобщающий характер историко-литературных дисциплин со “спецкурсностью”».

За пределами пермского круга

Жизнь меняет приоритеты. Если прежде учёные публиковали свои труды малым тиражом и сами же оплачивали печать, то затем пришли к необходимости сменить эту деятельность на другую: воспитывать учеников, которые стали бы связующей нитью, когда рвётся связь времён.

«На факультете сейчас работают молодые кандидаты наук Т. Г. Вилисова и Л. В. Братухина, аспирант З. М. Кашафутдинова, а в Германии нашу школу представляет А. В. Медведев, – отмечает Раиса Фёдоровна. – Многие германисты сумели получить в Германии дополнительное образование; иные выпускники становились заведующими кафедрами пермских вузов. В Кубанском государственном университете кафедру русистики и сравнительного культуроведения, а также Центр «Истории культуры (Россия, Сев. Америка)» возглавляет ещё одна моя ученица – Л. П. Башмакова».

Донести своё слово дальше пермского круга учеников Раисе Фёдоровне Яшенькиной помогли учебные пособия, на сегодня их четырнадцать. Одно из самых популярных, активно представленное в книжных Интернет-магазинах – изданное в соавторстве с профессором Б. М. Проскурным учебное пособие «История зарубежной литературы 19 века: Западноевропейская реалистическая проза». Пособие рекомендовано Учебно-методическим объединением вузов Российской Федерации по педагогическому образованию для студентов педагогических вузов по специальности 021700, М., Флинта-Наука. Эта книга была издана четырежды (1998, 2004, 2006, 2008).

Модернизация вторгается и в сферы гуманитарных наук. Свою лепту в этот процесс внесла и профессор Яшенькина со своим учеником А. В. Пустоваловым, издав книгу «Информационно-

коммуникативные технологии в преподавании зарубежной литературы на примере курса «Романтизм». (Пермь, 2007)

Признание заслуг

«Завершила работу в университете я осенью 2010-го года, – резюмирует Раиса Фёдоровна. – Оценили стаж работы и, видимо, её качество». В должности профессора в 2005-м году Раиса Фёдоровна была награждена Почётной грамотой «За значительные успехи в совершенствовании учебного процесса, повышении качества подготовки специалистов высшей квалификации», а весной 2010-го года Министерство образования и науки Российской Федерации наградило её знаком «Почётный работник Высшего профессионального образования». За этими официальными лаконичными формулировками стоит очень многое: и годы плодотворной научной работы, и непрестанные заботы о кафедре и вузе, ставших родными, и воспитание многочисленных учеников, для которых пример учителя стал определяющим в выборе собственного пути. За этими словами официального признания – целая жизнь, и каждое из них наполнено особым смыслом для всех, знакомых с Раисой Фёдоровной Яшенькиной.

Научно-художественное издание

Автор проекта и составитель ***Васильева Нина Евгеньевна***

НАШИ ВЕТЕРАНЫ

Страницы истории филологического факультета
Пермского университета

Издаётся в авторской редакции

Компьютерная вёрстка *В. А. Леготкина*

Веб-дизайн *А. В. Пустовалова*

Подписано в печать 14.04.2013. Формат 60x84/16.

Усл. печ. л. . Тираж 200 экз. Заказ .

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного национального
исследовательского университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного национального исследова-
тельского университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15

К 100-летию Пермского университета
Филологический факультет

НАШИ ВЕТЕРАНЫ

